

Д.О. Чураков

Русская революция

**и рабочее
самоуправление**

СЕРИЯ «ПЕРВАЯ МОНОГРАФИЯ»

АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА XX ВЕКА

В 1997 году серию “Первая монография” представляют

Институт русской и советской культуры им. Лотмана
Рурского университета (Бохум)

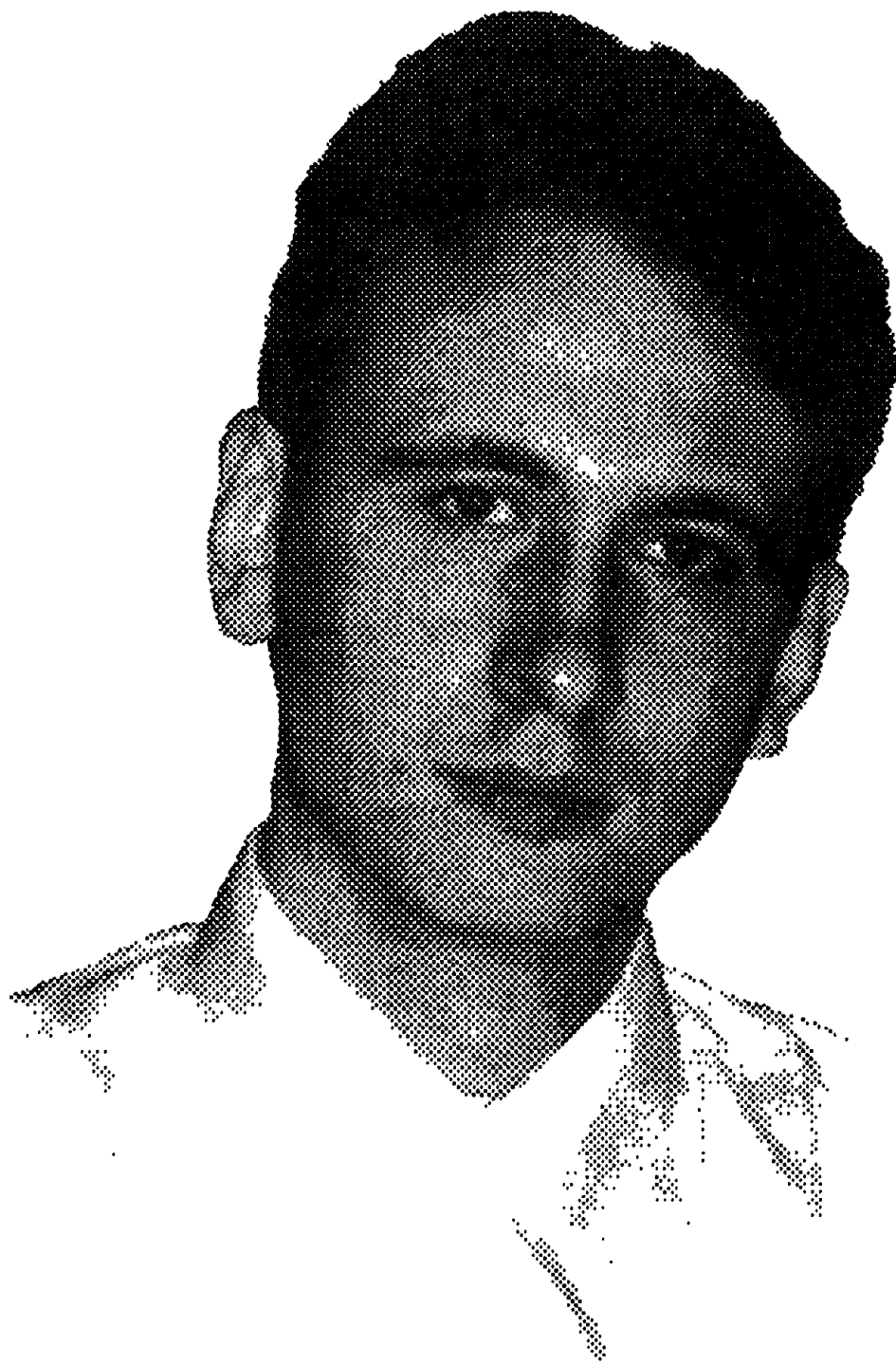
Фонд японских историков

Итальянский институт философских исследований
(Неаполь)

СЕРИЯ “ПЕРВАЯ МОНОГРАФИЯ”

под редакцией Г.А. Бордюгова

Чураков Димитрий Олегович (1967 г.р.) — работает старшим преподавателем на кафедре Новейшей отечественной истории МПГУ им. В.И. Ленина. Там же в 1995 г. защитил кандидатскую диссертацию “Российская революция и судьбы рабочего самоуправления” (научный руководитель профессор А.Ф. Киселёв). Область научных интересов — история рабочего движения, формирование советской политической системы, проблемы самоуправления.

Д.О. ЧУРАКОВ

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
И
РАБОЧЕЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ.
1917

МОСКВА
«АИРО – ХХ»
1998

Международный совет издательских программ АИРО-XX

Г. А. Бордюгов	главный редактор
А. И. Ушаков	исполнительный директор
Д. А. Аманжолова	“Исторический архив”
К. Аймермахер	Рурский университет
Д. Байрау	Тюбингенский университет
Б. Бонвеч	Рурский университет
В. П. Булдаков	Институт российской истории РАН
Х. Вада	Токийский университет
А. Ю. Ватлин	МГУ им. М.В. Ломоносова
Л. С. Гатагова	Институт российской истории РАН
П. Гобл	Фонд Потомак
Г. Горцка	Кассельский университет
А. Грациози	Университет Неаполя
Р. У. Дэвис	Бирмингемский университет
Е. Ю. Зубкова	Институт российской истории РАН
Ст. Коэн	Принстонский университет
Дж. Д. Морисон	Лидский университет
Н. Неймарк	Стэнфордский университет
Д. Рейли	Университет Северной Каролины на Чапел Хилл
О. В. Хлевнюк	“Свободная мысль”
Я. Хоулетт	Кембриджский университет

Представители АИРО-XX в Российской Федерации

В.М. Бухараев	Казань
В.А. Исаев	Новосибирск
В.В. Канищев	Тамбов
В.П. Федюк	Ярославль
Т.А. Чумаченко	Челябинск

Чураков Д.О.

Русская революция и рабочее самоуправление. 1917. (Серия “Первая монография” – под редакцией Г.А. Бордюгова) – М.: «АИРО-XX», 1998 – 204 с. ISBN 5-88735-039-3

В монографии на примере фабзавкомов рассматривается формирование в России начала века институтов гражданского общества, таких, как производственное самоуправление рабочих. Анализируется влияние общинных традиций трудовой демократии на рабочее движение 1917 г., причины кризиса органов рабочего представительства после Октября. Книга предназначена для специалистов, всех интересующихся историей.

Книга издана благодаря поддержке
Ministerium für Wissenschaft und Forschung (Düsseldorf)

ISBN 5-88735-039-3

© Чураков Д.О., 1998.

© Редактор серии Бордюгов Г.А., 1998.

© «АИРО-XX», 1998.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	7
ФАБЗАВКОМЫ КАК ФОРМА РАБОЧЕГО САМОУПРАВЛЕНИЯ	
Зарождение производственного представительства.....	22
Национальные традиции трудовой демократии.....	27
Крах идеи социального партнёрства.....	35
От рабочей самоорганизации к рабочему самоуправлению. Механизмы перехода	41
Становление фабзавкомов как формы производственного самоуправления	50
СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ РАБОЧЕГО САМОУПРАВЛЕНИЯ	
Интеграция органов рабочего представительства	67
На пути к новой государственности: роль фабзавкомов	75
Производственное и профессиональное самоуправление: природа конфликта	82
ОКТАБРЬ И КРИЗИС РАБОЧЕГО САМОУПРАВЛЕНИЯ	
Октябрь: "Однородное социалистическое правительство" с позиций пролетарских организаций.....	96
"Рабочий контроль" или "огосударствление": в поисках революционной доктрины.....	104
Противоречия в развитии органов рабочего представительства.....	120
Метаморфозы государственного курса	135
В лабиринтах кризиса	151
От "пролетарского коллективизма" к "военному коммунизму"...	162
РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И СУДЬБЫ РАБОЧЕГО САМОУПРАВЛЕНИЯ. ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	175
УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН	191
ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ	195

ВВЕДЕНИЕ

Обозначившаяся в последние десятилетия во всём мире тенденция усиления регулирующей роли государства уже не раз приводила к возникновению в самых различных странах авторитарных режимов. Существует несколько точек зрения, что же может стать гарантом от подобного развития в будущем. Как показывает практика цивилизованных стран, одним из институтов, укрепляющих демократические элементы в обществе и сохраняющих известное пространство для гражданской активности и инициативы, является самоуправление. О том же свидетельствует и опыт исторического развития – чем большим демократическим потенциалом обладало то или иное общественное движение, тем более радикальные и разнообразные формы самоуправления оно вызывало к жизни.

В этом смысле российская революция 1917 г. коренным образом отличалась от многих предшествующих ей. По сути, о ней можно говорить как о *революции самоуправления*. И это не случайно. Сейчас постепенно складывается понимание произошедшего в тот период отечественной истории как всеобъемлющего, системного “кризиса империи”, причём не просто традиционной или новейшей капиталистической, а империи реликтового типа (1), любой надлом в которой сразу переходил из политической, социальной или экономической области во все остальные сферы общественной жизни, в том числе психологическую, ментальную, морально-нравственную. Революционный взрыв поэтому имел множество причин и этапов своего созревания, крившихся в этических, аксиологических, институциональных, народно-хозяйственных условиях жизни российского общества (2). Поэтому же российская революция стала как бы переплетением нескольких совпавших по времени локальных революций, каждая из которых по-своему решала вопросы власти и общественной самоорганизации. Отсюда столь высокая роль самоуправления в процессе развития революции 1917 г. на общероссийском уровне (3). Многообразие форм самоуправления определялось, помимо всего прочего,

переходом от прежнего традиционного к современному гражданскому обществу, и это также повышало роль механизмов общественной саморегуляции, идущей снизу.

Но это с одной стороны. А что же с другой? Процесс становления гражданского общества в такой стране, как Россия, не мог не нести в себе немалого груза противоречий. Одним из таких *видимых* противоречий, ещё требующих своего осмысления, явился тот факт, что, обретя на определённом этапе революции 1917 г. первостепенное значение, самоуправление вскоре начинает терять свою силу, в конечном итоге уступает жестко централизованной государственной организации.

Является ли такое развитие опровержением демократизирующей роли самоуправления? Или дело в природе российского общества, неспособного к жизни в условиях демократии? Можно ли наконец расширенно толковать произошедшее в России в 1917 г. или же перед нами одна из случайных, специфических черт формирования нового постреволюционного государства? В этой связи перед исследователем, желающим разобраться в природе и закономерностях революции 1917 г., возникает ещё одна проблема. Дело в том, что, как мы уже говорили, образование гражданского общества, а также процессы кризиса империи пробудили к жизни самые разные формы самоуправления во всех слоях и группах российского общества. Однако постреволюционное государство формируется на основе только тех форм общественной самоорганизации, которые были рождены в недрах массового движения российского пролетариата.

Сам по себе этот факт даёт неплохой аргумент в руки сторонников прежних теорий пролетарской диктатуры. Однако рабочее самоуправление ненадолго пережило прочие формы самоуправления, возникшие на волне российской революции 1917 г. Несмотря на это очевидное обстоятельство, характерной приметой сегодняшнего дня является почти полное отсутствие интереса к рабочему движению. В этом смысле потребность серьёзного изучения и освещения борьбы рабочих в период русской революции 1917 г. представляется нам назревшей и неизбежной. Если подойти к этой теме не с точки зрения борьбы политических элит на протяжении всего революционного времени за преобладающее влияние в рабочем классе, а с точки зрения тех реальных процессов, которые определяли лицо массового движения рабочих, то мы увидим, что это именно то ключевое звено, без которого невозможно правильно понять ни революцию 1917 г., ни порождённую ею социальную систему.

В одном прикладном исследовании сложно дать ответы на все поставленные выше вопросы. Однако, как можно понять, главный вопрос, на который следует попытаться ответить и который мог бы послужить подзаголовком данной работы, следующий: возможно ли

в России рабочее самоуправление или это не более чем утопия политических доктринёров (4). В частности, если мы рассматриваем революцию 1917 г. как кризис империи и синергетический процесс её восстановления, то необходимо видеть силы, способные на такую титаническую работу. Если мы задаёмся вопросом о национальном и общецивилизационном характере российской революции, то рабочий класс даёт особенно много пищи для размышлений над вопросом о сочетании того и другого элементов в едином революционном процессе. Наконец, если вести речь о формировании гражданского общества, то именно рабочее самоуправление, ставшее одним из его проявлений и, кроме того, послужившее строительными лесами для создания нового государства, может представлять наибольший интерес.

Сам по себе вопрос о существовании рабочего самоуправления достаточно широк, и поэтому его целесообразней решать на примере конкретной исторической эпохи. Наиболее благодатным полем для исследователей может стать 1917 год. Но и здесь лучше выделить какой-то один, более локальный, но достаточно характерный объект для изучения. Представляется, что ответ на поставленную проблему о судьбе рабочего самоуправления может быть получен на материалах развития такой массовой формы рабочей самоорганизации, как фабричные и заводские рабочие комитеты, в частности фабзавкомы Центрального промышленного района России (ЦПР). Именно фабзавкомы в период революции 1917 г. были одним из важнейших звеньев постепенно формировавшейся системы самоуправляющихся организаций. Кроме того, именно они были наиболее массовыми и приближенными к интересам рабочего класса организациями. На их примере можно проследить все особенности институционных, социально-психологических и других процессов как внутри самого рабочего класса, так и в российском обществе (5).

Нельзя сказать, что фабзавкомам в прежней историографии не везло. Наоборот, работы, посвящённые истории их становления и деятельности, появились сразу же после революции. Часто эти работы принадлежали участникам событий: большевикам и их сторонникам (6), а также деятелям другого фланга рабочего движения (7). О концептуальных особенностях работ тех лет можно составить представление, например, по работам И. Скворцова-Степанова. Одной из ведущих тем его выступлений (8) является “контрреволюционность” и “консерватизм” фабзавкомов, особенно после Октября (9). С тех пор тема “заводского патриотизма” и “заскорузлости” становится одним из обязательных элементов работ о фабзавкомах. Характерно, что похожую позицию разделяли как большевики, так и меньшевики. В работах П. Гарви так же прослеживается мысль о “реакционности” низовых рабочих комитетов. По его мнению, сепаратизм фабзавкомов

мешал объединению всех сил рабочего класса и был на руку только большевикам (10).

Положительным моментом, характерным для первого периода освещения рабочего движения непосредственно на производстве, может считаться та пестрота оценок ключевых моментов его эволюции, и в особенности причин кризиса, последовавшего вслед за максималистским этапом революции. Одним из основных объяснений здесь служила ссылка на неразвитость и недостаточную численность пролетариата, на неготовность России к социализму вообще. Причина кризиса виделась в том, что анархистки настроенные, недавно пришедшие из деревень рабочие пошли за большевиками, тогда как за меньшевиками, сторонниками сильных рабочих объединений, пошла лишь незначительная часть передовых рабочих (11).

Пожалуй, наиболее интересным и продуктивным периодом, когда историки пытались понять истинные пружины бурного всплеска рабочей самодеятельности в период российской революции являлись 20-е гг. Причин этому несколько, но главная, без сомнения, имела доктринальную природу. Во-первых, идеологический пресс давал существенные трещины из-за непрерывной борьбы внутри руководства победившей партии и связанных с той или иной фракцией исторических школ. С другой же стороны, ни одна из соперничавших группировок ещё не оспаривала ведущую роль пролетариата в революции (12).

Именно в эти годы выходят исследования таких авторов, как М.Н. Покровский, О.Н. Чаадаев, Я. Фин и др. (13). Историки того времени не боялись высказывать спорные суждения, (при этом, правда, не всегда достаточно аргументируя их фактическим материалом). В центре их внимания находились такие проблемы, забывшиеся впоследствии, как борьба за “фабричную конституцию” (14), история фабрично-заводского представительства (15). Поднимались такие непростые противоречия истории фабзавкомов, как противоречия между ними и профсоюзами, между контролем рабочим и государственным (16). В это же время окончательно закрепляются основные негативные тенденции в освещении и фабзавкомов (и рабочего движения в целом). В первую очередь речь идёт о стремлении рассматривать рабочее движение через призму партийного влияния на него и партийной борьбы (17). Наиболее выпукло достоинства и недостатки этого этапа историографии рабочего движения на низовом уровне отразились в работах А.М. Панкратовой (18).

В последующие годы, с укреплением государственных начал в жизни советского общества, прежние революционные традиции и настроения становятся уже не столь необходимыми для официальной идеологии. В середине 30-х гг. ликвидируется секция по изучению истории пролетариата СССР. Это повлекло к изъятию указанной

темы из планов работ Института истории (19). Литература того периода насчитывает в целом несколько десятков наименований (20).

Возврат интереса к проблематике рабочего движения происходит только в 60—80-е гг. Появляются труды П.В. Волобуева, Л.С. Гапоненко, В.З. Дробижева, А.Г. Егоровой, П.А. Николаева (21) и других специалистов по истории рабочего класса. Последние работы по этой проблематике относятся к середине 80 — началу 90-х гг. Однако уже к этому времени заметна некоторая консервация подходов и тематики к изучению рабочего движения, в особенности развития фабрично-заводских комитетов (22). В работах этих лет политическая история преобладала над социальной, глобальная над региональной (и локальной). Это была история борьбы элит, а вовсе не изучение жизнедеятельности масс и конкретных людей, как официально провозглашалось. Что касается фабзавкомов, то они, в прямом соответствии с выше обозначенными тенденциями, трактовались исключительно как орудие большевиков в захвате власти и переустройстве на новый лад экономики страны. Понятно, что специфика рабочих комитетов как органов низового самоуправления практически полностью игнорировалась. Может показаться странным, но в последние годы *кардинальных перемен* в этом отношении не произошло, не говоря уже об отмеченном спаде интереса к рабочей проблематике вообще (23).

И всё же новые подходы в осмыслении эпохи революции сейчас начинают доминировать (24). О каком-то едином течении говорить, пожалуй, рано — слишком разнятся методы, взгляды, интересы исследователей, — но очертания будущего исторической науки в России угадываются в целом ряде монографий, сборников, материалах прошедших в последние годы конференций (25). Причём тон в этих процессах задаёт не только Москва. В других городах (и государствах, образовавшихся на территории бывшего СССР) появляются историки, внимание которых привлекают прежде неизученные грани исторического процесса. Через призму локализма по-новому рассматриваются механизмы сосуществования власти и общества (26). Изучение элементарных жизненных потребностей (например, в хлебе) даёт возможность иначе взглянуть на проблему созидательного и разрушительного в революции (27). Стихийные формы участия масс в политической жизни дали богатый материал для рассмотрения значимости психологического фактора (28). Наметился интерес к новым подходам в освещении социальной природы революции (29). В последние годы начинает интересовать историков также и проблематика развития самоуправления в контексте формирования институтов гражданского общества (30). Наконец, появляются исследования, напрямую выводящие на проблематику рабочего самоуправления, его роли в революции и послереволюционном развитии страны (31). Похожие

тенденции можно отметить и в зарубежной историографии. Выходят работы, специально посвященные социальной истории (32), в том числе показывающие развитие российского общества с позиций изучения её регионов (33).

Парадоксально, на Западе, в отличие от нас, не пропал, а, наоборот, усилился интерес историков к проблемам рабочего движения России (34). Интерес зарубежных авторов сегодня привлекают причины и механизмы социальной активности русского пролетариата (35). Некоторые из них склонны рассматривать события того времени непосредственно как революцию на фабриках или, иначе говоря, фабричную революцию (36). Ряд тенденций в западной историографии заслуживает особого внимания. Это, прежде всего, интерес к национальной специфике русского рабочего движения, в частности органов производственной демократии, — тема, не слишком разработанная в прежней науке как у нас, так и за рубежом (37). Выходят и работы, непосредственно посвященные фабзавкомам (38).

Словом, возросший интерес к социальной истории, а также явный недостаток исследований рабочего движения периода революции (39), прежде всего с точки зрения его влияния на формирование в стране гражданского общества, дают повод надеяться, что настоящее исследование окажется полезным. Ответ на вопрос о возможности в России рабочего самоуправления и конкретных его проявлениях в 1917 г. невозможен без новых архивных материалов, прежде всего провинциальных, в частности, в работе делается упор на документы их архивов металлургической Тулы и текстильного Иваново-Вознесенска. Речь в основном идёт о рутинных документах — протоколах фабзавкомов, листовках, торговых и бухгалтерских ведомостях, переписке и тому подобных рутинных документах, — но большинство из них создавалось самими рабочими. Само состояние документов и их сохранность позволяет судить о многом, так, документы очень наглядно отразили процесс затухания рабочего самоуправления. В сохранившихся протоколах фабрично-заводских комитетов с весны — лета 1918 г. резко падает число записей о прошедших заседаниях, сужается круг присутствующих на них лиц, снижается важность обсуждаемых вопросов. К осени 1918 г. тетради протоколов практически перестают заполняться вовсе. Именно знакомство с архивными материалами заставило усомниться в верности прежних трактовок фабзавкомовского движения и прийти к новому пониманию фабзавкомов как органов самоуправления.

При первоначальной переработке архивного материала, а также сведений из самых разнообразных газетных и журнальных изданий тех лет, литературы и опубликованных источников на первых порах ставилась задача выявить и обобщить максимальное количество проявлений рабочего самоуправления в деятельности рабочих комитетов,

чтобы иметь статистически значимые данные для анализа. Вторым шагом было выявление внутренних связей и закономерностей в развитии фабзавкомов. После этого возникла потребность рассмотреть ту социальную среду, в которой оно происходило, и механизмы взаимодействия между рабочим самоуправлением и процессами, происходящими в обществе в целом. На этом этапе пришлось уже более разборчиво выбирать источники. Предпочтение отдавалось тем документам и материалам, которые позволяли судить о процессах с точки зрения внутренней логики развития самих фабзавкомов.

Большое внимание далее было уделено документам, важным с точки зрения анализа формирования доктрины различных групп внутри политической элиты того периода: выступлениям политических деятелей, принимаемых государством нормативных актов, программ и решениям политических партий и общественных организаций, так как они и формировали ту среду (иными словами, объективную реальность), в которой фабзавкомам приходилось вести свою деятельность. Понятно, что все изученные документы приходилось соизмерять с общим экономическим положением воюющей страны: рабочее самоуправление складывалось на базе рабочего контроля над производством — остановись это производство, и ни о каком рабочем самоуправлении говорить, вероятно, не пришлось бы.

После выявления основного массива источников и построения на их основе общей концепции исследования необходимо было дополнительно искать документы о психосоциальной стороне событий. В основном это делалось для того, чтобы рассмотреть вероятное воздействие на рабочее движение 1917 г. национальных традиций самоуправления и трудовой демократии, — т. е. общинно-артельных традиций, а также представлений рабочих о справедливом обществе, их отношения к вопросам бюрократизма, демократии, наконец, началу перерождения рабочего государства.

Готовя рукопись к печати, пришлось серьёзно ограничить круг возникших на первых этапах исследования вопросов, связанных со спецификой короткой истории существования фабзавкомов, и ограничиться только наиболее, на наш взгляд, важными. Прежде всего потребовалось остановиться на вопросе о возникновении фабзавкомов и механизмах их развития, поскольку существующие на этот счёт трактовки показались слишком прямолинейными. Действительно ли при зарождении фабзавкомов и в процессе их эволюции определяющим фактором являлось внешнее воздействие со стороны политических партий или, наоборот, рабочая самоорганизация влияла на характер процессов, происходящих внутри узкого слоя политизированной интеллигенции (40)? Но если не партийное влияние, то где следует искать причину быстрого и повсеместного образования фабзавкомов уже в первые революционные недели? Были ли у рабочих

какие-то психологические стереотипы социального поведения, помогавшие им в процессе самоорганизации на первых его этапах, когда влияние политической пропаганды вполне ещё не сказалось на самостоятельном рабочем движении? Анализируя тенденции к централизации в рабочем движении, на его причинах также пришлось остановиться заново, уделив повышенное внимание не его противоречивости, но и той роли, которую играло рабочее самоуправление в складывании основ нового, послереволюционного государства. Рассматривается в монографии и такой сравнительно нетрадиционный для нашей науки вопрос, как роль идеи социального партнёрства в событиях 1917 г. и её влиянии на становление автономного рабочего представительства на производстве.

Наше исследование было бы неполным, если бы в нём не был рассмотрен ряд проблем, связанных с послеоктябрьским развитием движения за рабочее представительство на производстве. Нельзя сказать, что в прошлом деятельность фабзавкомов после октября 1917 г. рассматривалась сплошь по одним лишь декретам и резолюциям. Однако в качестве одной из задач настоящей работы пришлось остановиться как раз на сопоставлении реального положения дел в фабзавкомовском движении после победы большевиков с тем, как его представляли себе победители в своих декретах и публичных выступлениях. Вопрос о причинах и технологии кризиса рабочего самоуправления так же стал одним из ключевых в монографии, т. к. без него ответ о возможности рабочего самоуправления дать в принципе невозможно.

В процессе работы над книгой я оказался в долгу перед многими людьми и пользуюсь возможностью выразить им свою благодарность. Прежде всего, самые добрые слова мне хотелось бы сказать заведующему кафедрой Новейшей отечественной истории Э.М. Щагину. Именно он подсказал мне тему моего будущего исследования. До этого я занимался деятельностью в 1917 г. одного из лидеров левых коммунистов Н.И. Бухарина. Без своевременной поддержки мне было бы сложно так резко переключиться с сюжетов политической истории на социальную историю. Всегда важными и полезными были для меня оценки и размышления, которыми помогали мне В.П. Семейников, Г.А. Герасименко, А.В. Лубков, Н.Н. Виноградов, В.Т. Петров, В.Г. Тюкавкин, С.Л. Леонов. Серьёзную помощь ещё в период работы над проблемами левого коммунизма оказала мне Г.Д. Алексеева. Интерес к вопросам национальной специфики революции 1917 г. возник у меня в немалой степени благодаря публичным чтениям и лекциям А.Г. Кузьмина. За всё это я и выражаю свою крайнюю признательность. Особая моя благодарность — М.М. Горинкову, настоявшему на необходимости переработать диссертационное исследование в книгу, В.П. Булдакову, высоко отозвавшемуся о результатах

этой работы, и А.И. Ушакову, серьёзно помогавшему в подготовке рукописи к печати. Книга никогда не была бы написана, если бы не весомая помощь, оказанная мне сотрудниками Ивановского и Тульского государственных архивов, архивов Москвы, в которых мне пришлось работать, а так же библиотеки бывшего института марксизма-ленинизма и газетного зала Библиотеки им. В.И. Ленина. Они не только оказали действенную помощь, позволившую ускорить доступ к необходимым источникам, но и часто своими советами и замечаниями способствовали более глубокому пониманию наработанных в хранилищах материалов. Им хочу сказать самые тёплые слова признательности.

Отдельной строкой я выражаю искреннюю благодарность своему наставнику и научному руководителю А.Ф. Киселёву. Ему я обязан не только за возможность работать над рукописью и доброжелательное внимание к моим первым шагам в науке, но и за чисто человеческую поддержку, особенно ценимую в такое сложное время, как сейчас.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. подробнее: Модернизация в России и конфликт ценностей. М., 1994. С. 37–39.

2. См. подробнее: Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. Под ред. Г.А. Бордюгова. М., 1996. С. 183.

3. См. напр. подходы к такой постановке проблемы: Вада Х. Российские революции 1917 г. как комплекс революций в эпоху мировых войн // Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994; Исторические исследования в России. С. 187.

4. В этой связи отметим, что проблема возможности в России самоуправления, в том числе рабочего, находится в центре оживлённой общественной дискуссии. Существует несколько точек зрения на этот предмет, большинство из которых в той или иной степени признают определённое будущее и влияние рабочего самоуправления на сегодняшний политический процесс в России. Но есть и немало таких, кто отказывается признать за рабочим движением и в особенности за робкими пока ещё попытками рабочего самоуправления будущее. Нет единства и среди тех, кто идеи рабочего самоуправления не считает утопией. Часть из них видят в рабочем самоуправлении реальную альтернативу рыночным и бюрократическим механизмам общественной регуляции, другие отстаивают будущее рабочего самоуправления в рамках разнообразных концепций рыночного социализма или даже просто рыночного общества, наконец, есть сторонники реанимации существовавшей прежде в нашей стране системы при помощи некоторых (часто ограниченных) элементов рабочего самоуправления. В связи с этим возрос интерес к конкретным формам рабочего самоуправления, существующего в настоящее время у нас и в особенности на западе. Прежде всего речь может идти о так называемой Мондрагонской модели, коллективной рабочей собственности, участии рабочих в управлении предприятиями, “японском опыте”. Все эти явления пытаются проанализировать с точки зрения российского опыта. Заслуживает внимания, что в ходе дискуссии были подняты такие принципиальные вопросы, как соотношения понятий автономности и замкнутости, демократии как фактора производства, традиций и новаторства в рабочем движении, стимулов эффективного труда, перспектив индустриализма и постиндустриализма, критериев исторического прогресса с точки зрения человека у станка. В ходе дискуссии неоднократно делались попытки

посмотреть по-новому на само понятие рабочего класса, его содержание вчера и сегодня. Ряд отечественных профсоюзных деятелей предположили, что неудачи того типа реформ, который сейчас господствует в России, объясняется игнорированием национальных особенностей рабочей самоорганизации. Как бы там ни было, все эти и другие вопросы, связанные с вхождением страны в XXI, век действительно вряд ли возможно решить без внимания к вопросам самоуправления, в том числе, в не последнюю роль, рабочего. Дело, на наш взгляд, осложняется тем, что пока о судьбах рабочего самоуправления высказываются либо иностранцы, либо представители интеллигенции, в основном диссидентски настроенной по отношению к прежнему или нынешнему режимам (См.: Экономическое сознание трудящихся. М., 1989; Бузгалин А.В. Колганов А.И. Трагедия социализма. М., 1992; Колганов А.И. Коллективная собственность и коллективное предпринимательство. М., 1993; Исаев А. Экономическая демократия. Современная идеология традиционных профсоюзов России. М., 1997; Исаев А. Шубин А. Демократический социализм — будущее России. М., 1995; Боуман Э. Стоун Р. Рабочая собственность (Мондрагонская модель): ловушка или путь в будущее? М., 1994; Белоцерковский В. Общество самоуправления — спасение и расцвет России. М., 1994; он же. Самоуправление — будущее человечества или новая утопия. М., 1992; Самари К. План, рынок, демократия. М., 1992; Предраг Вранички. Самоуправление как перманентная революция // Социализм будущего. 1992. № 2; Сцелл Д. Участие, контроль работников и самоуправление. М., 1994; он же. The State, Trade Union and Self-Management. Issues of Competence and Control. Berlin/New York. 1988: de Gruyter и др.)

5. Что касается территориальных рамок исследования (сразу подчеркнём — не слишком жестких), то они тоже представляются оправданными. К этому подталкивает уже сам предмет изучения: самоуправление, как явление локального характера, может быть наиболее всесторонне изучено на местном материале. В прежней историографии (не будем сейчас отвлекаться на конкретные примеры, поскольку в данном случае речь идёт практически о всех работах, посвященных фабзавкомам и рабочему контролю в прошлом) имелись работы, посвященные рабочему движению того или иного региона России. Но прежде считалось правильным всю имеющуюся конкретику втискивать в прокрустово ложе готовых “общероссийских” схем (на самом же деле полученных на примере сильно вестернизированного рабочего движения в Петрограде). Понятно, что при этом не только терялась специфика фабзавкомовского движения в том или ином промышленном центре, но и в такой же мере искажалась картина его общего развития в общегосударственном масштабе. Пришла пора поставить логику исследований с головы на ноги и попытаться понять закономерности в развитии общероссийского рабочего движения через призму его региональных особенностей. Не менее оправданным кажется нам и опора в предпринятом нами исследовании на материалы фабзавкомов Московского промышленного региона. Как писал о роли Москвы в российской революции 1917 г. Джон Рид в своей известной книге: “В сущности, Петроград, хотя он уже вот уже двести лет является резиденцией русского правительства, всё же так и остался искусственным городом. Москва — настоящая Россия, Россия, какой она была в прошлом и станет в будущем; в Москве мы сможем почувствовать истинное отношение русского народа к революции” (См. Рид Дж. 10 дней, которые потрясли мир. М., 1958. С. 204). Эта оценка подтверждается и последующими исследованиями специфики Московского промышленного района. Так, исследования, проведённые современным историком Н.А. Ивановой, показывают, что ЦПР отличался и по составу рабочей силы, и по социальному составу торгово-промышленного класса, и по структуре промышленности, и по уровню связей с другими районами страны от прочих крупных промышленных зон России. В частности, более органично шло развитие различных отраслей производства. Если на Урале, или Донбассе, или, скажем, Петрограде перекосяк шёл в сторону одного какого-то сектора промышленности, то в ЦПР развивалась и металлургия, и добывающая, и лёгкая промышленность. Если Петроград жил в основном за счёт заграничного сырья и оборудования, то в ЦПР сырьё было местного производства или ввозилось из других районов России, тем самым его развитие обус-

лавливалось общим развитием страны. Неслучайно автор приходит к выводу, что в России исторически складывались крупные регионы, являвшие собой не просто географически определённые территории, но и специфические типы хозяйственной, социальной, политической, культурной деятельности людей, выражали неравномерность развития России и, что особенно важно, различные пути и уровни этого развития. (См.: Иванова Н.А. Промышленный центр России. 1907—1914 гг. М., 1995. С. 10—11.) Московский регион как бы был наиболее “чистым” в плане развития национальных форм хозяйствования, организации труда, массовой психологии. На его примере поэтому специфика рабочего движения в 1917 г. и может быть рассмотрена наиболее полно и всесторонне.

6. Бухарин Н. От крушения царизма до падения буржуазии. Харьков, 1923; Лозовский С.А. Профессиональные союзы в Советской России. М., 1920; Плетнев В.Ф. О рабочем контроле. М., 1918; Фрумкин Б. Руководство по рабочему контролю. М., 1918; он же. Рабочий контроль. Самара, 1918; Томский М., Очерки профессионального движения в России. М., 1924; он же. Профдвижение за 10 лет диктатуры пролетариата. М., 1927; Рязанов Д. Профессиональные союзы и диктатура пролетариата. Харьков, 1923; Шмидт В. Профсоюзы и Советская власть. М., 1927.

7. Мартов Ю. Итоги войны и революции. М., 1918; он же. Записки социал-демократа. М., 1924; Войтинский С. Годы побед и поражений. Кн. 1—2. Берлин—П.—М., 1923—1924; Далин Д. После войн и революций. Профсоюзы в России в первые годы революции (1917—1921). Нью-Йорк, 1981; он же. Закат большевизма: десять лет диктатуры. Рига, 1928; он же. Воспоминания социал-демократа. Нью-Йорк, 1946; Дан Ф.И. В дни революции. Берлин, 1922 (Летопись революции № 6); он же. К истории последних дней Временного правительства. Берлин, 1923. (Летопись революции № 1.) Кн. 1.

8. Естественно, наряду с признанием вклада фабзавкомов в большевистскую революцию.

9. Степанов И. От рабочего контроля к рабочему управлению в промышленности и земледелии. М., 1918. С. 7—8

10. Гарви П. Профсоюзы и кооперация после революции (1917—1921). CHALIDZE PUBLICATIONS 1989. С. 20—21. Понятно, что большевики говорили о “сепаратизме” фабзавкомов как о следствии мелкобуржуазного влияния меньшевиков и эсеров.

11. См. напр.: Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 1—3. М., 1991—1992; Прокопович С.Н. Война и народное хозяйство. М., 1978; Розенблом Д. Революция и рабочее движение. Год Русской революции. Пг., 1918; Мартынов А. Две диктатуры. Пг., 1918; Предисловие Р. Абрамовича к книге К. Каутского “От демократии к государственному рабству”. Берлин, 1922.

12. Доктринальная подмена “диктатуры пролетариата” на “диктатуру партии”, у истоков которой стоял Г. Зиновьев, произойдёт позже. Не сразу возьмёт верх и национал-большевистская доктрина Сталина, в которой пролетариату также отводились далеко не самые почётные места.

13. Шатилова Т. Фабзавкомы и профсоюзы в 1917—1918 гг. Л., 1927. Она же. Профессиональные союзы и Октябрь. // Красная летопись. 1927. № 2 /23/; Фин Я. Профдвижение СССР от возникновения до наших дней. М., 1928; Фабрично-заводские комитеты в России. М., 1928; Борьян Б. Рабочий контроль (1917—1921). // Вестник труда. 1921. № 10—11 и др.

14. По аналогии борьбы рабочих с самодержавием на всероссийском уровне. Такая постановка очень перспективна с точки зрения изучения закономерного становления в России рабочего самоуправления, поскольку обращает внимание прежде всего на то, что происходило на местном уровне.

15. Этот сюжет не менее важен, чем предыдущий. В принципе можно ощутить разницу в акцентах между “рабочим движением” и “рабочим представительством”. Проблематика рабочего представительства также напрямую выводит на вопрос

о рабочем самоуправлении, хотя, конечно, может трактоваться и в несколько более широких пределах (как это, впрочем, и делалось в 20-е гг.). Мы же тем не менее ниже будем рассматривать те аспекты рабочего представительства, которые имели локальный характер, а именно рабочего представительства на производстве.

16. Позже эти вопросы если и поднимались, то в очень сглаженном виде. Вместе с тем без их правильного освещения невозможно понять не только национальную специфику органов низового рабочего самоуправления в период революции (каковыми являлись фабзавкомы), но и особенности всего революционного движения рабочего класса в 1917 г. и его роль в дальнейшем развитии российского общества.

17. Тогда же ужесточается уже отмеченная выше тенденция рассматривать события в российской глубинке через призму происходившего в Петрограде, а происходившее в Петрограде, в свою очередь, через призму западноевропейского опыта политической и экономической борьбы рабочего класса.

18. До того как она стала занимать важные посты в исторической науке и советской бюрократической иерархии, ею было выпущено несколько исследований и сборников документов, которые для периода 20-х гг. могут считаться классическими, некоторые из них не устарели и сегодня. См.: Панкратова А.М. История развития фабрично-заводского представительства и фабрично-заводских комитетов в России. М., 1924; она же. Фабзавкомы в Германской революции (1918—1923). М., 1924; она же. Меллер В.Л. Алексей Иванович Рыков (его жизнь и деятельность). М., 1924; Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику. М., 1923 и др.

19. Игнатенко Т.А. Советская историография рабочего контроля и национализации промышленности в СССР. М., 1978. С. 129.

20. См. подробнее: Фабрично-заводские комитеты Петрограда в 1917 году. Протоколы. М., 1979; Иткин М.Л. Селицкий В.И., Черномаз И.Ш. Современная советская историография рабочего контроля 1917—1918 гг. // Вопросы истории. 1964. № 11.

21. См. напр.: Волобуев П.В. Пролетариат и буржуазия России в 1917 г. М., 1964; Гапоненко Л.С. Рабочий класс России в 1917 г. М., 1970; Дробижев В.З. Главный штаб социалистической промышленности (Очерки истории ВСНХ. 1917—1932 гг.). М., 1966; Егорова А.Г. Профсоюзы и фабзавкомы в борьбе за победу Октября. Март — октябрь 1917 г. М., 1960; Николаев П.А. Рабочие-металлисты Центрально-промышленного района в борьбе за победу Октябрьской революции (март — ноябрь 1917 года.). М., 1960 и др.

22. См. напр.: Виноградов В.А. Рабочий контроль над производством: теория, история, современность. М., 1983; Иткин М.Л. Рабочий контроль накануне Великого Октября. М., Высшая школа, 1984; История Советского рабочего класса. Рабочий класс Октябрьской революции и на защите её завоеваний. 1917—1920. Т. 1. М., Наука, 1984; Питерские рабочие и Великий Октябрь. Л., 1987 и др.

23. Похоже, что отмеченные выше особенности можно увидеть и в исследованиях по истории крестьянства, и армии, и интеллигенции, — словом они явственно носят пока доминирующий характер. Более того, в первые годы “перестройки” объективному историческому анализу приходилось пробиваться через солидный слой конъюнктуры и непрофессионализма (См. оценку этих противоречивых явлений в отечественной исторической науке в кн.: Бордюгов Г.А., Козлов В.А. История и конъюнктура. М., 1992).

24. Частично это обстоятельство можно объяснить взаимообогащением российской и западной исторических школ. В России, в частности, выходит книги нескольких зарубежных авторов, которые в своё время были классиками зарубежной историографии, в которых события 1917 г. рисуются без излишней доли политизации даже в тех случаях, когда речь идёт непосредственно о политической истории (См.: Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. М., 1989). Важно, что появляются труды, которые можно считать одними из первых в развитии социальной истории и где анализируются глубинные перемены, происходившие на всех, в том числе и низовых этажах российского общества (См.: Карр Э.

История Советской России. Большеви́стская революция 1917—1923. Кн. 1. Т. 1; Т. 2. М., 1990). Положительным фактором можно считать “возвращение” на родину наиболее крупных историков русского зарубежья (См.: Ушаков А.И. История гражданской войны в литературе русского зарубежья. М., 1993).

25. К сожалению, подробно остановиться на всех интересных исследованиях и новых тенденциях последних лет мы не можем — это тема отдельного обстоятельного разговора, но нам всё же хотелось бы выделить несколько публикаций, способствующих общей переориентации исторического восприятия событий 1917 г. Среди сборников и совместных публикаций это, прежде всего: Октябрь 1917. Величайшее событие века или социальная катастрофа. М., 1991; 1917 год в исторических судьбах России. Проблемы истории Февральской революции. М., 1992; 1917 год в исторических судьбах России. Проблемы истории Октябрьской революции. М., 1992. История Советской России: новые идеи, суждения. Ч. 1. Тюмень, 1993; Октябрь 1917 года: вопросы истории. Н. Новгород, 1993; Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994; Россия в новое время: выбор пути исторического развития. М., 1994, а также указанный выше сборник: Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996; Революция и человек. Быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997 и др. Ряд интересных исследований появился в Ленинграде—Петербурге. См. напр.: Реформы или революция? Россия, 1861—1917. Материалы международного коллоквиума историков. СПб., 1992; Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб. В них нашли отражения и проблематика социальной истории, а также истории рабочего класса. Даже в случае переориентации интереса историков к событиям в русской провинции, революционные события в столице будут всегда привлекать внимание исследователей из-за их большого значения для судеб революции.

26. См. напр.: Аманжолова Д.А. Казахский автономизм и Россия. М., 1994; Федюк В.П. Белые: антибольшевистское движение на юге России. 1917—1918 гг. М., 1996; Фатуева Н.В. Противостояние: кризис власти — трагедия народа. Рязань, 1996; Коновалов В.В. Мелкие промышленники Сибири и большеви́стская диктатура. Вопросы теории и практики военного коммунизма. Новосибирск, 1995.

27. См. напр.: Павлюченков С.А. Крестьянский Брест, или Предыстория большеви́стского НЭПа. М., 1996.

28. Канищев В.В. Русский бунт — бессмысленный и беспощадный. Погромное движение в городах России в 1917—1918 гг. Тамбов, 1995.

29. См.: Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. М., 1994; она же. В поисках научной парадигмы. // Отечественная и всеобщая история. Методология, источниковедение, историография. Брянск, 1993.

30. Герасименко Г. Народ и власть (1917 год). М., 1995; Лавров В.М. “Крестьянский парламент” России. М., 1996; Емельянов Н.А. Местное самоуправление в дореволюционной России. Тула, 1997 и др.

31. В частности, в работе А.Ф. Киселёва, посвящённой формированию нового государства и его идеологии, ставится важная для рабочего самоуправления проблема огосударствления. Прежде одна из центральных, долгие годы она обходилась молчанием (См.: Киселёв А.Ф. Профсоюзы и Советское государство (Дискуссии 1917—1920 гг.). М., Прометей, 1991). Интересный подход содержится в ещё одном исследовании, автор которого А.А. Аузан рассматривает развитие рабочих организаций с точки зрения экономической целесообразности их деятельности (См.: Аузан А.А. Социалистическое самоуправление в экономике: политэкономический аспект. М., Экономика, 1987).

32. Холмс Л. Социальная история России: 1917—1941. Ростов-на-Дону, 1994.

33. Рейли Д. Дж. Политические судьбы российской губернии: 1917 в Саратове. Саратов, 1995.

34. Об общих закономерностях развития зарубежной историографии рабочего класса можно судить по: Kotkin S. “One Hand Clapping”: Russian Workers and 1917, — Labor History 1991, Fall, Vol 32. № 4. P. 604—609; Mood D. Agriculture and Peasants, Industry and

Workers, Political Parties and Revolution; Resent Books on Russian History. – European History Quarterly. 1992. Vol. 22. № 4. P. 597–604. См. так же исторический раздел исследований Cristensen Paul Thomas. Industrial Russia under the new regimes: Labor relations and democratization, 1985—1993. Prienceton University. 1993.

35. См. напр.: Кёнкер Д. Розенберг В. Стачки и революция в России в 1917 г. // Вопросы истории. 1991. № 11.

36. Husband. William B. Revolution in the Factory / The Birth of Soviet Textile Industry. 1917—1920 New York — Oxford. Oxford University press 1990

37. Shkliarevsky G. Labor in the Russian Revolution / Factory Committees and Trade Union 1917—1918. N. Y 1993.

38. Мандель Д. Рабочий контроль на заводах Петрограда // Альтернативы. 1995. № 2. 112–135; № 3 116–137.

39. Здесь, к слову сказать, нельзя не отметить того факта, что этот недостаток исследовательского внимания к вопросам истории рабочего класса более ранних периодов проявился в существенно меньшей мере. По дореволюционному рабочему движению в последние годы появились не только отдельные статьи, но и крупные серьёзные исследования (См. напр.: Хроника рабочего движения в России. Апрель—декабрь 1912 г. Ч. 1. М., 1991. Ч. 2. М., 1995; Бойко Т.В. Рабочие России и культура. Полемика на страницах консервативной и либеральной периодики начала XX века. М., 1997 и др.).

40. Отметим, что в этой связи мне пришлось глубже познакомиться со взглядами на рабочее самоуправление не только меньшевистских партий (от монархистов, октябристов, прогрессистов и кадетов до анархо-синдикалистов), но и различных группировок внутри самой большевистской партии. На этом вопросе имеет смысл остановиться чуть подробнее. Нет причин объяснять, что в советской историографии эта тема получила наиболее запутанное толкование. На Западе же, наоборот, изучение доктринальной истории получило существенное развитие (Цакунов С.В. В лабиринте доктрины. М., 1994). Этому в том числе посвящена и недавно вышедшая у нас работа З. Галили (Галили З. Лидеры меньшевиков в Русской революции. М., Республика, 1993). Продолжением стал выпуск трёхтомника по истории меньшевизма, в подготовке которого принимали участие отечественные и зарубежные историки, в том числе и А. Ненароков, З. Галили, Л. Хеймсон (См.: Меньшевики в 1917 году. В 3-х тт. М., 1994). Большой интерес с точки зрения понимания тенденций, порождённых вступлением на историческую сцену России рабочего класса, имеют работы западных историков о представителях максималистских направлений внутри революционного лагеря. Появились такого рода исследования в нашей стране. Заслуживает, в частности, внимания публикация о М. Спиридоновой, подготовленная А. Рыбаковым и Ю. Мещеряковым (См.: “Блаженная” Мария. Новые документы к биографии М.А. Спиридоновой) // Неизвестная Россия. XX век. Кн. 2. М., 1992), а также монография В.М. Лаврова (См.: Лавров В.М. Мария Спиридонова: террористка и жертва террора. М., 1996) Понятно, что М. Спиридонова, “крестьянская революционерка”, с рабочим движением была связана в меньшей мере, но названные исследования важны, с нашей точки зрения, тем, что в них концентрировано прослеживается психологическое становление леворадикальной интеллигенции в контексте всей революционной эпохи. Из общего ряда работ, посвящённых деятелям левого лагеря, на наш взгляд, важно выделить те исследования, в которых рассматривается эволюция левого большевизма — течения, предопределившего многие повороты в развитии всей большевистской доктрины (Козн С. Бухарин. Политическая биография. 1888—1938. М., 1988; Кун М. Бухарин. Его друзья и враги. М., 1992). Нельзя не сказать и о возросшем внимании к теоретическому наследию А.А. Богданова. (См. напр.: Daniela Steila. Scienza e rivoluzione. La ricizione dell’empirio-criticismo nella cultura Russa. (1877—1910). Torino. 1996; Mark Adams: Red Star. Another Look at Alexandr Bogdanov. In.: Slavic Review 48.1 / 1989; Mally L.: Culture of the Future. The Proletkult Movement in Revolutionary Russia. Berkley, Los Angeles

1990 и др.). Думается, это не случайно. Воззрения Богданова на революцию и рабочий вопрос были столь оригинальны, что некоторые зарубежные авторы выдвигают экстравагантные теории антиленинского большевизма, что, впрочем, не так уж и далеко от истины, если вспомнить дальнейшее развитие советской системы и, в частности, большевистской идеологии (См.: J. Biggart. *Anti-Leninist Bolshevism. The Forward Group of RSDRP, Canadian Slavonic Papers*, 1981, 23, 2, P. 134–153). Растёт интерес к Богданову и у нас в стране, свидетельством чему может служить выход сборника материалов, в котором помимо прежде не публиковавшихся архивных документов приводятся статьи таких западных исследователей, как Габриэла Горцка, Даниэла Стейла, Дж. Биггарт (См.. *Неизвестный Богданов*. В 3-х кн. Под ред. Г.А. Бордюгова. М., 1994—1995), а также ряд защищённых уже в этом году диссертаций (См. напр.: Горский В.В. *Идейное течение махизма в РСДРП и его влияние на становление теоретической базы партии* (Автореферат). М., 1997; Николаева Л.С. *Теория и практика пролеткульта. 1917—1932 гг.* (Автореферат). М., 1997). Здесь же следует указать и те работы, в которых предпринята попытка проследить доктринальное воздействие особенностей национального мировосприятия на формирование взглядов ведущих политических лидеров и программных установок политических течений (См. напр.: Ингерфлом К. *Несостоявшийся гражданин. Русские корни ленинизма*. М., 1993).

ФАБЗАВКОМЫ КАК ФОРМА РАБОЧЕГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

ЗАРОЖДЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА

После февральско-мартовской революции как бы само собой напрашивалось, что наследницей свергнутого строя должна стать молодая российская буржуазия. Именно она имела немалый политический вес и опыт управления государством. Как писал М.В. Чернов, опыт этот приобретался “и в органах самоуправления, городских думах и земствах, и в четырех последовательных Государственных думах, во всевозможных парламентских комиссиях, разрабатывая вместе с министрами бюджеты ведомств и контролируя их работу” (1).

Стремление буржуазии к власти было совершенно осознанным и подкреплялось целенаправленными, в том числе заговорщическими, усилиями. По сути, можно говорить о двух потоках российской революции 1917 г. С одной стороны, разворачивалась широкая национальная революция, а с другой стороны, в её тени шла как бы верхушечная, “дворцовая революция” ценовых элементов и образованных классов (2).

Где силой, где путем компромиссов буржуазия захватывала власть в свои руки. Так было и в центре, где заработало буржуазное Временное правительство. Так было и на местах, где органами управления становились так называемые комиссары Временного правительства. В Москве, к примеру, по распоряжению М.В. Родзянко эту должность занимает бывший городской голова М.В. Челноков (3). Комиссаром же Московской губернии становится сперва председатель земской управы А.Е. Грузинов, а вскоре на этом посту его сменяет другой земский деятель М.А. Нарожницкий. “Московский опыт” оказался кстати, и согласно распоряжению Г.Е. Львова от 5 марта 1917 г. комиссары Временного правительства уже в масштабах всего государства провозглашались официальными представителями прави-

тельства. В Тверской губернии комиссаром Временного правительства назначается председатель местного комитета кадетской партии А.А. Червен-Водали, в Нижнем Новгороде — кадет Демидов, в Ярославле — пошехонский помещик Черносветов. Кроме этого власть буржуазии на местах олицетворяли общественные исполнительные комитеты, комитеты общественной безопасности и родственные им структуры. В течение марта 1917 г. они возникают в Костроме, Иваново-Вознесенске, Орехово-Зуеве, Владимирской губернии и во всех прочих губернских и уездных городах ЦПР. Всего же по стране, по сведениям МВД, тогда было образовано 79 губернских, 651 уездных и около тысячи волостных комитетов. Социальная база комитетов была существенно шире, чем у института комиссаров Временного правительства, опиравшихся в основном на прежние земские учреждения, довольно аристократические и консервативные по своему составу. Иногда, как это было в Иваново-Вознесенске, большой вес в них приобретали социалисты и даже большевики. Входили большевики и в Комитет общественных организаций Москвы, возникший 1 марта 1917 г. Но практически повсеместно ведущие роли в этих органах доставались цензовым элементам. В Москве, к примеру, во главе Исполкома КООМа оказались крупнейшие представители московских торгово-промышленных кругов Н.М. Кишкин, П.П. Рябушинский, С.Н. Третьяков (4).

Были также предприняты продуманные попытки полного подчинения и рабочего движения. Каналами влияния здесь служили не только кооперация, больничные кассы, рабочие секции военно-промышленных комитетов, но и Советы. Зачастую они образовывались искусственно, а контроль в них принадлежал не рабочим, а партийным активистам. К примеру, Временный Исполком Петросовета был самообразован группой меньшевиков из Центрального Военно-промышленного комитета и думской фракции совместно с левыми журналистами, попавшими в Таврический дворец в поисках сенсаций. Эти социалисты ещё до переворота были тесно связаны с руководством Прогрессивного блока. Поэтому передачу Советом власти Временному правительству можно считать скорее заранее предусмотренным шагом, чем “парадоксом февральской революции”, как называл это событие Л. Троцкий.

По похожему сценарию события разворачивались в Центрально-промышленном районе, с той лишь разницей, что здесь роль надпартийных центров сыграла потребительская кооперация. Как только весть о революции достигла Москвы, руководством московских кооперативов были разосланы телеграммы с извещением о характере и масштабах событий в столице. В них местным кооперативным союзам предлагалось инициировать создание революционных органов власти. Инструкторы Московского областного бюро Советов (Мобюс)

в своих отчётах отмечали особое значение кооперации в организации власти в Ярославле, Ростове Великом, Иваново-Вознесенске, Твери, Туле, Костроме, Кинешме, Шуе, Кольчугине, Переяславле-Залесском, Кашире, Вышнем Волочке, Смоленске (5).

Но с развитием революции произошло то, что никак не укладывалось в привычные схемы “революционеров во фраках”. Отстранив продуманным натиском царя, буржуазия осталась один на один с рабочим движением. Массовые выступления рабочих ещё вчера охотно использовались ею для шантажа слабевшего монарха с целью ускорить его отречение. Теперь же, неожиданно для либералов, отдельные вспышки недовольства развернулись в действительно широкое народное движение. Движение это постепенно начинало создавать собственные формы, мало подконтрольные организационным усилиям либералов и правых социалистов. Наряду с респектабельным Временным правительством по всей России начинают действовать организации пролетариата — самого молодого класса российского общества. Их деятельность на протяжении 1917 г. и привела к тому, что второй, Октябрьский, этап российской революции становится социалистическим.

Среди новых революционных структур важное место сразу же заняли фабрично-заводские комитеты, создаваемые самими рабочими на предприятиях в трудовых коллективах, за что их с момента возникновения называли “детищем революции” (6).

Пафос становления этих новых форм рабочей организации ярко воспроизводится в документальной книге “Шесть лет на революционном посту” на примере московского завода Рускабель: “1 или 2 марта собрались представители цехов в количестве 18 человек в столовке для служащих и стали *закладывать фундамент власти трудящихся*. В тесной, страшно накуренной столовой сидели неумытые, черные после работы, не чувствуя усталости, представители от цехов” (7). Саму же психологию людей, вовлечённых в этот созидательный процесс, передаёт в своих воспоминаниях иваново-вознесенский рабочий Г. Горелкин: “Наиболее активная часть пролетариата, стянутая в фабкомы, чувствовала нутром *грядущую власть рабочего класса*, зорко оберегала склады, двигатели и станки. Усиливающаяся разруха, недостаток сырья, топлива и страшный голод требовали сверхчеловеческого напряжения мозговой работы. Мы, фабкомовцы, вставали в 7 ч. утра и, проглотив стакан-два “малинового напитка” и овсяную пресную лепешку, от которой дёсны сочились кровью, спешили с окраин города в фабком, где каждый день и каждый час кипела живая работа... С напряженными нервами и воспалёнными глазами мы должны были поспевать всюду” (8).

С самого начала формирование низовых органов рабочей самоорганизации приобретало поражающий современников размах.

Возникнув, фабзавкомовское движение развивалось буквально лавинообразно. По определению П. Гарви, это была пора настоящего организационного “грюндерства”, охватившего всю революционную страну (9).

На протяжении всего революционного периода, как после февраля, так и после октября, это мощное движение низов за свою самоорганизацию, вылившееся в создание фабзавкомов и прочих пролетарских объединений, *сохраняло неожиданно устойчивый иммунитет к чрезмерному давлению из вне*, хотя фабзавкомы и становятся с самого начала ареной острых столкновений противоборствующих политических группировок.

Воздействовать на них пытались не только через Советы, но и напрямую. Так, Временное правительство уже 23 апреля 1917 г. принимает положение “О рабочих комитетах в промышленных предприятиях”, целью которого было ввести в рамки рабочую самостоятельность непосредственно на предприятиях. Ещё раньше попытки взять самостоятельное рабочее движение под свой контроль предпринимают политические партии. Уже 4 марта 1917 г. в первом же номере газеты “Вперёд”, органе московской меньшевистской организации, в передовой статье “Рабочие, организуйтесь” ставилась задача: “Надо покрыть Москву густой сетью рабочих организаций... Фабрично-заводские комитеты рабочего представительства и их районные Советы, как опора для общегородского Московского Совета рабочих депутатов” (10). Призывали “приступать немедленно на заводах к выборам в заводские комитеты” и большевики, заодно рекомендуя организовываться по районам (11).

Аналогичное “внимание” радикальной революционной интеллигенции, например к крестьянству, давало свои результаты. По отношению к крестьянству организационное воздействие имущих и образованных слоёв города распространялось также через органы местной государственной власти, а также через Советы, общественные комитеты, местные земства. Активность представителей политических элит привела к тому, что к лету 1917 г. в ряде случаев органы самоуправления крестьянства во многом оказались под сильным идеологическим или организационным влиянием из вне. Но и здесь позиции партий и надпартийных структур оказались не абсолютными, и в последующие месяцы начался процесс их окрестьянивания. Полностью за пределами внешнего влияния оставалась сама община (12). Несколько иначе, но в том же русле эволюционировали органы пролетарского самоуправления.

Проблема внешнего, в данном случае прежде всего партийного влияния на фабзавкомы всегда была центральной для отечественной историографии. В центре внимания был процесс большевизации комитетов, борьба большевиков с другими партиями. Не только

отечественные, но и зарубежные историки подходили к этому вопросу с точки зрения политических элит. Позиция же низов оставалась за скобками. Не учитывался сам характер процесса формирования органов рабочего представительства. Фактически он был просто неподконтрольным для организующего влияния со стороны какого-либо политического центра или нескольких таких центров. И если речь идёт о внешнем организационном воздействии, то первое время оно могло носить лишь узкий характер. Приводимые в литературе факты партийного влияния не опровергают, а скорее подтверждают это (13).

Еще менее убеждают показатели роста партий. Во-первых, поначалу этот процесс так же шёл стихийно. Партиям сложно было наладить координацию внутри своих рядов. Как признавали, например, сами меньшевики, февраль застал их “организации разбитыми и расплывёнными, при полном отсутствии связей между городами и промышленными центрами”. Не редки подобные “откровения” были и со стороны большевиков. Во-вторых, реальная численность партий в феврале — марте, когда шло зарождение фабзавкомовского движения, была минимальной. Так, даже в Москве количество местных большевиков не превышала 600 человек, силы других партий были здесь ещё незначительней (14). В мае же, когда фабзавкомовское движение в целом переходило на новую ступень развития, меньшевики проводили Всероссийскую конференцию, на которой было представлено едва ли больше 55 тысяч членов партии.

Поэтому более перспективными можно считать исследования партийных ячеек на отдельных предприятиях. Но и этот подход также не следует абсолютизировать. Так, одна из сильнейших ячеек большевиков существовала на заводе бр. Бромлей, однако при организации завкома рабочие предпочли самостоятельно определить структуру и задачи своих органов самоуправления, большевистские же представители в завкоме длительное время были в меньшинстве (15). Сами рабочие вовсе не спешили откликнуться на призывы, идущие “сверху”, из чужой им среды политизированной интеллигенции.

Скорее, во всяком случае в первые месяцы революции, можно было констатировать обратный процесс влияния рабочего самоуправления на позиции отдельных партий. Если партиям и политическим течениям и удавалось склонить тот или иной фабзавком на свою сторону, то только при совпадении целей и установок. Примеры успеха такой тактики приводит участник событий И. Батышев. В первом случае при прямой поддержке местных большевиков рабочий комитет Военно-артиллерийского завода добился повышения зарплаты работникам и чернорабочим. Большинство женщин и чернорабочих предприятия вскоре оказались самыми надёжными приверженцами большевиков (16). В другом случае заводской ячейке РСДРП(б) необходимо было провести в завком своих людей. Требовалось получить согласие

рабочих на перевыборы членов комитета. Агитируя заводчан, большевики мотивировали необходимость перевыборов завкома тем, что *в завкоме мало представлено рабочих*, он не обеспечивает выполнения самых насущных требований, слабо вникает в повседневную жизнь завода. Словом, положения партийной доктрины практически отсутствовали (17).

Одним словом, отмечая рост большевистского влияния в фабзавкомах, исследователи должны понимать и его корни. Большевики никогда не были отделены стеной от движения за самоуправление на производстве. Они без колебаний меняли свои партийные лозунги на те, которые рождались самими рабочими. Кроме того, подчас большевистские активисты завоёвывали большинство как наиболее авторитетные рабочие данного предприятия, а вовсе не как члены своей партии. Что именно авторитет, а не партийная принадлежность была важнейшим при выборе комитета, признавал и сам Батышев (18).

Часто при выборах в органы самоорганизации рабочие, наоборот, осознанно выступали за их независимый от партий характер. Так происходило не только в начале революции, но и на последующих её этапах. Причем даже тогда, когда фабзавкомовское и в целом самостоятельное пролетарское движение находилось уже в полосе своего упадка (19). В целом же положение на предприятиях разительно напоминало ситуацию двоевластия в сфере управления государством (20). Единственным отличием было разве то, что здесь рабочие значительно действеннее могли влиять на позицию своих представительных органов.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ ТРУДОВОЙ ДЕМОКРАТИИ

Фабзавкомовское движение выделилось в самостоятельную ветвь рабочего движения не сразу. В первые недели революции фабзавкомы фактически не выделялись в общем потоке нараставшего рабочего движения. Даже само название “фабрично-заводские комитеты” на первых порах не было всеобщим. Оно укрепилось в революционном сознании уже потом, перекочевав в сознание масс с манифестов политических партий и листовок. До этого организации рабочего самоуправления могли *носить самые различные названия* (21). Пусть и косвенно, но такое многообразие в названиях низовых органов рабочего представительства говорит, что *сами рабочие по-разному видели и понимали их задачи*. Почему же несмотря на отсутствие координации между рабочими и разнообразие условий, в которых приходилось действовать фабзавкомам, они почти одновременно возникали во всех промышленных регионах страны? И что затем помогло фабзавкомам преодолеть этап организационной неразберихи и укрепиться в качестве самостоятельного звена рабочего движения? Общего ответа на

эти вопросы историки не дают. Как правило, мешает узко истолкованный социологизм. Выход из тупика, в который попала историческая наука, может быть найден в рамках расширенного *цивилизационного* подхода. Не отрицая заслуг прежней методологии, сегодня уже невозможно обходить стороной национальную специфику России и происходивших в ней процессов. Но насколько этот вывод применим к революционной борьбе рабочих в период российской революции?

Представляется, что стремление рабочих к самостоятельности, способствовавшее быстрому образованию их организаций, *возникло в 1917 году не на пустом месте*. Переходу пролетариата к самоуправлению способствовали традиционные для России стереотипы социального поведения. И если в деревнях сразу же после падения царизма сходы старост восстанавливают в правах традиционный крестьянский Мир (22), то в фабрично-заводских цехах национальное начало пробивает себе дорогу как раз через деятельность рабочих фабрично-заводских комитетов.

Историки, правда, и прежде признавали за фабзавкомами отсутствие аналогов в мировом рабочем движении. Но мы, говоря о национальной специфике, подразумеваем не роль рабочих комитетов в разрушении “старого мира”, а созидательное содержание их деятельности. Революционная же форма как раз была в значительной мере интернациональной: схожие кризисные процессы, вызванные мировой войной, повсюду в Европе привели к образованию организаций, внешне тождественных фабзавкомам.

Об этой множественности возникших тогда в воюющих державах фабрично-заводских организаций много писала в 1917—1918 гг. российская фабзавкомовская печать. В ней публиковались сообщения об инициативах “братьев по классу” в США, Испании, Японии и других государствах. Обобщался зарубежный опыт и на конференциях фабзавкомов. Но уже тогда настрой провести если не полную аналогию, то хотя бы частичную параллель между российскими и зарубежными фабзавкомами во многом *был преодолён* — слишком разными путями пришли рабочие разных стран к своим новым организациям (23).

Таким образом, главным в специфике фабрично-заводских пролетарских учреждений Запада была их кровная связь с цеховыми традициями средневековья. Поэтому там развитие рабочего движения шло от индивидуализма к корпоративизму. На этом пути западноевропейские фабзавкомы являлись хотя и важным, но не последним шагом. Отсюда и слабость этих органов, склонность к местничеству и компромиссам.

Иначе дело развивалось в России. Основой здесь изначально выступал не индивид, а локальное общество, коллектив. Традиции же коллективизма уходили корнями в русскую земельную общину.

Не только славянофилы, а за ними и народники считали основой русского общества этот социальный институт, но и К. Маркс видел путь России к социализму через общину. Ему, в частности, принадлежит следующее высказывание: “Если революция (в России) произойдет в надлежащее время, если она сосредоточит все свои силы, чтобы обеспечить свободное развитие сельской общины, последняя *вскоре станет элементом возрождения русского общества и элементом превосходства над странами, которые находятся под ярмом капиталистического строя*” (24). Как противники, так и сторонники общинности признавали, что традиции Мира пронизывают всё российское общество, и в этом видели своеобразие русского исторического пути.

Но на сколько правомерно говорить об общинном влиянии на поведение русского пролетариата в условиях, когда страна уже давно входила в первую десятку наиболее развитых промышленных государств, причем имея самую высокую концентрацию пролетариата в мире? На наш взгляд, сила этого влияния может быть объяснена теми связями, которые существовали между рабочими и их крестьянскими корнями.

У русского крестьянства историческая традиция общинности и коллективизма не прерывалась никогда, что нашло широкое отражение в литературе. И если посмотреть на влияние русского села на городской пролетариат не с классовой, а цивилизационной точки зрения, обнаружится, что многие действия рабочих в период кризиса 1917 г. продиктованы традиционным для России менталитетом коллективизма.

Первые исследования связи фабрично-заводских рабочих с деревней были проведены ещё в конце XIX века. Так, на основании обследования Серпуховского, Коломенского и Бронницкого уездов Е.М. Дементьев выделил существенные признаки, позволившие говорить о реальности этих связей: уход рабочих летом с фабрики на полевые и прочие работы в деревню; значительное число мастеровых, у которых отец был крестьянином, и др. Опираясь на обозначенные характеристики, он показал, что прочную связь с деревенскими корнями сохраняли не менее 5,7—19,7% (25). Другое исследование, правда чуть более раннее, показало, что в одном из наиболее промышленных уездов Московской губернии работников промышленных заведений некрестьян было лишь 25% (26). Согласно данным за 1908 г., по Московской губернии 5,7% рабочих-мужчин бумагопрядильных и бумаготкацких фабрик, а шелковых фабрик до 19,3% уходило на летние работы в село (27). Соответствующий показатель для рабочих-мужчин Владимирской губернии колебался от 12,3% до 12,5%. Как писал в конце прошлого века экономист Н.А. Каблуков: “Тогда как на Западе труд на фабриках составляет для рабочего единственный

источник существования, у нас, за сравнительно небольшим исключением, рабочий считает труд на фабрике побочным занятием, его более тянет к земле” (28).

Даже В.И. Ленин, старавшийся доказать, что Россия идёт путем “цивилизованных стран капиталистического развития” и что капитализм в ней уже давно вышел на передовые позиции, вынужден был опираться на цифры, которые слабо пересекались с его “оптимистическими” оценками. Так, оказывалось, что на начало века опрос 103 175 фабрично-заводских рабочих Московской губернии показал, что рабочих, уроженцев данного уезда, работает на фабриках своего же уезда 51,6%, т. е. более половины. В некоторых уездах это число было значительно выше: в Можайском и Волоколамском уездах 92—93% фабрично-заводских рабочих являлись уроженцами этих уездов. Среди работающих в Московской губернии процент родившихся в этой губернии оказался 64%, и вообще, большинство рабочих здесь было выходцами из Центральной России (29). Из того же источника следует, что из 20 тыс. опрошенных промышленных рабочих 14,1% уходят на сельские работы. Очевидно, что обозначенные В.И. Лениным тенденции отрыва рабочих от деревни шли, но они были ещё совсем не на том уровне, который бы позволял их игнорировать или приуменьшать (30). Достаточно сказать, что и через десять лет после Октябрьской революции, т. е. к началу индустриализации, рабочие — дети крестьян составляли в среднем по стране 35—40%. Для ЦПР же, особенно для текстильной промышленности Москвы и Ивановской области, этот показатель был значительно выше: 45,5%—43,6% (31). Другим не менее важным показателем связи рабочих с селом можно считать наличие у значительной их части земельного надела (32).

Даже утратив хозяйственную связь с землёй, рабочие сохраняли связь личную, в том числе перечисляя часть заработка оставшимся в деревне родственникам. Например, по Шуйскому уезду Владимирской области таких рабочих было примерно 19,4%, что может считаться усреднённым показателем для ЦПР (33). Трудно было ожидать чего-либо другого, ведь и по своему сословному положению, согласно все тем же данным статистики, большинство рабочих всё ещё принадлежало к крестьянству.

Приведённые выше показатели увеличиваются для военного времени, т. к. в последние годы войны приток людей из деревни стал значительно больше. За годы войны примерно пятая часть кадрового пролетариата ушла на фронт. В результате доля пришлых элементов, в основном из деревни, увеличилась до 60% сравнительно с 40 довоенными процентами. Особенно это характерно было опять для второй столицы с прилегающими губерниями (34).

Не изменилась ситуация и в 1917 г., так, на вопрос анкеты о составе рабочих в Коломне делегат VI съезда РСДРП(б) В.Е. Левшин

ответил: “Во всём Коломенском уезде числятся более 30 тысяч рабочих, связанных с деревней *ежедневными* поездками в рабочих поездах и хождением на 7—10-вёрстное расстояние” (35).

Однако данные, рисующие связи промышленных рабочих с сельским миром накануне Октября и изменения в составе промышленных рабочих, не отражают того качественно нового, что принесла война в эти отношения. Серьёзно изменились *источники пополнения* рабочего класса в самой деревне. Если раньше это было по большей части пролетаризованное крестьянство, т. е. шаткие, во многом утратившие связь со своей средой люди, то теперь на фабрики пошли также середняки, которые и составляли костяк сельской общины. Этот процесс чётко зафиксировала Московская биржа труда — в 1916 г. среди искавших работу выходцев из деревни около 80% имели в деревне землю и дом. Причём в 1916 г. доля таких рабочих возросла по сравнению с 1914 г. Для строительных рабочих этот процент составлял 92, а для металлистов 60%. Напрашивается чрезвычайно важный вывод — приведенные факты свидетельствуют, что *война оборвала тенденцию разрыва рабочих с землёй, развивавшейся все предшествующие годы. А это, в свою очередь, не могло не сказаться на живучести у значительной части пролетариата, как пишет исследователь, мелкобуржуазных взглядов и представлений* (36). По сути же речь идёт о перенесении на городскую почву сохранявшихся в деревне национальных традиций, в том числе общинных традиций трудовой демократии.

Не следует вообще упускать из виду тот факт, что революция не замыкалась одним Петроградом с его мощными профсоюзами западного типа и прочими атрибутами “индустриализма” и “либеральной просвещённости”. В ЦПР, например, значительное число рабочих компактно проживало в рабочих предместьях и посёлках. Такое положение позволяло сохранять связь с деревенским прошлым даже в быту, как это видно на примере Коломенского завода. Его рабочие жили не только в рабочих общежитиях и сборных, но и в обычных деревенских домиках с разнообразными пристройками и даже традиционными резными наличниками, выдававшими индивидуальные вкусы и пристрастия хозяев (37). Поэтому деятельность рабочих комитетов часто охватывала не только сами предприятия, но и прилегающие к ним рабочие посёлки, как это было у рабочих фабрики Кашина в Костроме, выбиравших свой рабочий комитет для контроля за положением и на предприятии, и в рабочих бараках. В этой связи интересны результаты исследований последних десятилетий. Они показывают, что наиболее тесную связь с землей обнаруживают рабочие пищевой, кожевенной, деревообделывающей, швейной промышленности, обувщики, — т. е. тех отраслей, где преобладают предприятия, расположенные как раз в небольших городках и сельской местности. При этом величина предприятий играла абсолютно второстепенную

роль, о чем свидетельствуют данные статистики по Иваново-Вознесенску и Ярославской губернии (38).

Не могло не сыграть свою роль и широкое распространение перед революцией *артельного движения* (39). Герцен называл артели передвижными общинами. И это была не просто метафора. Артели строились по схожим принципам, что и крестьянский Мир. По наблюдению А.Н. Энгельгардта, артель, подобно общине, позволяла соединить личный хозяйственный интерес с навыками коллективной организации труда (40). Значительное количество рабочих успело до революции пройти эту школу трудовой самоорганизации.

Учитывая глубину связей пролетариата с общинными и артельными корнями, становится проще свести воедино прежде разрозненные и малообъяснимые эпизоды фабзавкомовского движения.

К примеру, исследователи отмечают увеличение в годы войны доли женского труда. Выступления женщин-работниц играли немалую роль и в февральских событиях, и позже. Избирались женщины и в рабочие комитеты. Но их доля там очень невелика. Даже на предприятиях, где мужчин были единицы, хотя и здесь не всё было столь уж однозначно, часто именно мужчины становились основой комитетов. Очевидно, что причина этого явления в патриархальности мышления, унаследованном от крестьянского прошлого. Какого-либо другого убедительного объяснения этому найти сложно.

Другой пример. На заводе “Поставщик” уволенный за грубое обращение с рабочими мастер Шарапов отказался от апелляции в третейский суд, признав решение завкома (41). Похожий случай произошел на заводе “Динамо”. Завком этого предприятия принял решение о недопущении сверхурочных работ. Когда же рабочие Иванов и Марин всё же нарушили запрет, завком своим авторитетом лишил их дополнительной оплаты, и рабочие-нарушители признали санкцию правомерной (42). Эти и многие другие случаи, трудно вписывающиеся в существовавшие концепции рабочего движения, вполне понятны с точки зрения общинного мировосприятия, сохранявшегося у российских рабочих. В общине воля Мира всегда становилась как бы законом.

Ярко проявилась общинная суть психологии рабочих в отношении к труду как к моральной ценности, что прослеживается, например, в борьбе фабзавкомов за трудовую дисциплину. Показательный в этом отношении случай произошел на заседании фабкома прядильной фабрики т-ва Ясюнинских мануфактур от 7 июня 1917 г. С докладом перед собравшимися выступила подмастерья шпульного отдела Ф.И. Кислякова. Она привела примеры краж с фабрики. В воровстве обвинялась работница фабрики Дюжова. В результате была принята следующая резолюция: “Принимая во внимание долголетнюю и безупречную работу Дюжовой у т-ва Ясюнинских и то, что у нее нашлась

только одна початка, которая могла *попасть в корзину как-нибудь и случайно*, и поэтому Комитет не признаёт Дюжову виновной в воровстве”. Такое решение, недопустимое с точки зрения юридических норм, было вполне в духе общинных традиций, где каждый работник оценивался не по единичным случаям, а через призму всей его жизни и прошлой трудовой деятельности (43).

А вот как один из участников описывал рабочий суд над представителем прежней администрации на одной из фабрик Петрограда.

— Тачка для него — тяжёлое наказание. Дать бы раз и всё, — предлагал один.

— Нет, бить не следует, — выгнать! — говорил другой.

— Зачем выгонять, *он своё дело знает*. А что волком был — служба такая... (44)

Подобный инцидент трудно объясним с позиций непримиримой классовой борьбы, но, учитывая общинный менталитет рабочих, в котором труд был высшей ценностью и хорошему работнику часто прощались личные обиды, произошедшее кажется вполне логичным и в деталях напоминает принятие аналогичных решений крестьянским Миром.

Подчинение коллективу, единство с ним также являлось как бы моральным императивом, поддерживаемым всей структурой органов рабочего самоуправления. Интересно в этой связи обсуждение на объединённом собрании фабрично-заводских комитетов Шуи дела ткачихи ткацкой фабрики Нибурчилова Екатерины Пузырёвой. Большинство делегатов “были возмущены поведением Пузырёвой”, значит в протоколах собрания, она “не шла искать защиты у своего местного фабричного комитета, не признавая его, а шла искать права у администрации”. Ей ставили в вину, “что есть ещё люди, для которых становится затруднительным обращение к своим товарищам и они до сих пор не учитывают той заботы, которой окружают представители своих товарищей, которые вверили самих себя своим рабочим” (45).

Как и в сельской общине, этот стихийный коллективизм зачастую приобретал и негативный, подавляющий личность оттенок. Моральный прессинг мог быть столь серьёзным, что рабочие временами искали защиты даже у предпринимательской стороны. Так пришлось поступить уволенным с фабрики т-ва на паях И.М. Терентьева специалисту Выренкову и рабочему Плетневу. Получив расчёт от рабочего комитета, пострадавшие попытались отстоять свои права. Поначалу они обратились за помощью к Шуйскому Обществу Фабрикантов и Заводчиков. Затем, когда это не помогло, дошли даже до московского министра труда. Но и в этом случае традиции Мира и *круговой поруки* оказались в силе — в поддержку фабкома выступили Совет Солдатских и Рабочих Депутатов Шуи и практически все фабзавкомы города, тем более что и Выренков, и Плетнев были уволены по делу,

справедливо — за грубость, обман и жульничество (46). Крестьянские корни значительного процента промышленных рабочих являлись как бы непосредственной базой оживших в рабочей среде в переломный момент традиций трудовой демократии и самоорганизации. Рабочим, противостоящим попыткам фабриканта закрыть предприятие или уволить недовольных, не приходилось долго раздумывать, как сорганизоваться для самозащиты. От одной до двух третей рабочих с детства усвоили основные механизмы деятельности самоуправления в их общинно-артельном варианте. Самоуправление в условиях новейшей капиталистической фабрики, естественно, не то же самое, что саморегулирование в условиях полунатурального крестьянского хозяйства, но психологическая и генетическая связь между российским пролетариатом и деревенским Миром была жива и оказывала своё влияние.

В этой связи важно коротко упомянуть ещё одно обстоятельство, не увиденное историками, но точно угаданное царскими властями. “Положение о выборах в Государственную Думу” от 3 июня 1907 г. в пятой главе содержало особый раздел — “*О производстве выборов уполномоченных на волостных сходах, станичных сборах и от рабочих на фабриках и заводах*”. Отдельные параграфы, содержащиеся в нём, однотипно рисовали механизмы самоорганизации и для сельского схода, и для рабочего коллектива. Процесс формирования гражданского общества как бы получал национальную окраску. Законодатель закреплял существующую практику, лишь косметически подгоняя её под требования нового парламентского уклада власти. Из анализа этих положений закона вытекает два вывода. Во-первых, в начале века параллели между общинной и рабочей самоорганизацией были столь глубоки, что нашли воплощение в законах империи. Во-вторых, участие в выборах в четыре Думы закрепили в сознании даже тех рабочих, кто имел слабую связь с селом уже выверенные законодателями нормы формирования представительства. Сочетание социальной памяти с социальными навыками и послужило той питательной средой, которая позволила рабочему представительству 1917 г. занять своё важное место в революционном потоке.

Может быть, есть смысл оговорить, что этот вывод наиболее уместен как раз относительно ЦПР. Выше мы неоднократно подчеркнули его специфику как “крестьянского региона”, что признавал даже В.И. Ленин: “Что Москва более Питера мелкобуржуазна, — писал он, — это общеизвестно, что у московского пролетариата несравненно больше связей с деревней, *деревенских симпатий*, близости к деревенским крестьянским настроениям, это факт, много раз подтвержденный и неоспоримый” (47). Однако при более широком изучении миграционных и других базисных процессов в российском обществе рубежа веков специфика эта может оказаться и не столь уж разительной, а выводы, полученные, например, для Сормова или Вичуги могут

помочь разобраться с социальным движением пролетариата 1917 г. не только в ЦПР.

КРАХ ИДЕИ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЁРСТВА

Не в меньшей мере, чем на характере русского рабочего класса, национальная специфика сказалась и на особенностях межклассовых отношений в России. Рассматривать эти взаимоотношения только с точки зрения классической социологии вряд ли уместно. Современные социологические схемы, начиная с теории классовой борьбы, разрабатывались на примере открытых обществ. Российское общество, как общество традиционное, неминуемо должно было сохранять реликтовые черты, влиявшие и на взаимодействие различных социальных слоёв, его составлявших.

В этом смысле в первую очередь обращает на себя внимание проблема “социального партнёрства”: насколько было вероятно, что оно станет основой связей между ведущими классами в период революции 1917 г.? Проблема эта напрямую выводит на те механизмы, которые были призваны “замирить” общество, вздыбленное революцией. Понять, почему эти механизмы не сработали, — значит, ответить на вопрос о причинах возникновения чрезвычайных органов. Органов, сочетающих в себе революционные функции с функциями общественной стабилизации, какими с течением времени становятся фабзавкомы (48).

На протяжении первых нескольких месяцев после февральского переворота идея социального партнёрства рассматривалась правящими кругами как бы в двух аспектах. Во-первых, как один из вариантов нормализации отношений с пролетариатом и решения рабочего вопроса, острого для России. Во-вторых, в качестве доктринального рычага закрепления контроля над независимым рабочим движением. При этом должны были учитываться революционные настроения рабочих. Контроль над рабочими устанавливался как бы “на справедливых, приемлемых для них” условиях. Идея социального партнёрства в экономической сфере как бы становилась аналогом принципа поддержки Временного правительства, выраженным известным лозунгом “постольку — поскольку”.

Принцип “постольку — поскольку” применительно к поддержке Временного правительства была найдена в начале марта меньшевистским большинством Петросовета. Позже она была одобрена Всероссийским совещанием Советов, а так же съездом крестьянских депутатов и стала базой взаимоотношения между этими органами и официальной властью. Можно согласиться, что положение, с одной стороны, в чём-то повторяло известный принцип консервативных либералов “царю — власть, а народу — мнение”, с другой стороны —

воплощение в жизнь принципа разделения властей на исполнительную и представительную. Но для социалистов и тот и другой подход были не свойственны. Представляется поэтому, что их ориентация на формулу “постольку — поскольку” на практике означала идейный и политический патронаж со стороны цензовых элементов над своими союзниками слева. Это, пожалуй, и предопределяло нежизненность попыток создания коалиции, как тогда говорили, “всех живых сил нации”. Даже постепенное полевение правительства за счёт вхождения в него социалистов не изменяло отношения к нему со стороны низов: послереволюционная власть ими “рассматривалась как буржуазная” (49). Для многих демонстрантов, шедших 18 июня в колоннах по Марсовому полю, лозунги типа “Долой министров-капиталистов!” означали “Долой правительство!”.

Всё та же участь ждала и идею социального партнёрства. Однако подобный исход вряд ли следует считать случайным — он во многом предопределялся особенностями межклассовых отношений дореволюционной России. Особенности эти наиболее выпукло проявились как раз в методах решения самодержавием рабочего вопроса. На Западе рабочее законодательство регулировало взаимоотношения между работодателями и наёмными работниками. В России же в отношении между торгово-промышленным и рабочим классами вклинивалась третья сила — бюрократическая исполнительная машина. При этом бюрократическое государство редко выступало в качестве беспристрастного арбитра и в наибольшей степени защищало интересы предпринимателей. В этом смысле интересен вывод Д. Дж. Рейли, — проанализировав развитие русской промышленности на примере Саратова, он пришёл к выводу, который характерен для России в целом. Он, в частности, отмечал, что, не признавая рабочего вопроса, царизм поощрял патриархальные отношения между нанимателями и работником. С этим утверждением трудно не согласиться, с тем, однако, дополнением, что, приступив наконец к решению рабочего вопроса, царский режим воспроизвёл патриархальные отношения в не меньшей, если не в большей мере (50).

Таким образом, до революции господствовавшим типом социальных отношений становятся не отношения сотрудничества или, как тогда принято было говорить, “*фабричной конституции*”, а отношения “*опеки*”. Это характерное для России “опекунство” заявило о себе уже в первом юридическом упоминании рабочего вопроса в 1874 г., когда за участие в рабочих организациях грозило “заключение в крепость на 8 месяцев или ссылка на житье в Сибирь”. Появившиеся позже законы (1882 г. — о воспрещении труда детей до 12 лет, 1886 г. — о фабричной инспекции и другие) положения к лучшему не меняли. Даже те из них, в которых содержались позитивные положения, очень быстро фактически выхолащивались подзаконными актами. Санкции

за организацию классовой борьбы пролетариата предусматривалось даже либеральным законодательством 1905—1906 гг. То есть зарождение парламентаризма радикально положение рабочих не улучшило. Закон же от 10 июня 1903 г. “Об учреждении старост в промышленных предприятиях”, давший начало Советам старост — фактическим предшественникам фабзавкомов, — в годы мировой войны был во многом сведён на нет.

Не переломило положение к лучшему и законодательство Временного правительства, в особенности его постановление от 23 апреля 1917 г. “О рабочих комитетах в промышленных заведениях”. Получилось почти то же, что и потом в 1923 г. в Германии. На волне революции там также возникли организации фабзавкомовского типа — производственные советы (*betriebsräte*). Не сумев подавить их другими средствами, власти попытались приручить при помощи их юридического узаконения (51). Но если в Германии традиции партнёрства уже существовали, то в России их не было. В результате складывались особые межклассовые отношения — **патронажное партнёрство**. По сути, речь шла о сохранении модернизированного варианта всё той же опеки. И дело здесь было не только в сохранении инерции прежних взаимоотношений между государством и рабочими, но и в тех новых идеях, которые привнесли в решение рабочего вопроса победившие в феврале — марте социальные силы.

В этих условиях многое зависело от поведения сторон. Осознавая себя победителями в революции (насколько это восприятие было верным — другой вопрос), рабочие часто были сговорчивы. Это чётко отразилось и на первоначальной позиции фабзавкомов. Уже тогда проявляя интерес к поддержанию производства, фабзавкомы призвали рабочих проявлять сдержанность, основанную на “достоинстве людей труда и чувстве ответственности” (52).

Проявления этой первичной “умеренности” рабочих были многоплановы: от приглашения администрации на заседание комитетов для совместного решения проблем производства, как это практиковалось на Тульском патронном заводе (53), до готовности притормозить ввод 8-часового рабочего дня. Особенно сговорчивы были те комитеты, где влияние большевиков было незначительным. Как отмечалось в документах органов рабочего самоуправления Иваново-Вознесенска, целью проходивших тогда в городе конференций рабочих, кампании по заключению трудовых соглашений и всей самоорганизации пролетариата по май 1917 г. в целом, было исключение из жизни случаев отдельных разрозненных выступлений с той и с другой стороны, а также предотвращение сепаратных сговоров на отдельных предприятиях (54).

Схожие принципы лежали в основе деятельности Моссовета, старавшегося любой ценой сгладить все возникающие конфликты.

Даже такой левоориентированный представитель Исполкома Моссовета, как А. Рыков, подчас “признавал ошибки” рабочих, которые в “стихийной ненависти совершали анархические захваты фабрик и заводов”, “арестовывали и побивали мастеров и владельцев”. Он так же лично участвовал в урегулировании некоторых трудовых конфликтов, например орехово-зுவевского. Как результат — в Моссовет и низовые Советы массами обращались фабриканты и заводчики, “надеясь здесь найти управу над рабочими и защиту своих интересов” (55). Рогожско-Симоновский Совет, например, был буквально завален жалобами и ходатайствами со стороны владельцев предприятий. Обращалась в Совет за поддержкой и администрация завода Гужона, когда в конце мая существенно большевизированный завком начал более решительно выступать в защиту рабочих предприятия (56).

Но дело в том-то и обстояло, что буржуазия вовсе не была рада подобному положению вещей. Любое вмешательство рабочих организаций, таких, как Советы или примирительные камеры, в её прерогативы встречали возрастающее сопротивление со стороны торгово-промышленных кругов.

Особенно участились подтверждающие это инциденты в конце мая — начале июня 1917 г. Один наиболее яркий из них произошёл в Ростокине. По приглашению комитета фабрики Курзон, туда прибыл организатор Сокольнического районного Совета Строганов. Он намеревался разобраться в конфликте, возникшем на предприятии. Как и в большинстве случаев, конфликт здесь возник из-за проблем с зарплатой. Явившись на фабрику, Строганов через члена рабочего комитета фабрики предложил владельцу начать переговоры. На это через своего заведующего хозяин фабрики заявил, что “не считает нужным вести переговоры с посредником от Совета”. После такого обескураживающего начала Строганов направился для переговоров в рабком на его заседание в помещение рабочих. Но пускать Строганова на заводскую территорию как частное лицо заведующий отказался. А когда Строганов попытался сослаться на разрешение посреднической деятельности Советов Временным правительством, к нему была применена “физическая сила”, “а затем прибежал хозяин, — рассказывается в жалобе Сокольнического райсовета в Моссовет от 13 июня 1917 г., — навёл на него револьвер и с револьвером в руке заставил уйти” (57).

Другой случай произошёл на Ликинской мануфактуре. В конце мая 1917 г. на этом предприятии в очередной раз вспыхнул конфликт из-за нежелания администрации увеличивать заработную плату. Дело передали в согласительную камеру. На её последнем заседании 17 мая 1917 г. попытку убедить предпринимателей в справедливости требований рабочих в качестве представителя Моссовета сделал сам Л. Хинчук — его председатель.

— Пора господам фабрикантам отречься от своих узкоклассовых интересов и пойти на уступки, которые добиваются рабочие, — говорил он, — ведь ни Совет Рабочих Депутатов с классовой точки зрения, ни нынешнее Правительство с чисто государственной точки зрения не могут допустить, чтобы рабочие и их семьи жили впроголодь.

Заканчивая речь, он добавил:

— Не забывайте, что ваша тактика неуступчивости может продиктовать рабочим, а следовательно и Советам, более суровую тактику. Благоразумие требует от вас заблаговременно пойти на уступки, иначе вы можете оказаться в таком положении, когда вы будете лишены не только самоличного управления своими фабриками, но в конце концов и права владения ими.

Это замечание вызвало противоположную сторону на такую же откровенность. Представитель из группы фабрикантов, инженер Ф.Г. Карпов, комментируя Хинчука, заявил, что фабрики, конечно, могут быть переданы властям в любой момент, но власти (а следовательно, и рабочие) не справятся с задачами управления и вскоре “ключи от этих фабрик будут возвращены обратно их владельцам, но сами фабрики окажутся в разрушенном состоянии”. Карпов цинично предостерегал рабочих от “авантюризма”, под конец своего выступления подчеркнул:

— Представители власти, а в особенности представители рабочего класса не должны забывать, что неуспех в захвате в свои руки фабрик больше и больше всего отразится на самих рабочих, чем на фабрикантах.

Услуги Моссовета и его председателя с их тактикой социального партнёрства оказались отвергнутыми (58).

Но пожалуй, наиболее наглядно понимание буржуазией социального партнёрства как патронажного может быть показано на примере позиции Управления фабрики т-ва мануфактуры Руновых Московской губернии Богородского уезда. Недовольная твердой позицией фабкома, администрация настаивала на переизбрании комитета по новым, утвержденным, согласно закону 23 апреля, правилам, демагогически заявляя: “Вести дела и переговоры с ныне действующим комитетом, избранным ещё до издания закона о рабочих комитетах, мы совершенно не имеем права” (59). А 29 мая администрация обратилась к рабочим с обращением, в котором в предельно откровенном стиле сформулировала своё кредо относительно партнёрства и своего положения в нём:

“Считаем своим долгом добавить, что все рабочие комитеты определённого района между собой находятся в объединении через посредничество местных Советов Рабочих Депутатов, которые стремятся к объединению всего трудящегося народа в сплочённые

организации, называемые профессиональными рабочими союзами. А посему, если рабочие нашей фабрики ещё не объединились с местным Советом Рабочих Депутатов, и не вошли в него, и не послали в него своих представителей, то немедленно рабочие это должны сделать. В случае неподчинения рабочих всей фабрики и рабочего комитета старого состава вновь изданному закону о рабочих комитетах, мы вынуждены будем сообщить о сём Московскому Совету Рабочих Депутатов... добавив, что совершенно слагаем с себя ответственность как за выработку, так и за порядки, а также и за могущие произойти несчастия включительно до взрыва парового котла” (60).

Смысл обращения поразительно прозрачен. Ещё до революции в некоторых предпринимательских кругах считалось, что организованных в союзы рабочих легче подчинить своему влиянию. Отголоски чего звучали в программных документах политических партий и выступлениях крупнейших российских либералов. Так, в июне 1916 г. с аналогичных позиций выступал один из лидеров московских цензовых элементов А.И. Коновалов (61). На примере европейского опыта он доказывал, что рабочие организации необходимы для усмирения тех же рабочих. Они могут и станут “амортизировать” недовольство прежде неорганизованной толпы. Отсюда и его утверждения начального периода революции, что без создания профсоюзов по западноевропейскому образцу “экономическое выживание России” сомнительно (62). Такое отношение заведомо предопределяло ущербность возможных вариантов социального партнёрства и его известную типиковость на тех предприятиях, на которых это “партнёрство” несмотря ни на что всё же намечалось под влиянием революции 1917 г.

Чем дальше, тем меньше могли низовые органы рабочего самоуправления терпеть подобную ситуацию. И если раньше чувство победившего в революции класса заставляло рабочих налаживать взаимодействие с противоположной стороной, то теперь оно настоятельно требовало отойти от подобной тактики “гнилых компромиссов”. Фабзавкомы всё критичнее относились к соглашательской деятельности верхушки Советов. Уже 24 марта в протоколе заседания Моссовета делается запись: “Недовольство Советом рабочих растёт”, и делается вывод: “Необходимо совершенно отказаться от посредничества” (63). Радикализуются и сами фабзавкомы — проходят перевыборы прежде умеренных комитетов на предприятиях Прохорова, бр. Бромлей, Гужона, целом ряде других, упоминавшихся выше в качестве примера лояльных к февральскому режиму. Начинает сказываться и обратная сторона активности рабочих — чувство вседозволенности.

После падения самодержавия пролетариат и торгово-промышленный класс не смогли урегулировать разделявшие их антагонизмы. В этих условиях пролетариату оставалось искать спасение в организации своих сил. Не получив эффективных структур межклассового

взаимодействия, рабочие поневоле разворачивались во внутриклассовое строительство. Сохранение слегка подновлённой опеки означало перенос в новую среду прежнего противостояния гражданского общества и государства. Первоочередной задачей рабочих поэтому становилось упрочение своего автономного положения непосредственно на предприятиях (64).

Неудача попыток установить в революционной России подобие гражданского мира через развитие социального партнёрства имела самые существенные последствия. Крах идей социального партнёрства предопределил неудачу широкого демократического фронта с привычными по западноевропейскому опыту элементами парламентаризма и профсоюзной культуры. А это, в свою очередь, способствовало образованию новых форм пролетарской самоорганизации, более приспособленных не к мирным, а чрезвычайным внешним условиям.

Что же касается постановления Временного правительства от 23 апреля, то, как показывают архивные материалы, к лету 1917 г., т. е. спустя 3 месяца после его принятия, о содержании закона рабочие многих заводов ничего не знали, причем для районов Москвы этот показатель колебался вокруг 50% (65). В других же случаях рабочими он попросту игнорировался. В результате не было, наверно, ни одного предприятия, ни одного города, где бы сами рабочие в “разъяснение” закона или просто в силу самостоятельного почина не сочинили бы собственные “Правила”, “Положения” или “Инструкции”, шедшие значительно дальше предусмотренных Временным правительством норм (66).

ОТ РАБОЧЕЙ САМООРГАНИЗАЦИИ К РАБОЧЕМУ САМОУПРАВЛЕНИЮ МЕХАНИЗМЫ ПЕРЕХОДА

Процесс складывания рабочих комитетов в органы самоуправления не был единовременным. Даже самими рабочими фабзавкомы стали так восприниматься далеко не сразу. К примеру, по воспоминаниям одного из рабочих фабрики бр. Бузиных, расположенной в деревне Степанцево Владимирской губернии, заводских депутатов выбирали у них для отстаивания перед хозяевами экономических требований, а не для выполнения каких-либо организационных функций внутри самого рабочего коллектива (67). И такое восприятие в первые недели революции следует признать преобладающим.

Не сразу разобрались в природе фабзавкомов и политические лидеры. Даже Ленин, один из немногих, кто понимал важность рабочего самоуправления, первоначально представлял рабочий контроль в виде вооруженных отрядов. Вернувшись в Россию, он отдал предпочтение Советам и лишь на рубеже мая—июня начинает признавать возможность самоуправления непосредственно на производстве —

через профсоюзы и фабзавкомы (68). То есть поначалу Ленину движение за рабочее представительство виделось в западноевропейском его понимании — как орудие давления на буржуазию.

Не широк был и круг решаемых фабзавкомами задач. Предварительные подсчёты показывают: в первые месяцы революции лишь около 10—15% заводских комитетов решали вопросы, связанные с управлением и жизнеобеспечением предприятий. Как пишет Д. Мандель, приметой февраля на заводах являлось всего три ключевых требования: удаление неугодных членов прежней администрации, 8-часовой рабочий день, повышение зарплаты. В понимании рабочих, эти требования, считает историк, составляли непреложную часть установления революционного порядка (69).

С этим выводом можно согласиться лишь отчасти. Требования эти имели не только политическую окраску. Можно без особых натяжек утверждать, что в ряде случаев речь шла о выживании рабочих коллективов. Как отмечали в своих документах Иваново-Вознесенские органы рабочего контроля, дороговизна оставалась главным противоречием между рабочими и капиталистами, поскольку зарплата временами была столь низкой, что во многих случаях доходила до “голодного уровня”, “в лучшем случае едва-едва покрывая самые минимальные потребности нашего скромного в своём домашнем обиходе рабочего” (70).

Словом, на первом этапе своего существования фабзавкомы боролись за выполнение тех же требований, что волновали рабочих ещё с дореволюционных времён. Новизна если и была, то в основном сводилась к большей остроте выдвигаемых требований, поскольку обнищание рабочих возрастало, что в большей мере чем политическая ориентация служила стимулом к проявлению активности (71).

Н. Бухарину принадлежит меткая оценка этого этапа послереволюционного рабочего движения. Катастрофическое падение самодержавия, писал он, застало врасплох сами борющиеся классы, эта быстрота “удивила не только тех, кто падал, но и тех, кто вызвал это падение” (72). И действительно, выдвигаемые фабзавкомами требования больше напоминали судорожные попытки выбраться из-под обломком рухнувшего строя, чем революционный натиск.

Соответствующей начальной ступени развития фабзавкомов была и их внутренняя структура. Как правило, она определялась многочисленными Правилами, Уставами, Инструкциями и прочими документами, составленными самими рабочими (73). На различных предприятиях устройство комитетов, их численный состав, процедура принятия решений и контроля за ними, способ формирования столь разнились, что говорить о фабзавкомовском движении как об особом течении рабочего движения, а фабзавкомах как о сложившихся органах низового самоуправления в первые недели революции сложно.

Ситуация начинает меняться к апрелю — маю 1917 г. В этот период определяющим в деятельности фабзавкомов становится лозунг “рабочего контроля над производством” (74). Первоначально рабочий контроль был ещё не более чем наиболее простой формой наблюдения пролетариата за своим классовым противником. Как-либо переломить сложившиеся на капиталистической фабрике положение он пока ещё не мог. Тем не менее переход к рабочему контролю серьёзно повлиял и на развитие самих фабзавкомов, и на генезис рабочего самоуправления в целом. В этот период фабзавкомы от элементарных, наиболее насущных проблем выживания рабочих переходят к более широким вопросам обустройства рабочего быта, в их деятельности начинают проследиваться параллели с общинно-артельными формами самоорганизации.

Так, рабочий комитет на фабрике т-ва Шуйской мануфактуры в конце августа 1917 г. постановил: “Открыть прачечную для рабочих своей фабрики со всеми удобствами для стирки”. В условиях приближающегося учебного года этот фабком принял решение “просить правление о расширении школы, ввиду того, что не хватает мест для детей рабочих всей фабрики”. Фабкомом ф-ки Куваевской мануфактуры 2 июня 1917 г. было постановлено “требовать от предпринимателя немедленно создать библиотеку и читальню при фабрике, руководствуясь подбором книг по указанию ф. з. к.” (75).

На заводе Михельсона при завкоме существовала особая культурная комиссия с театральной, библиотечной и лекционной секциями. При ней также для рабочих регулярно проводились различные курсы. В компетенцию этой комиссии входили задачи культурно-просветительского и бытового характера (76). Аналогичные структуры существовали на заводах Ярославля, Твери, Смоленска, Рязани, Костромы и других городов ЦПР.

Заводской комитет Тульского патронного завода рассматривал на своих заседаниях вопросы гигиены труда и защиты здоровья рабочих, 10 июля 1917г., например, был заслушан вопрос о недостатках в деятельности заводской больничной кассы и было решено вернуться к нему ещё раз, пригласив для отчёта её представителей (77). Эти же вопросы решал на своих заседаниях и рабочий комитет т-ва Иваново-Вознесенской мануфактуры, в частности, в начале осени 1917 г. он повел работу по предотвращению грозившей заводу вспышки заболевания оспой и обратился к коллективу мануфактуры с объявлением: “Ввиду усиленной эпидемии заболевания *ОСПОЙ* среди рабочих нашей фабрики, где уже зарегистрировано более 30-ти случаев заболевания среди взрослых рабочих, предлагаем всем желающим принять прививку... Товарищи! Для скорейшей борьбы с этой нежелательной гостьей убедительно просим не уклоняться от прививки, т. к. прививка за собой не несёт никакой особенной боли на руке” (78).

Среди прочих проблем, также волновавших фабрично-заводские комитеты на этом этапе их становления, можно назвать социальную опеку и общественное призрение. К примеру, фабзавком фабрики “И.В. Небурчилова с сыновьями” рассматривались вопросы о продовольственной помощи женщинам, чьи мужья ушли в армию с фабрики. Для этого было постановлено выдать им положенные по штату продовольственные книжки (79). На Тульском патронном заводе завком взял на себя заботу о военнообязанных (80). Помогали фабрично-заводские комитеты и возвращавшимся с фронта, особенно инвалидам, примером чему может служить деятельность объединения заводских комитетов группы производств Ясюнинских в с. Кохме (81).

Другим не менее существенным элементом движения за рабочее представительство на этом этапе становится установление фабрично-заводскими комитетами наружной сторожевой охраны, или создание милиции. Создаётся охранная милиция на заводах: Хлебникова, Гужона, Износкова, “Поставщик”, бр. Бромлей, “Динамо”, Военно-артиллерийском и многих других. На Цинделевской мануфактуре готовые изделия можно было вывозить с фабрики только по пропускам с подписью администрации и фабзавкома. “Милиция являлась нашим глазом, — писал И.Г. Батышев, — она помогала завкомам держать под контролем всю жизнь предприятия”. Результатом этих шагов стало выявление многочисленных фактов тайного вывоза сырья, топлива, готовой продукции, что впоследствии натолкнуло рабочие комитеты на необходимость непосредственного вмешательства и во внутреннюю жизнь предприятий (82).

Примерно в это же время фабзавкомы начинают вмешиваться в прерогативы администрации по наведению внутризаводского порядка. К примеру, завкомом завода бр. Бромлей 26 августа 1917 г. было принято заявление, “что в Кирочной мастерской, несмотря на надвигающуюся осень и надвигающиеся дожди до сих пор не покрыта крыша и не вставлены окна”. Комитет требовал устранить недостатки и “немедленно привести помещение в порядок” (83). Завком другого московского предприятия, Варшавского арматурного завода, обращал внимание владельцев на необходимость убрать бумагу и стружки в помещении плотницкой мастерской и вывесить табличку “Не курить”. Эти меры должны были предотвратить пожар, который из-за захламленности мог вспыхнуть в любую минуту (84). Случалось, администрация сама иногда призывала рабочие комитеты себе на помощь. Так, в своем письме от 16 августа 1917 г. Управление завода бр. Бромлей просило завком оказать содействие в защите кузнечного участка от опасности возникновения пожара. Ранее рабочие сами обращались к администрации с просьбой ликвидировать создавшуюся в цеху опасную ситуацию. Когда же власти попытались устранить её, рабочие-слесари затребовали слишком высокую оплату и без вме-

шательства комитета дело грозило срывом. Тогда руководитель заводской администрации и обратилась к завкому: “Так как замедление в установке муфт производится умышленно и угрожает противопожарной безопасности Кузнечного завода, считаю нужным выяснение Заводским Комитетом слесарям всей недопустимости вымогательства повышенной платы таким путём в ущерб интересам завода” (85).

От контроля над такими, казалось бы второстепенными, сторонами жизни предприятий рабочие комитеты переходили к контролю над технико-технологической базой. Так, была в поле деятельности фабрично-заводских комитетов и проблема сохранности промышленного оборудования. К примеру, вопрос о чистке машин не раз поднимался на заседаниях фабрично-заводского комитета фабрики т-ва Шуйско-Тизенской мануфактуры (86). Характерно, что вопросами внутреннего распорядка занимались фабзавкомы не только отдельных предприятий, но и их объединения, подтверждением чему служит работа Центрального Бюро ФЗК Иваново-Вознесенска, неоднократно обсуждавшего и вопросы пожарной безопасности, и сохранности станков и медицинского обслуживания, и другие аналогичные вопросы (87).

Важнейшей формой рабочего контроля в деятельности фабзавкомов, по мнению большинства исследователей, в этот период становится надзор со стороны фабзавкомов за наймом и увольнением. Причины, по которым рабочие боролись за его установление, можно понять на примере событий, развернувшихся на заводе бр. Бромлей. Здесь рабочих к активным действиям подтолкнуло необоснованное решение администрации граверной мастерской об увольнении одного из их товарищей. Завком заступился и предупредил администрацию, что теперь все проблемы, связанные с увольнением и приёмом новых рабочих будут решаться лишь с согласия комитета. Кроме того, комитет обратил внимание администрации на нецелесообразность приёма на завод новичков. По убеждению членов завкома, необходимо было обходиться наличными силами, переводя рабочих из цехов с частыми простоями в цеха, хорошо обеспеченные работой. Это позволило бы сохранить рабочие кадры (88).

Схожую позицию занимал завком завода Михельсона. На его заседании 14 июля 1917 г. было отклонено решение владельцев уволить рабочих ремонтной мастерской из-за якобы наметившегося там сокращения производительности. Комитет доказал, что это произошло из-за нераспорядительности самой администрации, допускавшей простои целых бригад. Решено было требовать от директора наведения порядка и невмешательства в вопросы увольнения (89). Не менее принципиально действовал завком Иваново-Вознесенской мануфактуры. Владелец, не запросив согласия фабкома, нанял на фабрику работницу Юзенкову. В ответ рабочим комитетом было постановлено

работницу “удалить”. Кроме того, фабком решил “поставить на вид предпринимателю, что он никакого не имеет на то права производить найм рабочих и служащих без ведома фабричного комитета” (90). Требование не принимать “рабочих и служащих без ведома заводского комитета” значатся в решении завкома Симоновского механического завода, остро стоял вопрос найма и увольнения на Тульском патронном заводе и прочих предприятиях (91). Рабочие такую свою позицию комментировали просто: “Комитет является не только экономической организацией, но и политической, несущей ответственность за укрепление революции, и, таким образом, состав работающих на фабрике не может быть для комитета безразличным” (92).

В целом о глубине перемен в фабзавкомовском движении можно судить на примере Москвы. В Москве развитие фабзавкомов контролировалось местными Советами. Информация здесь периодически собиралась, анализировалась и по возможности сохранялась. Так, имеются данные по 19 фабзавкомам Симоновского района. Большинство из них принадлежали к металлообрабатывающей (7 предприятий) и кожевенной промышленности (5 предприятий). В основном это были средние предприятия: 3 общественных и 16 частных.

На двенадцати предприятиях никаких комиссий в составе фабзавкомов не существовало. Из семи оставшихся четыре завкома выделили по одной комиссии, два — по две, а на одном предприятии — четыре. В числе этих образованных на семи предприятиях комиссий одна была производственной, две — конфликтные, четыре — продовольственные. Была так же одна финансовая комиссия, одна по охране предприятия и некоторые другие.

Найм и увольнение рабочих был в центре внимания 60%, а найм и увольнение служащих — примерно на половине предприятий. Контроль за топливом был налажен лишь на 2 предприятиях, за снабжением — на 3, за заказами — на одном. Зато большинство фабзавкомов участвовали в административной деятельности и в разработке правил внутреннего распорядка. На 6 предприятиях делались расходы на культурно-просветительскую деятельность, на взаимопомощь рабочим — на 2, на покрытие расходов по конфликтам с предпринимателями — 1, на прочие цели — на 30% предприятий. Основным источником финансирования были регулярные отчисления и пожертвования самих рабочих.

Своя специфика прослеживалась в Замоскворечье. В подавляющем большинстве случаев здесь деятельность завкомов оплачивалась предпринимателями. Лишь на 7 предприятиях (как указывается в источнике — некрупных) — рабочими, а на 4 предприятиях фонд оплаты деятельности ФЗК финансируется рабочими и хозяевами на паритетных началах. На 1 предприятии оплаты не производилось совсем. Как объяснялось в Записке, причина тому, что фабзавком

разбирал все проблемы в нерабочее время. Из этого замечания можно сделать вывод, что на большинстве остальных предприятий завкомы действовали и во время рабочего дня.

Из 76 заводов и фабрик района специализированные комиссии существовали на 43 предприятиях. Чаще других образовывались исполнительная комиссия, культурно-просветительская, санитарная, производственная, финансовая, по оценке труда, по выработке внутреннего распорядка. На 51 из 77 обследованных предприятий осуществлялся контроль за наймом и увольнением, а ещё на 5 — только за увольнением. Как говорилось в Записке, на остальных предприятиях завкомы пытались вмешиваться в регулирование рынка рабочей силы “частично” и “косвенно”. Контроль за запасами сырья и топлива осуществлялся лишь на 5 предприятиях, добычей сырья занимались 14 фабзавкомов.

Среди остальных форм рабочего вмешательства в деятельность администрации эпизодично встречались попытки регулировать трудовую дисциплину, охрану имущества, борьба с простоями. На одном предприятии рабочий был членом заводоуправления (93).

Таким образом, мы видим, что по сравнению с забастовочными комитетами или советами старост фабзавкомы решают значительно больший круг задач. Усложнение форм деятельности фабрично-заводских комитетов неизбежно влекло за собой и качественные перемены во *внутренней самоорганизации фабзавкомов*. К концу организационного периода складывается устройство фабзавкомов, нашедшее своё отражение в схеме Центрального Совета ФЗК (94).

Из приведенной схемы видно (см. приложение на стр. 191), что вся работа комитета как бы подразделялась на две самостоятельные части: комиссию контроля (Б) и комиссию труда (В). Координировалась их деятельность Президиумом комитета (А). Комиссии контроля были наиболее важной частью комитета. Они существовали не на всех предприятиях, но там, где они образовывались, в их состав, по свидетельству Батышева, старались выбирать наиболее квалифицированных рабочих. Например, руководитель контрольной комиссии Военно-артиллерийского завода И.К. Ливен впоследствии стал членом заводоуправления, а с января 1921 г. Московский союз металлистов по предложению завкома утвердил его директором завода.

Комиссия контроля (Б) распадалась на четыре части: комиссию административно-финансового контроля (IX), технико-производственного контроля (X), контроля по снабжению и расходованию сырья и полусырья (XI), контроля по приёмке и расходованию топлива и вторсырья (XII). Первые два звена объединяются в бюро производства (Г) и управляются членом комиссии контроля (V), а части (XI) и (XII) объединены в бюро снабжения (Д) под руководством члена комитета контроля (VI). Председатель комиссии контроля (II)

выполнял разнообразные функции и *вне* предприятия, представляя по должности на общегородских и производственных конференциях и в Советах.

Вторая комиссия фабрично-заводского комитета — комиссия труда (В) — разбивалась на четыре, а в некоторых случаях и более подразделений: расценок и норм выработки (XIII), приёма и увольнения рабочих и разрешения конфликтов (XIV), охраны труда (XV), культурно-просветительскую комиссию (XVI). Комиссия по установлению расценок и норм выработки и комиссия по контролю за наймом и увольнением объединялись в профессиональное бюро (Е), работой которого руководил член комиссии организации труда (VII), тогда как комиссии по охране труда и культурно-просветительской деятельности объединялись в бюро пролетарской культуры (Ж) под руководством другого представителя комиссии организации труда (VIII).

Деятельностью фабзавкома руководил его Председатель (I). Кроме этого в структуру комитета входил секретариат или секретарь (IV) и делопроизводитель или делопроизводительный отдел (З).

Словом, структура подавляющего большинства фабзавкомов приобретает вид, типичный для органов самоуправления. Легко увидеть и значительное сходство с традиционной русской общинно-артельной организацией и сферой деятельности прежних форм трудового самоуправления в России. Наше прежнее утверждение, что рабочим в период революционного коллапса не нужно было долго раздумывать, как организовать себя для самозащиты и выживания, находит ещё одно веское подтверждение. В то же время устройство и деятельность фабзавкомов мало напоминали западноевропейскую цеховую организацию, поскольку охватывают значительно более широкую сферу.

Существует ещё одно принципиальное обстоятельство, позволяющее говорить о превращении фабзавкомов из органов простой рабочей самоорганизации в органы самоуправления. По сути, реально о самоуправлении можно говорить только тогда, когда существует какая-то **материальная независимость от вышестоящих органов.** Как обстояло дело в этом смысле по отношению к фабзавномам?

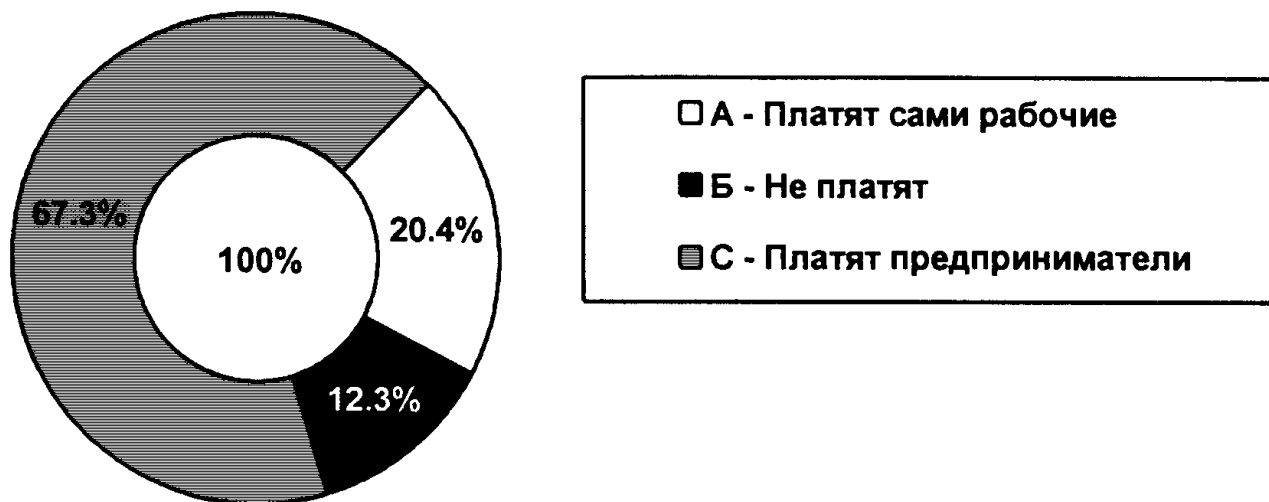
Более или менее подробно вопрос финансирования фабзавкомов затрагивается во всех работах о них. Правда, никто из исследователей не пытался проанализировать его с точки зрения закономерностей функционирования органов самоуправления. Тем не менее в исторической литературе собранно достаточно материала, чтобы можно было сделать нужные выводы. Представление о том, как обстояло дело с финансированием деятельности фабзавкомов в целом, может дать схема на стр. 49 (95).

Из этой схемы видно, что средства на содержание и деятельность фабзавкомов выделялись из фондов самого предприятия, кто бы

конкретно их ни вносил: рабочие или владельцы. Ни другие рабочие организации, ни государственные органы, ни банки участия в финансировании фабзавкомов не принимали. *Фабрично-заводские комитеты весной—летом 1917 г. были практически полностью материально независимы и осуществляли свои функции на основе самообеспечения.*

Источники финансирования фабзавкомов Москвы

Начинаются сдвиги и в психологии рабочего класса. В том числе идёт переоценка ими роли фабзавкомов как органов своего самоуправления. По воспоминаниям рабочего Богдановича с завода бр. Бромлей, фабзавкомы становятся в их сознании “органами революционного самоуправления” (96), а по высказыванию рабочего завода Гакенталя Любачева, при помощи фабрично-заводских комитетов рабочие только и могли защитить и отстоять свои интересы (97).

Теперь в понимании рабочих фабзавкомы выступают главными экономическими организациями, защищающими их профессиональные, групповые и классовые интересы. В “Положениях о комитете рабочих и служащих” рабочие Московского капсюльного завода определяли своё понимание задач фабзавкомов следующим образом: фабзавкомы, по их мнению, должны стремиться к созданию таких условий работы, которые бы наилучшим образом обеспечили “как максимум производительности, так и качество изделий завода” (98). Ещё более определенно звучала “Инструкция заводского комитета” мануфактуры “Циндель”: “Проводя в жизнь эти цели, заводской комитет обязательно должен согласовывать свои действия с общепролетарскими задачами и стоять исключительно на точке зрения классовой борьбы пролетариата” (99).

Работы, обобщающие развитие фабзавкомов в стране в целом и в отдельных промышленных регионах, показывают, что аналогичные процессы расширения сфер деятельности, усложнения организационного строения фабзавкомов, изменения отношения к ним рабочих

и политических партий происходили не только в ЦПР, но и в Петрограде, Баку, Харькове, Донбассе, на Урале, в Поволжье, Минске, Прибалтике. Массовость и распространённость этих процессов позволяет утверждать, что к лету 1917 г. фабрично-заводские комитеты из органов простой самоорганизации рабочих в основном складываются как органы низового рабочего самоуправления.

СТАНОВЛЕНИЕ ФАБЗАВКОМОВ КАК ФОРМЫ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

После перехода на рубеже весны — лета 1917 г. большинства фабрично-заводских комитетов от сугубо защитных функций к рабочему контролю их эволюция не прекращается: помимо *пассивных форм контроля*, таких как организация охраны предприятий, надзор за заводскими складами, поддержание порядка на рабочих местах и т. п., рабочие комитеты постепенно начинали осуществлять и *прямое вмешательство* в производственно-технологические процессы.

Наверно, наиболее простой, наглядной и распространённой формой такого *активного контроля* становится участие фабзавкомов в обеспечении своих заводов сырьём и топливом (100).

Наиболее ранние случаи проявления этой формы рабочего контроля известны ещё с апреля 1917 г. Так, 7 и 8 апреля обсуждал вопрос о командировке двух рабочих в Нижне-Днепровск за железом фабрично-заводской комитет фабрики Хлебникова. С 11 апреля вопросы расходования топлива и сырья значатся в повестке дня рабочего комитета Симоновского механического завода. Вслед за Москвой разворачивалась хозяйственно-снабженческая деятельность рабочими комитетами Подольска, Тулы, Сормова, Рязани, Смоленска, Кулебак и остальных фабрично-заводских центров (101).

С течением времени снабженческая деятельность фабзавкомов из чрезвычайной становилась повседневной. Считал своей обязанностью как органа хозяйственной жизнедеятельности своего предприятия контролировать распределения сырья завком Тульского патронного завода. Серьёзно взялись за снабжение фабрик сырьём и топливом рабочие комитеты Иваново-Вознесенска, как это было, например, на фабрике Севрюгова, на Иваново-Вознесенской ткацкой фабрике и других предприятиях города. Более того, в ряде случаев, встретив затруднения, органы рабочего контроля не боялись обращаться за помощью к предпринимателям. Так, в обращении Исполнительного комитета Рабочих и Солдатских Депутатов Иваново-Вознесенска от 3 июня 1917 г. подчеркивалось: “Согласно отчета Московского районного Управления по топливу... в настоящем году нашей отечественной промышленности придётся сократить производство, вследствие отсутствия достаточного количества топлива”. Исполком, не имея,

как отмечалось в документе, возможностей полностью взять на себя “работу подготовки к разрешению надвигающегося кризиса”, предлагал “предпринимателям *прийти на помощь* фабрично-заводским комитетам”. Исполком просил владельцев “по возможности немедленно известить” об их отношении к проблеме. Собрание членов Общества Фабрикантов и Заводчиков от 6 июня 1917 г. постановило “просить все местные предприятия *оказать содействие* начинаниям Совета”, о чем и уведомлялось в разосланном по всем предприятиям области специальном циркуляре Бюро Общества (102).

Приходилось фабзавкомам заниматься и продовольственным снабжением. Неоднократно обсуждался вопрос снабжения продовольствием и справедливого раздела муки и на Иваново-Вознесенской фабрике Н.Ф. Зубкова. В центре внимания продовольственный вопрос был на Куваевской мануфактуре. Продовольственная комиссия возникает в начале июня на Тульском патронном заводе, а уже к августу практика этого завкома по снабжению предприятия продовольствием стала изучаться Тульским Советом для распространения опыта. На совместном заседании членов Совета рабочих депутатов города, центрального заводского и цеховых комитетов патронного завода 2 августа 1917 г. была рассмотрена и одобрена практика ЦЗК ТПЗ по проведению реквизиций муки в продовольственных лавках “ввиду отсутствия муки в городе”. Возвращались к продовольственным вопросам на Тульском патронном и впоследствии. Что же касается реквизиций, то “ввиду обострения продовольственного кризиса” призывали провести обыски “для изъятия продовольственных запасов и излишков” также на фабрике Добровых и Набгольц в Москве (103).

Снабженческая деятельность идеально подходила для фабзавкомов как органов производственного представительства. Она позволяла рабочим применять свой организаторский потенциал и получать реальную отдачу, реально улучшать собственное положение. Направленная как бы во вне энергия фабзавкомов в этом случае реализовывалась без ущерба для работы предприятий. Там, где владельцы понимали это, практика *социального партнёрства* сохранялась значительно дольше.

И вовсе не случайно, что эта закономерная эволюция фабзавкомов в хозяйственные органы вызывала раздражение не только у правых, но и у левых радикалов. На I Всероссийской конференции фабзавкомов, к примеру, некоторые делегаты утверждали, что снабженческая деятельность превращает фабзавкомы в *подсобную силу капиталистов* по обеспечению предприятий всем необходимым, *способствует эксплуатации рабочих*. Когда постепенно начинает формироваться легенда о “местничестве фабзавкомов”, их деятельность по организации рабочего контроля над снабжением предприятий сыграла далеко не последнюю роль. Понятно, что и тогда эти взгляды

встречали серьёзные возражения. Против подобных утверждений, в частности, выступил Н.А. Скрыпник. По его словам, наоборот, “путём вмешательства в хозяйственные дела предприятия рабочие борются с *определённой системой*, системой экономического взрыва революции (104). Но далеко не все социалисты готовы признавать за рабочими не только политические и профессиональные права, но их право свободного хозяйствования.

По своему характеру и важности к снабженческой деятельности фабзавкомов непосредственно примыкали ещё разве что контроль над сбытом продукции и поиск торговых партнёров. Так, поиск заказов, контроль над их выполнением, а также сбыт готовой продукции практиковались, например, на заводе Гакенталя. На одном из собраний ФЗК т-ва Ясюнинских 4 октября 1917г. одним из вопросов разбирался как раз вопрос сбыта продукции. На собрание прибыли представители Севастопольского Совета, которые предложили оформить коммерческую сделку. Занималось вопросами сбыта продукции и Центральное бюро ФЗК Иваново-Вознесенска. Им была организована поставка готовой продукции предприятий области в другие регионы России, прежде всего в Москву (105).

Другим важнейшим проявлением рабочего самоуправления на этом втором этапе его становления становится борьба за трудовую самодисциплину. Хищения, мелкие кражи, прогулы, опоздания, курение и матерная брань на рабочем месте не только осуждались фабрично-заводскими комитетами, но и сурово преследовались *как вредящие производству*.

Серьёзная работа по укреплению самодисциплины развернулась в Иваново-Кинешемском крае, поскольку отсутствие привилегированных военных производств, нищета, голод толкали рабочих на воровство. Показателен в этом отношении пример ситценабивной и красильной фабрики т-ва мануфактур Н.Ф. Зубкова. Фабрично-заводской комитет этой фабрики рассматривал вопросы о расхищении имущества мануфактуры и мелких кражах в разделах повестки дня “разное” и “текущие дела”, а членам фабкома вменялось в обязанность экспромтом назначать обыски — так здесь были распространены кражи (106).

Контроль над дисциплиной мог принимать и другие оттенки. Например, на объединённом собрании фабрично-заводских комитетов Шуи было принято решение: без ведома фабзавкомов не развешивать листовки на территории фабрики (107). Было ли это решение зачатком политической цензуры или чем-то ещё, оно говорило о стремлении рабочего представительства *полностью контролировать* внутреннюю жизнь предприятий.

Примечательный случай произошёл на фабрике т-ва Шуйско-Тезинской мануфактуры, где фабричный комитет занимался налажи-

ванием дисциплины труда в контакте с администрацией. На своем заседании 1 июля фабзавком рассмотрел заявление администрации о том, можно ли читать книжки и дремать во время работы. Было постановлено вынести этот вопрос на объединенное собрание фабзавкомов города. Пока же фабзавком мануфактуры пришел к выводу, что “газеты читать можно, так как газеты освещают рабочему жизнь о современном быте, что необходимо знать рабочим, если только позволяет работа и не может наноситься никакого ущерба в работе. Что касается чтения книг, дремания и занятия рукоделием, комитет считает неблагоприятным” (108).

Меры, которые фабзавкомы предпринимали в области поддержания дисциплины, могли носить не только экономический, но, что важно, и *административный* характер, как это было, например, на Заводе подъёмных сооружений в Москве, где прогулы наказывались вплоть до увольнения (109). Высокий эффект давали и меры морально-психологического осуждения. Как писал об этом впоследствии рабочий завода “Проводник” Сапронов, виновные вынуждены были извиняться перед завкомом или даже общим собранием рабочих, а наиболее проштрафившимся вообще объявлялся бойкот (110).

Тесно связаны с проблемой дисциплины на рабочем месте были вопросы качества и производительности. Так, Московский металлический завод, секвестрованный по настоянию рабочих, благодаря умелым действиям завкома резко повысил производительность. Другим примером борьбы органов рабочего самоуправления за производительность труда является деятельность завкома завода Пэлка. Когда его администрация обвинила рабочих в саботаже, 18 августа 1917 г. завком постановил выяснить причины сокращения производства. Оказалось, что вина в этом не рабочих, а владельцев, неспособных наладить производство. Регулярно обсуждались эти вопросы фабзавкомом Куваевской мануфактуры и на целом ряде других предприятий (111).

Развиваются и прочие формы рабочего контроля. Так, в Туле на патронном заводе рабочий комитет активно боролся с простоями. На одном из своих заседаний ЦЗК ТПЗ принимает специальную инструкцию о простоях. В ходе её обсуждения подчеркивалось, “что простои бывают в каждом промышленном предприятии, но следует выяснить — происходят ли они по вине администрации или рабочих”. Велась борьба с простоями и неуплатой за них рабочим и фабзавкомом Шуйско-Тезинской мануфактуры. Требовал ответственности администрации в случаях вынужденных простоев в резолюции от 17 июня 1917 г. заводской Совет рабочих депутатов фабрики Севрюгова (112).

В этот период отмечены первые попытки рабочих перейти к контролю над финансами, без чего прочие виды контроля не были

достаточно эффективны из-за связей между владельцами предприятий и банкирами (113). В Москве среди предприятий, где рабочие пытались развивать эту форму производственной демократии, можно назвать завод “Динамо”. Заводской комитет “Динамо” потребовал допуска рабочих к документам и книгам заказов с имеющимися в них отчетами и данными. Была создана финансовая комиссия на заводе бр. Бромлей. Первые шаги в налаживании финансового контроля были предприняты фабзавкомом ситценабивной фабрики И. Нибурчилова в Иваново-Вознесенске. Здесь рабочие потребовали от администрации представить сведения за последние четыре года о заработной плате, ценах на изготавливаемые фабрикой товары, топливо и сырьё, потребляемые предприятием, а также о количестве рабочих и объёме производимой продукции (114).

Прилагаются усилия по установлению контроля и над самими банками. В Орехово-Зуеве местный Совет в июне 1917 г. установил свою стражу в отделении банка Рябушинского. Опираясь на вооружённую силу, Совет стал контролировать финансовые операции, особенно по выдаче ссуд. Чтобы предотвратить утечку капитала, единовременно выдавать более 1000 руб. в одни руки без специального разрешения Совета запрещалось. Подобные случаи происходили тогда и в других промышленных центрах. Косвенным подтверждением этому служит циркуляр от 7 июня Министерства внутренних дел губернским комиссарам с требованием решительно бороться против “незаконных действий” общественных организаций в отношении банков, не допускать установления вооружённой охраны банков, контроля над их операциями и т. п. (115).

Однако подобные случаи финансового контроля в деятельности фабзавкомов были редки и малоэффективны. Попытки же установления прямого контроля со стороны органов рабочего самоуправления за деятельностью банков до сентября, по мнению отечественных исследователей, были ещё более эпизодичны.

Редкость попыток контролировать и направить финансы своего завода или фабрики объясняется прежде всего неподготовленностью к этому самих рабочих. Известны случаи, когда хозяевам удавалось ввести членов фабзавкомов и контрольных комиссий в заблуждение, пользуясь их неосведомленностью в финансовых делах, и убедить в убыточности производства и неизбежности локаута. В этих случаях некоторые фабзавкомы, как отмечала газета “Рабочий путь” в статье “Проделки локаутчиков”, “вовлекались в позорное для рабочего класса дело” — превращались в “ходатаев капиталистов” перед вышестоящими учреждениями о выдаче субсидий для продолжения производства (116).

В августе — сентябре участились случаи прямого захвата рабочими предприятий. Нередко эти акты связывались рабочими с пере-

ходом фабрик в собственность государства, но иногда хозяевами на предприятиях становились фабзавкомы. Так, ещё в конце мая рабочие акционерного общества “Коломна”, опираясь на поддержку коломенского Совета, предотвратили закрытие завода, взяв руководство над ним в свои руки (117).

Похожий случай произошел на Ростокинской красильно-аппретурной фабрике. Когда её владелец отказался выполнять предъявленные ему экономические требования, заведение фабрикой приняли рабочие. На общем собрании было постановлено: никаких особых выгод из самостоятельного заведования фабрикой не извлекать. Доходы же было назначено распределять следующим образом: во-первых, выплачивать зарплату служащим и рабочим согласно законно повышенным расценкам; во-вторых, возмещать расходы по покупке для производства материалов; в-третьих, весь оставшийся по покрытию предшествующих статей излишек дохода должен поступать в собственность владельцев предприятия.

Таким образом, рабочие, беря ведение хозяйства полностью на себя, не лишали хозяина его доли в получаемой прибыли, т. е. сохраняли самый важный для него элемент экономического существования. Тем самым рабочие как бы ограждали себя от возможного бойкота через предпринимательские структуры, что неминуемо повлекло бы к падению выработки. Рабочие принимали на себя ответственность за целостность поступающих на фабрику для окраски и обработки вещей, т. е. охраняли право собственности и своих партнеров. Административная же часть передавалась по общему соглашению в руки бухгалтеров предприятия как наиболее сведущим в деле реального управления фабрикой — рабочие не замыкались в узкоцеховой организации, а смело передоверяли господствующее положение компетентному персоналу. С конца мая фабрика заработала полным ходом (118).

Арестом предпринимателя обернулось недовольство рабочих политикой по отношению к ним крупнейшего фабриканта Московского региона Второва, на предприятиях которого работало до 40 тысяч рабочих. Захват в этом случае *привел к падению производства и по решению Моссовета* Второв оказался на свободе (119). Не менее крупным провалом закончилась и попытка рабочих Михельсона взять в свои руки завод и создать своё заводоуправление, в тот же период на различные сроки устанавливалась власть рабочих на заводе Гужона, Бари, АМО, Дангауэва и Кайзера (120).

По не вполне полным данным фабричных инспекторов в одном только сентябре было зарегистрировано 8 фактов захватов предприятий рабочими и 33 случая введения рабочего самоуправления, причём (121) есть основания считать, что данные эти были несколько занижены, т. к. фабричные инспектора были не заинтересованы в излишней

драматизации некоторых трудовых конфликтов, которые удавалось пресечь на местном уровне.

Несмотря на то, что захваты, как правило, оканчивались отступлением рабочих и на то, что чаще всего это были спонтанные акции, вызванные бедственным положением в практически безальтернативной ситуации, значение их не следует приуменьшать. Захваты предприятия заставляли активизировать на нём все существовавшие виды рабочего контроля: от снабженческой деятельности до обеспечения завода заказами и рынками сбыта. Кроме того, захваты прочно цементировали *сотрудничество* всех имеющихся на предприятии рабочих организаций. Характерны в этом отношении мытищенские события середины лета. Проходившее 2 июня 1917 г. заседание Мытищенского Совета Рабочих Депутатов вдруг чуть не было прервано экстренным сообщением о том, что закрывается фабрика искусственного шелка “Вискоза”. Из докладов членов заводского комитета рабочих и представителей от служащих фабрики выяснилось, что акции предприятия перешли в другие руки и директор знал о закрытии фабрики 2—3 недели тому назад. Ввиду нежелательности остановки предприятия, грозящей увеличением и без того опасного уровня безработицы, Совет, обсудив предварительно вопрос с представителями служащих специалистов и взвесив все “за” и “против”, постановил: взять под контроль Совета ведение работ. Для охраны фабрики Совет ввел на нее воинский патруль (122). К разрешению конфликта были привлечены все действовавшие на фабрике объединения рабочих.

Широта и разнообразие форм рабочего контроля летом — осенью 1917 г. даже заставило некоторых зарубежных исследователей утверждать, что в ходе своей борьбы рабочие *вышли за пределы обычного типа конфликтов*, характерного для западных стран, *и поднялись до отрицания всей системы ценностей буржуазного общества* (123).

Существуют несколько важных источников, позволяющих судить о подлинном размахе этих процессов. Прежде всего речь идёт о результатах промышленной и профессиональной переписи 1918 г. Определённую информацию можно подчерпнуть также из ряда материалов большевистской партии.

Так, немалый интерес представляют данные, собранные Центральным и региональными комитетами большевистской партии. В частности, ЦК РСДРП(б) сразу после Апрельской конференции распространил в 218 парторганизациях специальный опросный лист, содержащий вопросы по рабочему контролю. Ответы, возвращённые в ЦК, существенно оживляют сухую, выборочную статистику переписи. Наконец, дополнительные сведения по проблеме распространения различных форм рабочего контроля содержатся в письмах местных организаций в ЦК и Московское областное бюро ЦК РСДРП(б), отчётах о поездках инструкторов центральных органов партии по

местным организациям, материалах VI партсъезда, прежде всего анкетах, заполняемых делегатами.

На основе этих материалов можно судить о 1 566 достоверно известных случаях рабочего контроля на 373 предприятиях, что говорит о довольно широком распространении этого явления и многообразии его проявлений (124). Но и эти данные нельзя считать полными. Так, важные материалы по районированию фабзавкомовского строительства приводятся М.Л. Иткиным. Им обобщены сведения о 2 094 случаях осуществления рабочего контроля на 573 предприятиях с количеством рабочих 1 428 000 (125). В отечественной историографии имеются сведения и касательно динамики возникновения фабзавкомов. По этим данным в предоктябрьский период уверенно шло строительство органов рабочего самоуправления на мелких (до 50 человек) и средних (от 51 до 500 человек) предприятиях. На более крупных предприятиях (от 501 до 1 000 человек) темпы были ещё выше: до октября на них возникло 194 ФЗК, или 85,5%, на предприятиях от 1 001 до 5 000 человек образовалось 184 ФЗК, т. е. 84,8%. Что же касается 20 учтённых переписью предприятий, численность рабочих на которых превышала 5 000, то здесь 86,9% из них было охвачено движением за рабочее представительство. По отраслям наиболее действенно шло развитие фабзавкомов и специальных органов рабочего контроля на транспорте — здесь образовалось ещё до октября более 86% из действовавших к середине 1918 г. фабзавкомов. Затем шли текстильная промышленность (70,1%), стекольная промышленность (более 66%), металлургическая и топливная промышленность (60,7% и 61,2%). В региональном разрезе по темпам возникновения ФЗК впереди шла Московская губерния — 64,8% (или 826 ФЗК) (126).

Таким образом, мы видим, что постепенно в деятельности фабзавкомов как органов самоуправления всё большее значение начинают приобретать различные формы рабочего контроля над производством. *Это подразумевало со стороны рабочих определённый уровень понимания технологических и административных вопросов, умение разбираться в сложной ситуации на рынках, выявлять все нити, связывающие их предприятие со смежниками, потребителями и поставщиками. Наконец, учитывать технологическую специфику всего заводского хозяйства, а также обладать определёнными коммерческими навыками.*

Вне зависимости от того, вёл ли рабочий контроль на тех или иных предприятиях к рабочему управлению или только к участию рабочих в управлении ими, все прочие функции самоуправления в деятельности фабзавкомов начинают отступать на второй план и осуществляются теперь *только в связи с функциями фабзавкомов как органов рабочего контроля.* Сила того или иного рабочего комитета и всего фабзавкомовского движения в целом определялась теперь тем, насколько широким и значимым был их контроль над производственной

деятельностью. Всё это и позволяет квалифицировать фабзавкомы лета — осени 1917 г. не как просто органы самоуправления, а *органы производственного самоуправления*. Это определяло их *специфику* в качестве особой, *самостоятельной формы* рабочей самоорганизации.

Вместе с этим приведённые выше расчеты показывают, что фабзавкомы существовали далеко не на всех предприятиях, не охватывая и половины из них. Всё это заставляет согласиться с историками, считающими, что в дооктябрьский период рабочий контроль так и не смог превратиться в силу, способную радикальным образом вмешаться в экономику страны и спасти её от надвигающихся потрясений (127).

В этом мы видим главное противоречие роли рабочего самоуправления в революции 1917 г. Сохранение существующей в стране общественно-политической ситуации для рабочих *было неприемлемо*, т. к. именно социальные конфликты и заставляли их укреплять собственные автономные организации производственной демократии. Развиваясь в прямой зависимости от обострения противоборства между рабочими и буржуазией, рабочее самоуправление вырабатывало новые, альтернативные буржуазным, формы организации отношений на производстве. *Участвуя в изменении отношений на производстве, фабзавкомы вносили существенный вклад в подготовку “пролетарского”* (как тогда воспринимали его многие) *этапа революции*. Но эти новые коллективистские отношения *не охватывали всех предприятий и всех рабочих*, они ещё *не стали преобладающими*, а там, где развитие фабзавкомов продвигалось более быстрыми темпами, часто это диктовалось *политической*, а не хозяйственной целесообразностью. В этих условиях любое изменение социальной и экономической ситуации могло разрушить ту среду, в которой шло развитие фабрично-заводских комитетов и существенно повлиять на их дальнейшую судьбу.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 За рубежом 1992. № 18. С 16.

2 Ферро М Николай II. М., 1991. С 204

3. См · Русское слово. 1917. 2 марта.

4. Государственное управление и самоуправление в России. Очерки истории. М., 1995. С 164. Трукан Г.А. Октябрь в Центральной России. М., 1967. С. 48–52, 53 и др.

5. Лубков А.В. Война, революция и кооперация // Власть и общественные организации в первой трети XX столетия. М., 1994. С. 107–109.

6. Фин Я. Профдвижение СССР от возникновения до наших дней. Популярный очерк М., С. 14; Панкратова А.М. Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику М., 1923. С 175.

7 Шесть лет на революционном посту. М , 1923.

8. Труд и профсоюзы. 1927. № 10–11. С. 60.

9. Гарви П. Профсоюзы и кооперация после революции (1917—1921). Newwton. CHALIDZE PUBLICATIONS. 1989. С. 1. Несмотря на стихийность, результаты рабочей самоорганизации уже на этом, первом этапе революции впечатляли — к лету 1917 г. фабзавкомы существовали как минимум на 144 из 166 обследованных предприятий Москвы. Этот кочующий из исследования в исследование результат получен на основе анализа анкет, собранных районными Советами Москвы в мае — июне 1917 г. и материалах союза металлистов. И из-за крайней фрагментарности этого архивного материала есть все основания полагать, что он *существенно занижен*. По крайней мере, это может быть отнесено к Замоскворецкому и Симоновскому районам. Так, сохранилась аналитическая записка представителя Симоновского райсовета Н.К. Гончарова. В ней приводился обзор результатов анкетирования по 19 предприятиям района (ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 1. Д. 65. Л. 3, 11–12), в то время как до нас дошла лишь анкета Смирновской картузной фабрики. Аналогично дело обстоит и с Замоскворецким районом. О деятельности завкомов здесь по итогам анкетирования также имеется аналитическая записка. В ней говорится о 77 обследованных предприятиях, на которых существовали завкомы, тогда как до наших дней сохранилось лишь 5 анкет: Литографа бр. Евдокимовых (69 человек), Протезного завода, т-ва Растеряева (150 человек), фабрики Бумажных гильз (223 человека) и Протезного завода (479 человек). Таким образом, можно говорить уже о 233, а не 144 фабзавкомах, действовавших в Москве в начальный период революции. Но и эта цифра не может считаться окончательной. Так, в аналитической записке Замоскворецкого райсовета указывалось, что анкетирование всех предприятий района не охватило. Не удалось, в частности, обследовать ряд текстильных фабрик, близких к закрытию и охваченных сильными волнениями, на которых уже в силу этого могли действовать какие-либо рабочие организации. Не были получены сведения по таким крупным предприятиям, как завод “Динамо”, трамвайный парк Шрадера и некоторым другим. (Там же. Л. 11–22. Л. 24–27 и др.)

10. Вперёд. 1917. № 1.

11. Листовки Московской организации большевиков 1914—1925 гг. М., 1954. С. 30.

12. Работ, с современных позиций освещающих эти явления, пока немного, см напр.: Герасименко Г.А. Состояние власти в России после свержения самодержавия // Власть и общественные организации России в первой трети XX столетия. М., 1994. С. 115–138, он же. Опыт земского самоуправления // Государственное управление и самоуправление в России. М., 1995. С. 139–195.

13. Так, В.И. Селицким собраны очень интересные данные по газете “Правда”. Согласно им, в марте 1917 г. среди рабочих Путиловского завода расходилось до 1 000 экземпляров этой газеты, на фабрике “Скороход” — 300, на Молитовской фабрике в Канавине — 200. Но во-первых, общий тираж “Правды” тогда был 100 000 экземпляров и приводимые автором данные для оценок статистически малы (1–2%). Во-вторых, численность рабочих на том же Путиловском была более 26 000 человек и нет свидетельств, что большевистские и прочие газеты доходили до каждого из них. В-третьих, подобные цифры показывают лишь агитационную мощь аппарата той или иной партии, а вовсе не результат пропаганды. (Селицкий В.И. Массы. в борьбе за рабочий контроль. М., 1971. С. 62.)

14. Очерки истории Московской организации КПСС. Кн. 1. 1883 – ноябрь 1917. М., 1979. С. 371.

15. ЦАОДМ. Ф. 412. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

16. За власть Советов. Сборник воспоминаний участников Великой Октябрьской революции. М., Московский рабочий, 1957. С. 65.

17. Октябрь и профсоюзы. М., Профиздат. 1967. С. 49.

18. В одной из своих работ Л. Гапоненко приводит пример, который, казалось бы, свидетельствует об обратном: завком фабрики “Шеврохром” на одном из своих заседаний от 11 марта 1917 г постановляет самопреобразоваться в заводскую ячейку

РСДРП(б). Однако на самом деле этот случай стоит в том же ряду, что и называемые И. Батышевым. Рабочие сами, добровольно приняли соответствующее решение — поддержать близкую им политическую партию. Разумеется, большевики, заинтересованные в росте своих рядов, не могли возражать и бороться против такого волеизъявления шеврохромовского рабочего комитета. Очень трудно представить себе обратный случай, а именно, чтобы большевистский (меньшевистский, эсеровский и т. п.) партийный комитет какого-нибудь завода вдруг провозгласил себя фабзавкомом и рабочие приняли бы это.

19. См. напр.: ГАРФ. Ф. 5498. Оп. 1. Д. 24. Л. 6; ГАТО. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 30. Л. 14; Известия Смоленского Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. 1918. 24 июля.

20. Мандель Д. Рабочий контроль на заводах Петрограда // Альтернативы. 1995. № 2. С. 132

21. На оружейном заводе Тулы, к примеру, первое время по старинке действовал Совет старост. На фабрике Райковской мануфактуры Иваново-Кинешемской промышленной области органом самоорганизации выступало собрание рабочих депутатов. На Мышенском заводе Тульской губернии орган рабочего самоуправления назывался просто завкомом. Правлением коллектива называли свой комитет рабочие т-ва Долматовской мануфактуры бумажных изделий, расположенной вблизи города Кинешмы. А вот на фабрике т-ва Шуйско-Тезинской мануфактуры орган рабочего представительства так и назывался фабрично-заводским комитетом, но поначалу это было скорее исключением, чем правилом. (См.: ГАТО. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 23. Л. 86–88; там же Д. 7 Л. 52; там же. Д. 5. Л. 1, 22–24, 25–27; ГАИО. Ф. Р-730. Оп. 1. Д. 23. Л. 13, 61, там же Д. 35. Л. 1; там же. Д. 36. Л. 1, там же Ф. 641. Оп. 1 Д. 28. Л. 29, там же. Д. 29. Л. 8; Известия Совета Рабочих и Военных Депутатов. 1917. 26 апреля; Подготовка и победа революции в Москве. С. 42 и др.) Такая же многоголосица в названиях звучала и в главном форпосте революции в Центральном промышленном районе (ЦПР) — Москве. На заводе Износкова завком именовался Комитетом выборных депутатов, на Военно-промышленном — Советом старост. Комитетом заводских депутатов рабочих называли какое-то время свой комитет гужонольцы. На предприятии бр. Крамер закрепилось название фабрично-заводского комитета Совета рабочих депутатов, схожее название — Совет рабочих депутатов существовало на заводе Гакенталя. На Ликинской мануфактуре действовал также Совет рабочих депутатов, на Военно-артиллерийском — Совет уполномоченных (См.: ГАРФ. Ф. Р-7952 Оп. 3. Д. 191. Л. 1, ЦГАМО Ф. 186. Оп. 1. Д. 32. Л. 28; Егорова А.Г. Профсоюзы и победа Октябрьской революции в Москве. М., 1957 С. 64, ГАРФ. Ф. Р-7952 Оп. 3. Д. 28. Л. 29; Октябрьские дни в Москве и районах. С. 100 и др.)

22. Ферро М. Николай II. М., 1991. С. 239.

23. Проблема национальной специфики рабочего движения в разных европейских государствах практически не исследована. Вероятно, это является следствием традиции рассматривать рабочее движение как интернациональное. Еще хуже обстоит дело с изучением национальной специфики органов рабочего самоуправления. Однако в западной науке наличие национальных особенностей в путях формирования и характере рабочих объединений разных стран — факт общепризнанный. Об этом пишет, например, один из крупнейших авторитетов в области изучения демократических институтов Д. Сцелл. В качестве исторического фундамента для рабочих союзов в Западной Европе он называет городскую цеховую структуру средневекового ремесла (См. Сцелл Д. Участие, контроль работников и самоуправление. М., 1994 С. 6, 14, 15). В своих подходах Сцелл не одинок. Примерно о том же пишет в своем очерке истории европейского рабочего класса и В. Абендон (См.: Abendon W. A Shot History of European Working Class. © NBL & C. S. London. 1972. p. 9–26). То же касается и историков, описывающих события в конкретных странах. На таких позициях, в частности, стоят практически все зарубежные авторы, описывающие события 1917 г. на Британских островах. По их оценкам, во всех выступлениях рабочих в то время, будь то стихийные

вспышки или широкое движение шопстюартов, так или иначе проявилось глубокое национальное своеобразие английского рабочего движения (См.: Addison Ch. Four and Half Years. A Personal Diary from June 1914 to January 1919 / Vol. II. L. 1934; Bünger S. Die sozialistische Antikriegsbewegung in Grossbritannien. 1914–1917. В. 1967. См. также: Кирова К.Э. Западная Европа. 1917-й. М., 1977; Карлинер М.М. Рабочее движение в Англии в годы Первой мировой войны. М., 1991). Характерно, что само слово шопстюарт (англ. shop-stewards), обычно трактуемое в отечественной литературе как заводские старосты, на самом деле переводится как управляющий цеха (мастерской), что уже само по себе показывает различие между двумя вроде бы похожими институтами фабричного старостата, по крайней мере, различие в их восприятии рабочими Англии и России. Не случайно получившие в первой четверти XX века в Англии теории “самоуправленческого” социализма назывались теориями гильдейского социализма. Идеалом для молодых интеллектуалов, выдвинувших эти идеи, были национальные особенности развития британского рабочего класса, уходящие корнями в цеховое, гильдейское средневековье. Такую же картину рисуют специалисты по истории Германии, Италии, Франции и других стран.

24. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения в 9-ти томах. Т. 6. М., 1987. С. 58–78; 79–80.

25. Дементьев Е.М. Фабрика, что она дает населению и что у него берет. М., 1887. С. 3–4.

26. Погожев А.В. Санитарное исследование фабричных заведений Богородского уезда Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел санитарной статистики. Т. III. вып. XI. М., 1885. С. 173–174.

27. Козьмин-Лапин. Уход на полевые работы фабрично-заводских рабочих Московской губернии. М., 1912.

28. Каблуков Н.А. Лекции по экономии сельского хозяйства, читанные в Московском университете в 1895/6 г. М., 1897.

29. Сборник стат. свед. по Моск. губ. – отд. sanit. стат. Т. IV. ч. 1. М., 1890. С. 236–237, 240.

30. Ленин В.И. Развитие капитализма в России. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 537–540; 549–550.

31. Рашин А. Состав фабрично-заводского пролетариата СССР. М., 1930.

32. Здесь важным источником являются опубликованные данные профессиональной переписи 1918 г. Проанализировав её результаты, А.Г. Рашин доказал, что непосредственно до революции в среднем по 31 губернии России владели землёй, своей или своей семьи, 31,3% рабочих, а тех, кто не только имел, но и вёл хозяйство сам или при помощи семьи было 20,9%. По ЦПР эти данные опять, как правило, выше среднестатистических. Вот каково соотношение имевших землю и её обрабатывавших по некоторым губерниям и городам ЦПР: Владимирская — 40,1 и 30,9%; Иваново-Вознесенск — 35,5 и 22,6%; Калужская — 40,5 и 37,4%; Москва — 39,5 и 22,8%, а в Рязани приводимые значимые показатели вообще 48,8 и 35,6%. Правда, в Костромской и Тверской губерниях эти цифры на треть ниже среднего, а в Ярославской губернии показатели вообще 14,9 и 10,1% (См.: Рашин А.Г. Формирование промышленного пролетариата в России. М., 1940. С. 414–415). Но и эта величина на практике нам представляется не маленькой, а в сравнении с Западной Европой и вообще значительной

33. Материалы для оценки земель Владимирской губ. Т. X. Шуйский уезд вып. III Промыслы крестьянского населения Владимир, 1908. С. 101–108

34. Дробижев В.З., Соколов А.К., Устинов В.А. Рабочие Советской России в первый год диктатуры пролетариата (Опыт структурного анализа по материалам профессиональной переписи.) М., 1975 С. 110; История Советского рабочего класса. С. 49 и др.

35. Николаев П.А. Рабочие-металлисты С. 10; Шестой съезд Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков). М., 1958. С. 328.

36. Волобуев П.В. Пролетариат и буржуазия России в 1917 г. М., 1964. С. 25; Николаев П.А. Рабочие-металлисты Центрально-промышленного района России в борьбе за победу Октябрьской революции (март—ноябрь 1917 г.). М., 1960. С. 10; Статистика труда, 1919. № 5–7. С. 15 и др.

37. ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 3. Д. 57. Л. 5.

38. Дробижев В.З., Соколов А.К., Устинов В.А. Рабочие Советской России. С. 115

39. В 1915 г. Министерство торговли и промышленности распространило «Справочник об артелях трудовых». Справочник этот был далеко не полным: он включал в себя лишь артельные предприятия, имевшие официально утверждённый устав, тогда как большинство российских артелей в этот период по старинке действовало без всяких уставов. В справочнике значилось 507 артелей, из которых наибольшее количество было за артелями грузчиков и крючников — 53, за ними шли посыльные и носильщики — 31, строительные рабочие — 25, маляры — 24. Отдельно значились производственные товарищества: 29 — транспортников, 29 — по обработке металлов и изготовлению орудий и машин, 28 — по изготовлению одежды, 27 — по обработке дерева, 19 — ювелирных, 15 — сапожных, 8 — переплётные и типографские. Большое место в справочнике занимали кустарные артели, среди которых на первом месте шли сапожные — 19, кузнечно-слесарные и по изготовлению различного рода орудий — 9, столярные — 6. Были в этом справочнике названы также артели чертёжников, техников, землемеров, монтажеров, водопроводчиков, газетчиков, бухгалтеров, конторщиков, театральных капельдинеров, парикмахеров, дворников, полотеров, печников, портняжных и т. д. (См. подробнее: Платонов О. Русский труд. С. 78–79).

40. Экономика русской цивилизации. М., 1995. С. 145–147.

41. ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 3. Д. 40. Л. 42; Социал-демократ. 1917. 18 апреля.

42. ГАРФ. там же. Д. 71. Л. 151–151 Об.

43. Там же, Ф. 506. Оп. 1. Д. 2. Л. 3–3 Об.

44. Нарвская застава в 1917 году. Л. 1960. С. 94.

45. ГАИО. Ф. 412. Оп. 1. Д. 4. Л. 44, 44 Об.

46. ГАИО. Ф. 641. Оп. 1. Д. 26. Л. 14–14 Об, 23; там же. Ф. 412. Оп. 1. Д. 4. Л. 39, 41 Об.

47. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 278.

48. Прежде в советской историографии проблема социального партнёрства как самостоятельная никогда не изучалась. Впрочем, также как и проблема перехода от традиционного общества к гражданскому. Между тем в период однородного буржуазного и первого коалиционного правительств идея социального партнёрства занимает одно из ключевых мест в деятельности и прогрессистских и правосоциалистических деятелей. А поскольку именно они в тот момент определяли правительственный курс, то социальное партнёрство могло рассматриваться в качестве одной из реальных альтернатив развития отношений непосредственно на производстве.

49. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. II. М., 1991. С. 10.

50. Рейли Д. Дж. Политические судьбы Российской губернии: 1917 в Саратове. Саратов, 1995. С. 29–30.

51. Панкратова А.М. Фабзавкомы в Германской революции (1918—1923 гг.). М., 1924. С. 6–15.

52. Галили З. Лидеры меньшевиков. С. 107.

53. ГАТО. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.

54. ГАИО Ф. Р-730. Оп. 1. Д. 2. Л. 12.

55. См.: Панкратова А.М., Меллер В.Л. Алексей Иванович Рыков (его жизнь и деятельность). М., 1924. С. 37, 38.

56. ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 3. Д. 191. Л. 1–2; Селицкий В.И. Массы в борьбе за рабочий контроль. М., 1971. С. 48 и др. Интересны в этом отношении результаты исследования рабочего движения в Москве в 1917 г., полученные Д. Кёнкер. Она пришел к выводу, что в первый период революции рабочих волновала в первую очередь

проблема единства революционных сил, прочее не казалось таким уж важным и представлялось решаемым (См.: Koenker D Moscow Workers and the 1917 Revolution. Pristoen/1981 p 107). Вывод этот верен в том смысле, что рабочие понимали под революционными те силы, которые не противились вмешательству пролетариата в производство.

57. Рабочее движение в 1917 году. М.—Л., 1926. С. 87.

58. ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 3. Д. 128. Л. 16–17.

59. ГАРФ. Ф. 6868. Оп. 1. Д. 82. Л. 186

60. ГАРФ. Там же. Л. 186–187.

61. Галили З. Лидеры меньшевиков в Русской революции. М., Республика. 1993. С. 100–101.

62. Вестник Временного правительства. 1917. 7 марта.

63. Кукушкин С. Московский Совет в 1917 году. М., 1957. С. 77.

64. Галили З. Лидеры меньшевиков. С. 106–107; Панкратова А.М. Фабзавкомы России. С. 216.

65. См. напр. : ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 1. Д. 65. Л. 5–65.

66. ЦМАМ. Ф. Р-100. Оп. 7. Д. 7. Л. 6–6 Об; ЦГАМО. Ф. 186. Оп. 1. Д. 65. Л. 50; ГАИО. Ф. Р-730. Оп. 1. Д. 50. Л. 12–13; Панкратова А.М. История развития фабрично-заводского представительства и фабрично-заводских комитетов в России. М., 1924. С. 68–69; Как организовать заводской (фабричный) рабочий комитет. М., 1917. С. 2–11. и др.

67. ГАРФ. Ф. 6868. Оп. 1. Д. 98. Л. 54.

68. Игнатенко Т.А. Ленин о рабочем контроле над производством // Великий Октябрь История. Историография. Источниковедение. М., 1978.

69. Мандель Д. Рабочий контроль на заводах Петрограда // Альтернативы. 1995. № 2 С. 116–117.

70. ГАИО. Ф. Р-730. Оп. 1. Д. 2. Л. 12.

71. Как справедливо полагает З. Галили, рабочие поначалу создавали организации по “обустройству своей жизни” в тех областях, которые не были непосредственно связаны с производством, а касались сугубо потребительской сферы. По её мнению, это было оправданно из-за бедственного положения рабочих и отсутствия развитого, с налаженными внутренними связями рабочего движения. (См.: Галили З. Лидеры меньшевиков в Русской революции. М., 1993. С. 77.)

72. Бухарин Н. От крушения царизма до падения буржуазии. Харьков, 1923. С. 20.

73. ГАТО. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 5. Л. 3; там же. Д. 23. Л. 22–26; ЦГАМО. Ф. 186. Оп. 1. Д. 65. Л. 50. там же. Д.83. Л.16, 16 Об.; ЦМАМ. Ф. Р-100. Оп. 7. Д. 7. Л. 6–6 Об; Ситцевый поток. Страницы истории Первой Московской ситценабивной фабрики. М , 1973. С 92, 93; Панкратова А.М. История развития фабрично-заводского представительства. С. 67.

74. Как справедливо утверждает Д. Мандель, требование вмешательства рабочих в контроль над производством было выдвинуто “снизу”, ещё до того, как какая-либо партия успела включить его в свою программу. Причём большинство социалистов так и не поняло сути рабочего контроля и требовало его замены контролем государственным (См.: Мандель Д. Рабочий контроль на заводах Петрограда. С. 116, 124–128).

75. ГАИО. Ф. 641. Оп. 1 Д. 28. Л. 29.

76. ЦГАМО. Ф. 186. Оп. 1 Д. 36. Л. 53.

77. ГАТО. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 5. Л. 3.

78. ГАИО Ф. 442. Оп. 1 . Д. 30. Л. 14; там же. Д. 1. Л. 24.

79. ГАИО. Ф. 641. Оп. 1. Д. 32. Л. 4.

80. ГАТО. Ф. 1012. Оп. 1 Д. 5. Л. 1

81. ГАИО. Ф. 506. Оп. 1. Д. 4. Л. 13 Об.

82. Фин Я. Фабрично-заводские комитеты России. М., 1922. С. 12.

83. ГАРФ. Р-7952. Оп. 3. Д. 71. Л. 93.

84. ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 261. Ч. 2. Л. 94.

85. ГАРФ. Р-7952. Оп. 3. Д. 71. Л. 91–92.

86. ГАИО. Ф. 641. Оп. 1 Д. 34. Л. 7.

87. ГАИО. Ф. Р-730. Оп. 1. Д. 30. Л. 14.

88. Флагман станкостроения. С. 70.

89. ЦГАМО. Ф. 186. Оп. 1. Д. 36. Л. 35.

90. ГАИО. Ф. 730. Оп. 1. Д. 34. Л. 9.

91. ЦГАМО. Ф. 186. Оп. 1. Д. 46. Л. 4; ГАТО. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 5. Л. 6.

92. См.: ГАИО. Ф. Р-730. Оп. 1. Д. 32. Л. 30. Поэтому вряд ли можно согласиться с историками, которые видят в рабочем контроле над рынком труда только роль защиты. Такая трактовка далеко не объясняет всех его проявлений. Например, в случае нехватки рабочих рук на предприятии, фабзавкомы часто сами занимались их поиском, как это было на заводе Гужона. Там комитет командировал своего представителя Арапова за помощью к рабочим путиловцам. На состоявшемся 24 июля 1917г. общем собрании цеховых комитетов путиловцы решили в качестве помощи предоставить нужное количество вальцовщиков, сварщиков и прокатчиков, одобрив “энергичное и самостоятельное ведение заводского дела” комитетом рабочих-гужоновцев. Рабочие Путиловского завода посоветовали также поискать помощи и на проволочном заводе, где она москвичам также была оказана (См.: Шестнадцать заводов. С. 381–382). Похоже, имеется основание утверждать, что, требуя участия в принятии решений по вопросам найма и увольнения, органы рабочего представительства как бы выражали готовность взять на себя ответственность за результаты деятельности предприятия. Этим они также заявляли свои права на лидерство в отношениях с администрацией.

93. ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 1. Д. 65. Л. 3–7. Л. 24–27.

94. Октябрьская революция и фабзавкомы: Материалы по истории фабрично-заводских комитетов. М., Изд-во ВЦСПС. 1927. Ч. 1. С. 45.

95. См. Подробнее: Егорова А.Г. Профсоюзы и фабзавкомы. С. 24.

96. ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 3. Д. 94. Л. 47.

97. ЦГАМО. Ф. 186. Оп. 1. Д. 30. Л. 22 Об.

98. ЦГАМО. Ф. 186. Оп. 1. Д. 65. Л. 50.

99. Ситцевый поток. Страницы истории Первой Московской ситценабивной фабрики. М., 1973. С. 92, 93.

100. В прежней советской историографии, в том числе последних обобщающих трудах на эту тему, рабочий контроль над топливом и сырьём приводился как важное проявление революционной сути фабзавкомов. (См., напр.: История Советского рабочего класса. Рабочий класс Октябрьской революции и на защите её завоеваний. 1917—1920. Т. 1. М., Наука. 1984. С. 61–62. Питерские рабочие и Великий Октябрь. Л., 1987. С. 166, 307–308 и др.). И надо признать, основания для этого были. К примеру, в настоящее межклассовое столкновение вылился конфликт вокруг Ликинской мануфактуры. Владельцем здесь был С.А. Смирнов, государственный контролёр Временного правительства. В прошлом он являлся председателем Московского Военно-промышленного комитета и одним из основателей Всероссийского союза торговли и промышленности, где стал председателем его Политотдела. Ликинский конфликт сразу получает всероссийскую известность как живое подтверждение всеобщего саботажа во главе с министрами-капиталистами. “Следует рассматривать как злой умысел и саботаж” — таково было решение комиссии Покровского Совета по обращению рабочих-ликинцев, просивших разобраться в причинах решения владельцев закрыть фабрику (См.: ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 3. Д. 128. Л. 10–12; Рабочий путь. 1917. 14 октября).

101. ЦГАМО. Ф. 186. Оп. 1. Д. 52. Л. 8 Об., 9 Об; там же. Д. 50. Л. 5 Об., 6 Об; Свет над заставой. С. 110; За власть Советов. М., 1957. С. 27; Шестнадцать заводов. С. 351, Старая и Новая Даниловка. С. 19–20; История Советского рабочего класса. Т. 1 С. 61; Симонян М.Н. “Динамо” на пути к Октябрю. М., 1961. С. 161 и др.

102. ГАТО. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 5. Л. 3; ГАИО. Ф. Р-730. Оп. 1. Д. 36. Л. 3; там же. Д. 34. Л. 7; там же. Ф. 641. Оп. 1. Д. 6. Л. 3; там же. Л. 5.

103. ГАИО. Ф. 608. Оп. 1. Д. 2. Л. 52 Об, 54 Об, 56, 57 и др.; Там же. Ф. 703. Оп. 1. Д. 1. Л. 20–21; ГАТО. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 5. Л. 2, 15 Об, 20, 20 Об, 30; ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 3. Д. 38. Л. и др.

104. См.. Иткин М Л Рабочий контроль над производством накануне Великого Октября М., 1984. С 110.

105. ГАИО Ф 506 Оп 1 Д. 4 Л. 6; там же. Ф. Р-730. Оп. 1. Д. 30. Л. 17 и др.

106. ГАИО. Ф. 608. Оп. 1. Д. 2. Л. 16 Об–17.

107. Там же. Ф. 412. Оп. 1. Д. 4. Л. 6 Об.

108. Там же. Ф. Р-730. Оп. 1. Д. 35. Л. 2.

109. ЦГАМО. Ф. 186. Оп. 1. Д. 32. Л. 31.

110. Перед Октябрем (работа в Тушинско-Гучковском районе) // Власть Советов. 1924. № 7.

111. ЦМАМ. Ф. 2795. Оп. 2. Д. 1. Л. 11; ГАИО. Ф. 703. Оп. 1. Д. 1. Л. 20–21; Рабочее движение в 1917г. С. 313 и др.

112. ГАТО. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 5. Л. 22–24, 29, 30. Ф. Р-730. Оп. 1. Д. 35. Л. 2 Об. и др.

113. ГАИО. Ф. Р-730. Оп. 1. Д. 30. Л. 16–16 Об; Фин Я. Фабрично-заводские комитеты в России. М., 1922. С. 11.

114. Симонян М.Н. “Динамо” на пути к Октябрю. С. 161; Иткин М.Л. Рабочий контроль над производством накануне Великого Октября. С. 92.

115. Селицкий В.И. Массы в борьбе за рабочий контроль. М., 1971. С. 125.

116. Рабочий путь. 1917. 12 октября.

117. Красный Архив. 1937. № 6.

118. Голос Народа 1917. 1 июня.

119. Панкратова А.М., Меллер В.Л. Алексей Иванович Рыков (его жизнь и творчество). М., 1924 С. 38.

120. Уваров А.К. К Ленину за советом // За власть Советов. М., 1957. С. 27; Имени Владимира Ильича. С. 80, История Московского завода им. Лихачева. С. 41. Николаев П.А. Рабочие-металлисты. С. 60–61; Революционное движение в России после свержения самодержавия. Ч. 1. С. 487; Компрессор. С. 66; Селицкий В.И. Массы в борьбе за рабочий контроль. С. 135–139; Октябрь в Замоскворечье. С. 49.

121. Великая Октябрьская социалистическая революция: Хроника событий. Т. IV. М., 1961. С. 268.

122. Труд. 1917. 6 июня; Социал-демократ. 1917. 6 июня; Утро России. 1917. 9 июня; Пролетарий. 1917. 6 июня; ГАРФ. Ф. 6868. Оп. 1. Д. 91. Л. 3, 4–6.

123. Булдаков В. Путь к Октябрю // Октябрь 1917. Величайшее событие века или социальная катастрофа. М., 1991. С. 40.

124. По данным В.И. Селицкого, наиболее распространённым был контроль над условиями труда — 28,3% от общего числа известных случаев. За ним шли контроль над наймом и увольнением — 27,3%, и производственно-технический контроль 21,9%. Значительно реже встречался контроль над распределением предметов потребления (6,8%), хотя на крупных предприятиях этот показатель был несколько выше — 8,2%. Ещё менее распространена была охрана предприятий — всего 6,3% случаев. Причем наибольшее их количество зафиксировано на предприятиях металлургической и текстильной промышленности — 6,8%, а наименьшее в пищевой — 3%. Очень слабо обстояли дела с финансовым контролем. В среднем он занимал 7,8% случаев по всем и 6,5% по крупным предприятиям. Наиболее активны и в этом отношении были металлисты (8,5%), текстильщики (7,2%) и горнодобытчики (3,2%). Ещё меньше в источниках фактов установления прямого рабочего управления — лишь 2,3%, причём по крупным предприятиям и того меньше — 0,4%. Наиболее активно шли на установление своего управления пищевики (6,2% случаев), и горнодобытчики (3,2%), тогда как у металлистов и текстильщиков те же показатели были совсем незначительны (1,7% и 1,0%). По отраслям промышленности наибольшее число фактов рабочего контроля на одно предприятие пришлось на металлургическую промышленность — 4,9 случая. Далее

шли текстильщики (3,8) и горнорабочие (3,7). Наименьшая активность обнаруживалась у пищевиков — всего 2,7 (См Селицкий В И Массы в борьбе за рабочий контроль С 193–195).

125 По его подсчетам наибольшее распространение получил контроль за внутренним распорядком — 42,3%, материально-техническим снабжением (17,2%), распределением продуктов (11,4%), охрана предприятий (10,7%) и технико-производственный контроль (9,0%). М Л Иткин подтверждает выводы В.И Селицкого о низком уровне финансово-коммерческого контроля (5,1%) и прямого рабочего управления (4,3%). Контроль за внутренним распорядком наиболее сильно был развит на Кавказе (69,5%) и в Белоруссии (81,4%), за материально-техническим снабжением — в Северо-Западном районе и Петрограде (13,9% и 14,1%). В плане технико-производственного контроля особенно выделялась Средняя Азия и Казахстан. Здесь показатель был чрезвычайно высок и поднимался до 42,1%, что, впрочем, объясняется низким общим показателем количества случаев рабочего контроля в этом регионе — всего 19 зарегистрированных случаев. Финансовый контроль был наиболее развит на предприятиях Петрограда (7,1%) и Северо-Западного района (6,8%), а также в Сибири и на Дальнем Востоке, где показатель достигал ещё более высокого уровня — 9,3%. А вот случаи прямого рабочего самоуправления особенно часто встречались на предприятиях Урала — 13,1% всех известных там фактов рабочего контроля связаны с этим. Также высоки эти показатели в Сибири, Дальнем Востоке (12,3%), Украине (10,1%) и в Белоруссии (9,3%). Интересны обобщающие данные по Центрально-промышленному району. Так, факты контроля над внутренним распорядком и личным составом предприятий здесь составляли 37,3%, а по Москве — 41,5%. Более высокими в Москве, по сравнению с показателями в целом по ЦПР, были и данные по технико-производственному контролю (соответственно 10,2% и 7,9%), контролю за материальным и техническим снабжением (22,1% и 18,2%), финансовому контролю (5,6% и 4,8%). Однако такие показатели, как контроль над охраной предприятий и распределением продуктов были выше по району в целом, чем собственно по Москве — 13,7% против 10,2% и 16,9% против 8,6%. В ЦПР был зарегистрирован крайне низкий процент случаев перехода рабочих к прямому управлению — 1,2%. По Москве этот показатель был несколько выше — 1,8%. Всего в Центрально-промышленном районе было зарегистрировано самое высокое количество предприятий, охваченных рабочим контролем — 226 (в том числе Москва — 114), с числом работающих на них 525 тыс. рабочих (в том числе Москва — 194 тыс. рабочих). Количество фактов осуществления рабочего контроля в ЦПР — 776. Это самые высокие показатели по стране. Иткин М.Л Рабочий контроль накануне Великого Октября С 114–115

126. См.. Дробижев В З Главный штаб социалистической промышленности. С 50 Всего же В З. Дробижев в своем исследовании анализирует данные по 2151 фабзавкому и 306 специальным органам рабочего контроля, образованных к моменту Октябрьского переворота.

127. История Советского рабочего класса. Т. 1. С. 96.

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ РАБОЧЕГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

ИНТЕГРАЦИЯ ОРГАНОВ РАБОЧЕГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА

На рубеже весны — лета 1917 г. в фабзавкомовском движении происходит ещё одно, помимо перехода к рабочему контролю, важное качественное изменение: если весной 1917 г. рабочий контроль осуществлялся фабзавкомами в основном лишь в рамках отдельного предприятия, то летом 1917 г. начинается быстрый рост взаимодействия между ними. *С этого времени можно говорить о начале складывания системы органов рабочего самоуправления.* Слабость фабзавкомов на отдельных предприятиях могла быть компенсирована этими интеграционными процессами.

Важность наметившихся тогда сдвигов трудно переоценить. Небезынтересны в этом смысле некоторые соображения К. Маркса, чью методологию истории сегодня считают альтернативной цивилизационному подходу. Анализируя природу и общественную значимость общины, он в 1881 г. писал: “Есть одна характерная черта у русской “земледельческой общины”, которая служит источником её слабости и неблагоприятна для неё во всех отношениях”. Что же вызвало у него такую резкую оценку? “Ахиллесовой пятой” общины, этого “*локализованного микрокосма*”, К. Маркс полагал её изолированность — “отсутствие связи между жизнью одной общины и жизнью других”. К. Маркс специально оговаривал: этот партикуляризм вовсе не является сущностной чертой общинного строя, но везде, где он встречается, “воздвигает над общинами более или менее *централизованный деспотизм*” (1).

Характерно, что в 1917—1918 гг. все, кто пытался подавить независимость фабзавкомов, критиковал их за так называемый “заводской патриотизм”, нежелание смотреть дальше собственной проходной.

Сам же Маркс считал этот недостаток “легко устранимым” даже в отношении самоорганизации *крестьян*.

И действительно, интеграция органов рабочего самоуправления, начавшись, протекала достаточно успешно (2). На существование более или менее развитой сети фабзавкомов и их объединений в провинции мы наталкиваемся, по их утверждению, при разборе материалов, относящихся ещё к июню — сентябрю 1917 г. Именно с этого времени соответствующие материалы начинают встречаться в делах Центрального Совета фабзавкомов Петрограда (ставшего позднее ядром Всероссийского ЦС ФЗК). Эти сообщения с мест, а также требования от низовых комитетов методических и нормативных материалов и пособий по организации комитетов и их союзов. Особенным “спросом” пользовался типовой проект устава Фабрично-заводского комитета, разработанного и выпущенного к тому времени Центральным Советом (3).

Процесс объединения фабзавкомов начинался и протекал спонтанно. В большинстве случаев объединение диктовалось практическими соображениями. Поэтому происходило оно в процессе совместной борьбы за какие-либо конкретные требования. К примеру, союз с целью добиться повышения зарплаты стал первопричиной дальнейшего сотрудничества завкомов Ефремовского, Бавринского и Дергачевского и ещё трех московских предприятий. Несколько иначе, но в целом по такому же сценарию события разворачивались на шести текстильных фабриках, среди которых такие известные, как Гюбнера, Мещерина, Прохорова. Их трудовыми коллективами был создан совместный рабочий комитет для решения общих задач производственного представительства (4).

Складывание единой структуры фабзавкомовского движения и его взаимосвязей с другими ветвями рабочего самоуправления из-за своей стихийности в различных городах ЦПР *шло не равномерно* (5).

Требование о создании такого общегородского центра неоднократно выдвигалось рабочими Москвы. Так 3 июля 1917 г. оно было поддержано расширенным заседанием Благуше-Лефортовского районного Совета совместно с представителями фабзавкомов. Звучало это требование и позже. На I Всероссийской конференции фабзавкомов представители от Москвы даже сообщали, что наконец вопрос об образовании ЦС ФЗК поставлен в практическую плоскость. Но и на этот раз за словами конкретных действий не последовало.

Вероятно, отсутствие единого фабзавкомовского центра в Москве сказалось на позиции фабзавкомов Москвы, отказавшихся поддержать идею формирования и Всероссийского центра ФЗК, уступив тем самым инициативу питерским рабочим.

В других городах региона объединение фабзавкомов шло дальше. Например, в Туле уже осенью 1917 г. конституируется губернский

Совет фабрично-заводских комитетов. Ещё раньше на некоторых заводах Тулы возникла идея особых фондов “из отчислений рабочих со своего заработка”. Цели этих фондов выходили за рамки деятельности отдельных фабзавкомов и подразумевали борьбу с разрухой и безработицей в рамках всей губернии. В Шуе действовал Союз фабрично-заводских комитетов, а также соподчиненное с ним Объединенное бюро фабрично-заводских комитетов. Они координировали усилия низовых ячеек самоуправления по продовольственному и прочим злободневным вопросам. В Иваново-Вознесенске Центральное бюро фабрично-заводских комитетов было образовано 22 июня 1917 г. на городской конференции фабзавкомов. ЦБ ФЗК Иваново-Вознесенска занималось вопросами продовольственного снабжения, контактами с предпринимательскими объединениями, координацией связей фабзавкомов города с пролетарскими организациями Петрограда, Одессы, Москвы. Финансировалось же Центральное бюро в основном за счет перечислений непосредственно от низовых комитетов города. Центральный Совет фабрично-заводских комитетов действовал и ещё в одном городе ЦПР — Твери (6).

Руководящие и координирующие органы фабзавкомов на территории ЦПР имели разный статус и компетенцию. В некоторых городах кроме Центрального Совета ФЗК могли существовать параллельно или вместо него и более локальные фабзавкомовские центры. Так, в Выске Нижегородской губернии действовал Объединённый завком выскунских заводов. В Костроме — Совет трех текстильных фабрик Костромы. В Московской губернии — Центральный ФЗК Подмосковского угольного бассейна, Объединённый фабричный комитет 11 фабрик Гжельского уезда, Совет ФЗК Орехово-Зуева для двух фабрик, Объединенный фабричный комитет предприятий гончарного производства Бронницкого уезда. В Ярославле наряду с ЦС ФЗК действовали объединения фабзавкомов на предприятиях Ярославля (объединявшие рабочие комитеты химического завода Позизовкина, Волжской мануфактуры и Ярославской большой мануфактуры), а также Объединённый рабочий комитет махорочных и спичечных фабрик. В Туле также одно время действовал Центральный заводской комитет Тулы (7).

В целом по ЦПР и прилегающим к нему местностям действовало более 20 центров ФЗК, среди них более 10 городских и губернских территориальных Советов, отраслевые и межфабричные объединения. Это позволяет, несмотря на отсутствие центра фабзавкомов в крупнейшем городе региона Москве, говорить о ЦПР как регионе, где интеграция фабзавкомовского движения зашла наиболее далеко. Для сравнения можно привести данные по темпам объединительных процессов по стране в целом (8). В настоящее время имеющиеся данные позволяют говорить о 94 объединённых центрах фабзавкомов. В их

числе: 75 городских, районных, уездных и губернских, 8 отраслевых и 11 производственных, действовавших в 65 промышленных центрах России. В ряде случаев удаётся определить также и преобладающее партийное влияние в этих объединенных центрах ФЗК — из 75 территориальных объединений 65 руководились большевиками (9).

Большую роль в объединении органов рабочего самоуправления и повышении их общественного статуса сыграли многочисленные конференции фабзавкомов, проходившие на протяжении всего 1917 г. во многих городах ЦПР. Именно подобные конференции, как правило, становились первым шагом в образовании центров ФЗК. Так, например, события разворачивались в небольшом городе Вышний Волочок Тверской губернии. Под руководством местного Совета Рабочих и Солдатских Депутатов здесь в начале октября прошла городская конференция фабзавкомов. На ней обсуждался ряд вопросов об улучшении экономической и политической ситуации в уезде и стране в целом. Одновременно с этим было решено выработать единую инструкцию для всех фабзавкомов города. Это решение стало важным шагом на пути координации фабзавкомовского строительства в городе (10).

Важные выводы о характере интеграционных процессов в фабзавкомовском движении можно сделать на примере состоявшейся 22 июня 1917 г. конференции фабзавкомов Иваново-Вознесенска. Собранные на ней представители 21 предприятия города обсудили ряд важных проблем: вероятность остановки предприятий текстильной промышленности, трения в отношениях с профсоюзами и меры преодоления возникших трудностей. Одним словом, конференция показала, что фабзавкомы города начали осознавать свою ответственность не только за положение на своей фабрике, но и в стране, другое дело, что возможностей здесь было значительно меньше (11). Ещё раньше, 10—12 мая, на совместной конференции фабрикантов и рабочих текстильного края были закреплены основные права фабзавкомов на осуществление ими своих функций (12).

Смелостью решений отличались конференции в районах и рабочих пригородах Москвы, требовавшие перехода к всеобщему рабочему контролю под эгидой фабзавкомов. Так, на конференции фабзавкомов Рогожского района 15 сентября 1917 г., помимо текущих и бытовых вопросов, было обсуждено политическое положение в стране и прозвучали призывы к немедленному становлению “диктатуры пролетариата”. Ещё раньше требования перехода власти в руки Советов прозвучали на первом съезде фабзавкомов Подольска, который проходил 15 июня 1917 г. Одним из наиболее ранних форумов фабзавкомов не только в ЦПР, но в целом по России стал губернский съезд Советов и фабзавкомов Подмосковья, проходивший 8 — 9 апреля. На съезде был принят ряд важных резолюций: 1) об экономической

борьбе в губернии; 2) об отношении рабочей организации к Исполнительному комитету и о тактике рабочей группы внутри него; 3) по вопросу о строительстве органов местного самоуправления. В решениях, в частности, подчёркивалось, что “экономическая борьба должна вестись под руководством центральных рабочих организаций” и что для “большей успешности в борьбе необходимо укрепление и расширение заводских комитетов” (13).

В сложной обстановке межпартийного соперничества проходили конференции фабзавкомов в самой Москве. Первая из этих конференций, работавшая с 23 по 28 июля 1917 г., вначале обещала пройти конструктивно. Были согласованы резолюции по сотрудничеству фабзавкомов с профсоюзами, выработана единая оценка экономического положения в московской промышленности. Однако когда большевики вынесли на голосование ряд не согласованных ранее политических резолюций, более трехсот депутатов покинуло зал заседаний. И хотя конференция смогла закончить свою работу, наметившийся на ней конфликт внутри фабзавкомов Москвы дал о себе знать. Представляется, что именно срыв I конференции фабзавкомов города помешал созданию в Москве единого Бюро рабочих комитетов. Представляется, что этот факт следует подчеркнуть особо, поскольку он никак не отражён в литературе.

Любопытно, что после окончания конференции и большевики, и меньшевики настаивали, что именно их позиция была поддержана московскими фабзавкомами. Пресса каждой из сторон возвестила о победе своей партии на конференции. Предпосылки к такому неоднозначному изображению хода и результатов конференции, как представляется, действительно имелись. Но на наш взгляд, они связаны не столько с партийными распрями, сколько с неоднозначностью ситуации в самой рабочей среде. Процесс политизации органов рабочего самоуправления уже развивался, но был ещё далеко не завершён, поэтому могло найтись место как для умеренных, так и для более радикальных настроений и трактовок. Подтверждением этого могут служить итоги II конференции фабзавкомов Москвы. Время работы первой конференции пришлось на конец июля, для которого характерно особенно резкое усиление классовых антагонизмов. Но на сознании как “масс”, так и “вождей” это ещё не сказалось. Но очень скоро конфликты на экономической почве активизировали приверженцев как правого, так и левого лагеря. Не прошло и месяца, как с инициативой провести вторую “конференцию фабрично-заводских комитетов г. Москвы в самое ближайшее время” выступил фабзавком Московского телефонного завода. Те же требования начали выдвигать рабочие Замоскворецкого трамвайного парка и других предприятий города (14). По мнению рабочих, решения I конференции, с их умеренностью, безнадежно устарели и требовали пересмотра.

Большевики, учтя опыт первой конференции, загодя выступили с изложением своей позиции, но эта мера во многом уже ничего не решала. Не большевики, а сама обстановка подводила органы рабочей самоорганизации к более активным решениям. Теперь большевикам приходилось задумываться не о том, как увлечь своим радикализмом рабочих, а как бы не отстать от быстрого полевения их настроений. В определенном смысле ключевая резолюция конференции о рабочем контроле и борьбе с хозяйственной разрухой шла дальше, чем аналогичные решения VI съезда большевиков. Проходившая с 12 по 17 октября вторая конференция фабзавкомов Москвы задним числом осудила ненавистные рабочим скобелевские циркуляры и возложила ответственность за разруху на имущие классы. Выход же из сложившейся ситуации делегаты видели в “немедленной национализации” ряда отраслей, “принудительном синдицировании”, а также промышленном и банковском контроле (15).

Если говорить в целом по стране, то в период двоевластия состоялось около полусотни подобных форумов фабзавкомовского движения разных уровней. Из учтенных 49 конференций или съездов городского, районного или отраслевого масштаба, проходивших с 29 апреля по 5 июля 1917 г., лишь 4 прошли под явным преобладанием правых социалистов, на остальных доминировали большевики (16). Эти данные свидетельствуют и о масштабах, и об общей направленности шедших тогда процессов: *по мере объединения органов рабочего представительства они всё решительнее выступали против существовавшего социального строя.*

В потоке растущих интеграционных тенденций важное место занимает работавшая с 17 по 22 октября, т. е. в самый канун большевистского переворота, I Всероссийская конференция фабрично-заводских комитетов. Всего на конференции работали представители 49 промышленных центров России, из них было 99 делегатов с решающим и 68 с совещательным голосом. Преобладали на конференции большевики — 86 участников, затем шли 22 эсера, 11 анархо-синдикалистов, 8 меньшевиков, 6 эсеров-максималистов, ещё 4 делегата затруднились определить свою партийную принадлежность.

Даже моментом своего проведения Всероссийская конференция фабзавкомов как бы проводила определенную черту под целой эпохой рабочего самоуправления. Особенно интересными сроки её проведения покажутся, если принять во внимание некоторые обстоятельства. Известно, в частности, что сроки восстания в планах большевиков колебались с 20 по 26 октября и примерно в тех же числах планировался съезд Советов, а также чрезвычайный съезд большевистской партии. Не было ли это не просто совпадением? Ведь известно, что, несмотря на большевизацию Советов, у сторонников Ленина гораздо более прочные позиции были в фабзавкомах. Нельзя ли в этих усло-

виях предположить, что конференция фабзавкомов могла стать как бы запасным вариантом для большевиков в случае неудачи на съезде Советов. Тем более что они летом уже один раз снимали лозунг “Вся власть Советам” из своих программ, да и в это время Ленин не был особенно расположен прятаться за советскую легитимность переворота.

Однако начавшаяся под настроением докладов Л. Троцкого и Л. Каменева о текущих событиях, конференция не позволила увести себя от решения насущных задач рабочего движения в плоскость чистой политики. Делегатов от трудовых коллективов интересовали не только вопросы о власти, хотя тогда они интересовали, наверное, всех. Важнейшими на конференции стали вопросы о нехватке топлива, взаимодействии города и деревни, финансовом положении и ситуации на транспорте.

В этом отношении характерно, что посвященный специально I Всероссийской конференции фабзавкомов выпуск журнала ЦС ФЗК сосредотачивался именно на этих будничных вопросах. Места для публикации докладов “вождей пролетарской революции”, которыми те пытались задать ход конференции, в нём не нашлось. У нерегулярно получающих журнал провинциальных активистов вообще могло сложиться впечатление, что никаких политических страстей на конференции и не бушевало (17).

Ключевой темой конференции стала тема о рабочем контроле. По итогам жаркой дискуссии вокруг доклада Ю. Ларина была принята резолюция. В ней фабзавкомы демонстрировали свои истинные претензии в экономической и организационной сферах. В резолюции, в частности, говорилось: “Низвергнув самодержавие в политической области, рабочий класс стремится доставить торжество демократическому строю и в области своей производственной деятельности” (18).

В выступлениях рядовых делегатов содержится немало дополнительных сведений, уточняющих картину фабзавкомовского движения. Так, З. Зарецкий, представлявший Иваново-Вознесенск, рассказал о работе ЦБ ФЗК города, в котором было объединено около 40 предприятий, делегировавших в бюро по 15 представителей каждое. Зарецкий признал, что “ЦБ ставит своей целью и контроль над производством, но что-либо сделать в этом направлении не удалось”. Он объяснял это тем, что “все силы приходилось ухлопывать на доставку материалов и топлива, так что некоторые члены ЦБ превратились прямо-таки в подрядчиков”. Если Зарецкий в основном рассказывал о деятельности ЦБ ФЗК Иваново-Вознесенска, то Е. Горячев, делегированный на конференцию Вичугским районом Костромской области, напротив, подчёркивал, что в их крае “о создании Советов фабрично-заводских комитетов вопрос не обсуждался ни разу”.

Делегат от Вышневолоцкого уезда Тверской губернии так охарактеризовал состояние фабзавкомовского движения в своей губернии: “Комитеты начали свою деятельность не одновременно, одни раньше, другие позже, но теперь комитеты все функционируют”. В качестве организующей силы в создании и формировании фабзавкомов он особо выделил Советы, которые провели 8—9 октября 1917 г. губернскую конференцию ФЗК. “До означенного времени, — рассказывал Воробьёв, — комитеты руководствовались каждый своей инструкцией и поступали неодинаково” (19).

Конференция завершилась избранием Центрального Совета фабрично-заводских комитетов России. Из 9 членов этого важного органа 2 человека были избраны от Москвы — столько же, сколько от Петрограда (остальные пятеро из других регионов страны). Если же учесть, что ВЦС ФЗК был основан на базе ЦС ФЗК Петрограда, то равное представительство от Москвы и столицы свидетельствует о признании высокого значения ЦПР в складывающейся системе всероссийского объединения фабрично-заводских комитетов.

Всероссийская конференция “увенчала” (но не завершила) процесс образования *единой системы фабзавкомов*, начавшийся ещё весной и усиливавшийся летом. В её основании находились *низовые комитеты. На втором уровне — региональные конференции фабзавкомов, городские и губернские Советы ФЗК. Роль национального центра фабзавкомовского движения должны были выполнять Всероссийские, а также Центральный Совет ФЗК России.*

Однако к моменту победы большевиков эта система повсеместного распространения не получила. Не во всех городах ЦПР были центральные органы фабзавкомов. Это создавало существенные бреши в фабзавкомовском движении не только этих районов, но и в общероссийском движении за рабочее представительство. Связи между фабзавкомами часто носили непостоянный характер, и после достижения рабочими разных предприятий поставленных задач — распались. Не смог стать подлинным центром фабзавкомовского движения и Центральный Совет ФЗК. И надо признать, что подобный исход был закономерным: даже профсоюзы, строившиеся по вертикали, по признанию П. Гарви, имели перед революцией в лице ВЦСПС не столько работающий, сколько декоративный орган (20). Эти факторы предопределили *слабость и неустойчивость фабзавкомовского движения* в том смысле, в котором предупреждал Маркс, критиковавший патрикуляризм общины.

Но тем не менее производственное представительство всё же сумело перешагнуть локальные границы отдельных цехов и предприятий — и в этом главное знание объединительных тенденций внутри фабзавкомовского движения начала лета — осени 1917 г.

Изучение судеб пролетарского самоуправления в период российской революции 1917 г. с неизбежностью выводит нас на более общие процессы, как правило слабо поддающиеся документированию, но без учёта которых картина организационного творчества рабочих в эти революционные месяцы не может быть достаточно полной. В то же самое время и на сами эти процессы, о которых идёт речь, имеет смысл посмотреть в сопоставлении с ростом институтов рабочего самоуправления. Речь идёт о создании в революционном обществе основ новой российской государственности.

Если пробовать оценить февральско-мартовскую революцию с точки зрения главного вопроса всякой революции, которым по ленинскому определению является вопрос о власти, то она может показаться “не совсем революцией”, поскольку так и не ответила, кому же теперь эта власть принадлежит? Расколотое общество нуждалось в стабилизации и механизмах общественного примирения. Словом, речь шла о выборе *новой модели государства и новой модели отношений государства и общества*.

С этих позиций и следует в дальнейшем рассматривать ситуацию, сложившуюся в стране после революции, и роль рабочего самоуправления в её развитии. Вероятно, со временем придётся отказаться от уже устоявшейся в науке концепции “двоевластия”. По крайней мере, существенно подправить её. Историки уже не отрицают того факта, что для провинции понятие “двоевластия” не даёт возможности адекватно отразить происходившие там процессы: на местах организация системы управления приобрела значительно более сложную конфигурацию. Не случайно современники событий уже тогда говорили о десятивластии, как это делал кадет Е.Н. Трубецкой (21), о многовластии, как это делал лидер Партии народной свободы П.Н. Милюков (22), а то и просто о безвластии, как это делал комиссар Саратовской губернии Н.И. Семёнов (23). По сути, в тот момент на власть претендовали все политические силы и организации (24).

Вторым важным обстоятельством, о котором ещё не писала историческая наука, было небывалое развитие в 1917 г. органов самоуправления. С этой точки зрения о российской революции даже можно было бы говорить как о “революции самоуправления”: ни одна другая революция в истории не сопровождалась таким бурным развитием низовых форм самоорганизации: земств, городских дум, общественных комитетов и т. п.

Тактика фабзавкомов по отношению к этим организациям определялась двумя факторами. Ясно, что первым таким фактором был постоянно обострявшийся конфликт между социальными группами и их организациями. Но нельзя сбрасывать со счетов, как это делали

раньше, и стремление рабочих укрепить пошатнувшийся общественный порядок и стабильность. Если говорить определенной — государственные начала в жизни общества. Об этих проблемах общереволюционного значения рассуждал, в частности, один из докладчиков по вопросу о выборах в органы городского и земского самоуправления на состоявшемся 21 августа 1917 г. Общем собрании фабзавкомов Шуи. Обобщая ход дискуссии, он подчеркивал, “что рабочие тесно связаны” с этими органами низового самоуправления и следует “отнестись к выборам... с должным вниманием, и напрячь все усилия” (25).

На таких же позициях стояли органы рабочего самоуправления Москвы. Здесь фабзавкомы не только поддержали проведение выборов в прежние органы самоуправления, но и выделяли средства на их проведение. А фабзавкомы ряда канавинских заводов 13 июня провели демонстрацию с требованием включить жителей предместий в черту города, чтобы рабочие своими голосами могли повлиять на состав будущей городской Думы. На низовом уровне как бы складывался временный альянс между различными формами самоуправления.

Заинтересованность фабзавкомов в формировании органов местного самоуправления всегда давала результаты, и им удавалось провести своих кандидатов. Этим не раз пользовались левые партии, в особенности большевики, выставлявшие на выборах своих представителей, заручившись поддержкой какого-либо трудового коллектива и местных рабочих организаций. Например, принявший решение поддержать большевиков завком завода Михельсона на выборах 24 июня сумел на своем выборном участке провести 34% депутатов от этой партии, тогда как в целом по Москве за список № 5 голосовало лишь 11%. Так же сложились итоги голосования и в Сущевско-Марьинском районе, где председателем районной Думы стал председатель завкома Военно-артиллерийского завода, член правления союза металлистов большевик И.Г. Батышев (26).

Но к сожалению, временами отчётливо намечавшийся союз различных органов самоуправления не стал прочным каркасом будущей государственности.

В последнее время часто утверждается, что причину раскола между рабочим самоуправлением и прочими демократическими организациями нужно искать в сепаратизме рабочих. Однако причины и обособления рабочего самоуправления крылись совсем в другом, а именно в слабости всей февральской системы, в её тупиковости.

Обречённость правящего класса и значительной части образованного общества определялась неспособностью плодотворно освоить духовно-нравственные ценности народной жизни и национально-го трудового опыта. Поэтому для пролетариата правящая элита представлялась не только эксплуататорским классом, но и людьми другой, чуждой культуры. Революция со всей остротой поставила

вопрос о возвращении к народным основам, традициям и идеалам как столбовой дорожке развития. Жизнь настоятельно требовала учёта исторически сложившейся национальной модели государственного устройства, ведения хозяйства и трудовой деятельности (27).

Революция 1917 г., таким образом, носила не только социальный, но специфический национальный характер. Но это национальное содержание революции 1917 г. резко контрастировало с приходом на первые роли в обществе либералов-западников. Что это могло означать для страны, в которой национальная специфика имела столь глубокие и прочные корни? Это означало только одно — рождение одного из самых глубоких социальных конфликтов за всю историю России. И не случайно эта новая власть встречала тем большее сопротивление, чем активнее она пыталась перелицевать “под себя” традиционное российское общество.

Уже летом 1917 г. жизнь успела продемонстрировать иллюзорность надежд на прежние органы самоуправления как на каркас будущего государства (28). Совсем по-иному развивалась ситуация в рабочем движении. Как мы видели, весной — летом 1917 г. фабзавкомы начинают объединяться в единую систему рабочего самоуправления. Но эта система была шире — она постепенно распространялась на все пролетарские организации. Место фабзавкомов в этой складывавшейся иерархии определялось их связью с производством, а следовательно, с реальной материальной базой.

Ровные партнерские отношения складывались у фабзавкомов, например, с рабочей кооперацией. Особенно важно было объединить усилия с городской и сельской кооперацией в деле финансового контроля. В Москве на некоторых предприятиях, как обнаружилось по материалам анкетирования, проведённого районными Советами города, фабзавкомы содействовали организации кооперативов у себя на заводах и фабриках (29). Признанно большую роль фабзавкомы сыграли в формировании рабочей милиции и Красной Гвардии (30).

Активно поддерживали фабзавкомы ЦПР рабочую печать, прежде всего газету “Социал-демократ”. Регулярные денежные отчисления в фонд этой газеты были основой её существования. Особенно действенной эта поддержка оказалась в трудные дни после июльских событий, когда тиражи левых газет резко упали (31). Рабочие заводов Михельсона, “Мотор”, Московского телефонного и других направили в Моссовет делегации с требованием гарантий того, что “Социал-демократ” закрыт не будет. В случае же невозможности легального его выхода на некоторых фабриках и заводах собирались средства на покупку типографского оборудования (32).

Однако наиболее поступательно развивалось сотрудничество между фабзавкомами и теми из пролетарских организаций, которые, подобно фабзавкомам, имели общинные корни в русской общине.

В особенности это касается Советов. Важной причиной координации усилий фабрично-заводских комитетов с Советами было и то, что в единой схеме пролетарских организаций Советы изначально выступали в качестве предгосударственных образований. Чрезвычайно интересно в этом контексте замечание делегата от Москвы на Апрельской конференции большевиков П. Смидовича. “Власть не в его (Совета) руках, — подчеркивал Смидович, — но он проникнут какой-то государственностью” (33).

Советы сыграли важную роль организаторов при самом зарождении фабзавкомов, нередко выступая прямыми инициаторами их создания, правда чаще всего на мелких предприятиях. Случалось, что рабочие сами обращались в Советы за помощью наладить органы заводского самоуправления. Так приходилось поступать в тех случаях, когда сопротивление предпринимателей было особенно упорным, а положение рабочих особенно безнадёжным. Характерный в этом отношении случай произошёл на лаковом заводе Тихонова. Администрация, пользуясь неорганизованностью рабочих, обрушила на них шквал штрафов и увольнений. Нажиму со стороны владельцев рабочие подвергались за малейшую провинность или даже попытку возмутиться. Это и побудило 11 марта 1917 г. депутата от завода С. Шарова обратиться за инструкцией по образованию органов рабочего представительства в Моссовет (34).

Поначалу фабзавкомы часто даже назывались рабочими Советами, и, наоборот, районные Советы именовались фабрично-заводскими комитетами. Так было на фабрике акционерного общества “Жако” в Замоскворецком районе. Его рабочие называли Замоскворецкий райсовет районным рабочим комитетом. Похожее отношение было у рабочих завода “Перенум”, называвших районным заводским комитетом Совет Рогожского района. А вот на фабриках т-ва Сенькова Пучежского Посада и на Райковской мануфактуре Иваново-Кинешемского промышленного региона сами фабзавкомы назывались рабочими Советами и Советами рабочих депутатов. На фабрике Севрюгова и Ликинской мануфактуре так же действовали заводские Советы рабочих депутатов (35). Всё это говорит об устойчивом отождествлении рабочими производственных комитетов с низовыми Советами и о тесном родстве этих двух форм рабочего самоуправления.

Представляется, параллелизм в названиях не был простой случайностью. Показательно, что члены Советов часто одновременно были членами фабзавкомов либо работали совместно с ними. Так было на Тульском патронном заводе, Цинделевской и Трёхгорной мануфактурах, других предприятиях. Почти полностью из членов или делегатов от фабзавкомов состоял Замоскворецкий районный Совет, заседания которого проводились регулярно с присутствием представителей фабрично-заводских комитетов. В разработанном отделом

Моссовета по организации районов “Уставе районного Совета” так и указывалось, что ядро низовых Советов должны составлять заводские комитеты (36). Отдел же труда Московского Совета распространял специальную брошюру с разъяснением механизма образования заводских и фабричных комитетов. Помимо текста самого закона, брошюра содержала также Объяснительную записку к нему, а также примерный устав рабочего комитета. Характерно, что это издание было направлено не только в районы города, но и другие промышленные центры ЦПР, в частности в Иваново-Вознесенск (37).

Понимали роль Советов в формировании движения за производственное представительство рабочих и современники тех событий. К примеру, Н. Скрыпник так писал о роли Советов в формировании фабзавкомовского движения: “Заводские комитеты, — отмечал он, — явились революционной организацией, возникшей в период революционного движения рабочего класса. Они вызваны к жизни Советами рабочих депутатов, а в некоторых местах они и называются Советами рабочих депутатов” (38). В этой оценке есть, конечно, свойственное революционному времени преувеличение роли Советов. И фабзавкомы, и Советы вызваны к жизни одним и тем же — организационной деятельностью рабочих, но сильное влияние Советов на фабрично-заводские комитеты Скрыпником подмечено верно.

Наконец, говоря о тесной координации между Советами и фабзавкомами, следует остановиться на главном в их сотрудничестве. В непростой обстановке 1917 г. рабочим организациям на предприятиях требовалось хоть какое-то прикрытие легитимности их деятельности. В противном случае любой шаг фабзавкомов мог послужить предлогом самой решительной расправы со стороны владельцев над строптивыми рабочими. С другой стороны, когда Советы реально заявили свои претензии на власть, им потребовалась широкая поддержка низов. Без фабзавкомов и других организаций рабочего представительства получить подобную поддержку Советам было неоткуда. Вот эти-то обстоятельства и открывали широчайшее поле для взаимодействия между двумя ветвями пролетарской самоорганизации.

Так, ещё в первые месяцы революции принимались резолюции в поддержку рабочего контроля со стороны контроля Пресненского, Басманного, Благуше-Лефортовского, Симоновского, Городского и других районных Советов Москвы. Ещё 14 апреля рассматривает вопрос о фабрично-заводских комитетах Московское Областное бюро Советов Рабочих и Солдатских Депутатов. Большинством голосов оно высказалось против предложения о ликвидации ФЗК. Бюро признало рабочие комитеты *жизненно важной опорой* Советов. На основе этого решения сотрудничество между Областным бюро Советов и фабзавкомовским движением развивается и в дальнейшем, в летние месяцы 1917 г. (39). Плотной опекой фабзавкомы своего города Советы Шуи

и Иваново-Вознесенска. Они не только поддерживали их акции, направленные на борьбу за “фабричную конституцию”, но и помогали с решением сугубо бытовых вопросов (40). Ещё большее значение приобрела деятельность Иваново-Вознесенского Совета в период забастовки конца октября 1917 г., когда он фактически координировал деятельность местных органов рабочего самоуправления во всем текстильном крае прежде всего в их борьбе за рабочий контроль (41).

Со своей стороны фабзавкомы были той средой, в которой Советы представлялись как бы безальтернативной формой организации центральной власти. И не случайно, что переход рабочих к лозунгу “Вся власть Советам” был самым тесным образом связан с лозунгом рабочего контроля и самоуправления. Это было результатом быстро растущей политизации рабочих.

Не случайно чаще всего лозунги рабочего контроля и советской власти выдвигались на наиболее революционизированных предприятиях. Там, где органы рабочего самоуправления были наиболее прочными и дееспособными. Так, рабочие завода Михельсона высказались за переход власти к Советам уже в апреле 1917 г. (42). С призывом к установлению Советской власти 1 июня 1917 г. выступили рабочие завода бр. Бромлей. В своей резолюции они прямо потребовали подкрепления власти Советов рабочим контролем над производством и распределением (43). Постоянным лейтмотивом стало стремление к установлению Советской власти на конференциях фабрично-заводских комитетов. В частности, на II Московской конференции фабзавкомов в резолюции “О текущем моменте” требования перехода власти к Советам и требования рабочего контроля над производством рассматривались как два взаимосвязанных ключевых момента всей деятельности рабочих организаций (44).

Также как и в случае с прессой, кооперацией или рабочей милицией, фабзавкомы поддерживали Советы финансово. В своём обращении о “своевременном поступлении” отчислений в распоряжение Советов, Рогожский Совет так и заявлял: “Для достижения своих целей организации рабочих масс... Совету нужны деньги и *много* денег” (45). И фабзавкомы оказывали Советам требуемую помощь. Так, фабрично-заводской комитет фабрики Коликова уже в марте отправил часть средств на счет Лефортовского районного комитета. В Рогожском районе на счет Совета Рабочих Депутатов перечислял немалые суммы в виде “штрафных денег” завком общества “Русские кабельные и трубопрокатные заводы”. Шли в Советы и целевые поступления в размере около 1% дневного заработка. И такая практика, по данным анкетирования предприятий районными Советами Москвы, была распространена самым широким образом (46).

Такое тесное взаимодействие двух форм самоорганизации пролетариата позволяет говорить об их своеобразном альянсе: в сфере

материального производства, так сказать на уровне материального базиса, действовали фабрично-заводские комитеты, тогда как уровень своеобразной политической надстройки был за Советами. Ясно, что альянс этот не мог не влиять на создание предпосылок второго, социального этапа русской революции.

Вместе с тем, ещё до Октября в деятельности Советов часто брали верх настроения, чуждые самостоятельным органам рабочего самоуправления. В первые месяцы революции это чуть было не стоило Моссовету поддержки снизу. Фабзавком фабрики Фаберже, например, потребовал от Моссовета быть ближе к интересам трудовых коллективов, отказывая в противном случае в поддержке. С аналогичным обращением к Моссовету 4 июля выступили и рабочие Московского телефонного завода. Рабочий комитет этого завода осудил отрыв руководства Совета от заводских низов (47).

Особенно обострившийся к лету же 1917 г. разрыв между быстро радикализирующимися фабзавкомами и умеренным руководством Моссовета был решен только осенью, в результате инициированной Московским комитетом РСДРП(б) тактики “большевизации Советов” (48).

Большевизация Советов сняла возникшие было трения между двумя ветвями рабочего движения. Именно большевизированный Моссовет принимает документ, о котором позже Н. Бухарин, один из его авторов, говорил: “*Москва издала первый Советский декрет ещё до того, как осуществлена была в России Советская власть*” (49).

Речь шла о знаменитом Декрете № 1 от 24 октября 1917 г. В нём “узаконивался” ряд прав фабзавкомов, имевших не только экономический, но и политический смысл. Среди прочих пунктов в постановлении Моссовета имелось положение, разрешавшее отныне фабзавкомам “законно” вмешиваться в вопросы найма и увольнения. Поэтому авторы постановления считали его даже более важным для развития революции, чем не менее знаменитый Декрет № 1 Петроградского Совета, т. к. придавал действиям органов рабочего самоуправления недостающую им прежде легитимность.

Одобрению Моссоветом Декрета от 24 октября предшествовало принятие документа, также имевшего большое значение для фабзавкомов ЦПР, а именно резолюции от 19 октября 1917 г. Третий пункт резолюции разрешал арест предпринимателей, заподозренных в саботаже. Резолюция была принята большинством в 322 голоса против 207 (50). Соответствующее предложение чуть ранее выносилось на обсуждение Исполкома Моссовета, но преобладавшие там меньшевики и эсеры провалили его (51).

Позже Н. Бухарин признавал *пропагандистский* и, по сути, провокационный характер принятых решений, но всё равно давал им высокую оценку. “В Московском Совете мы проделали такой трюк,

которым Москва может гордиться, — подчеркивал он, — ... поднялось большое возбуждение со стороны рабочих, которые необычайно экспансивно приветствовали такое предложение” (52). А уже на следующий день после принятия резолюции большевики попытались реализовать её применительно к начавшейся забастовке городских служащих (53).

Бухарин не случайно называет Декрет № 1 “первым советским декретом”, принятым “до установления Советской власти”. Само содержание декрета: рабочий контроль, установление диктатуры пролетариата, фабзавкомы, — обрисовывает те социальные звенья, на которые рассчитывали опереться Советы, принимающие на себя управление государством в качестве организаций рабочего класса. Поэтому, нацеливая на взаимодействие между различными органами рабочего самоуправления, расширяя и укрепляя основу будущей власти Советов, Декрет № 1 был “советским” по духу.

В одной из своих работ И.Г.Церетели писал об особом “государственном инстинкте” русского рабочего класса, выраженного в его “тяге к организации” (54). И действительно, организационная деятельность рабочих реально создавала альтернативную февральско-мартовскому режиму модель государственности.

Выраставшая снизу новая революционная государственность несла в себе значительный заряд конструктивности и демократизма. Демократизм этот был, безусловно, классово ограниченным и недостаточно зрелым. Тем не менее он представлял собой существенный шаг вперёд по сравнению с прежними самодержавными порядками и нынешними бессилием власти и охлократическим разгулом. В условиях разложения и развала всех прочих структур общественной самоорганизации: центральной и местной власти, армии, наконец, государственной идеологии, — система пролетарских организаций становилась небольшим островком укрепляющейся стабильности в море растущего хаоса, а следовательно, единственным шансом национального и государственного выживания России. Более того, пусть даже и ограниченный демократизм органов рабочей самоорганизации, при благоприятных условиях, вполне мог способствовать выходу страны из охватившего её кризиса без ставки на диктатуру и насилие.

ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ: ПРИРОДА КОНФЛИКТА

Говоря о складывании системы рабочих организаций, нельзя не остановиться ещё на одном важном вопросе, который в прошлой историографической традиции, как правило, замалчивался. Речь идёт о взаимоотношениях фабзавкомовского движения с профсоюзным.

Прошедшие в 1917—1918 гг. целый ряд этапов, взаимоотношения эти никогда не были однозначными.

Напряжённость между двумя ветвями рабочего движения особенно очевидна на фоне ровных партнёрских связей фабзавкомов с Советами. Часто фабзавкомы прямо противопоставляли “свои” Советы и “чужие” профсоюзы: “фабрично-заводские комитеты считают себя звеном между предприятиями и Советом рабочих депутатов, — читаем мы в протоколе заседаний Московского Совета профессиональных союзов, — и не хотят считаться и координировать свои действия с работой союза” (55).

Иногда рабочие относились к профсоюзам просто с недоверием. В рабочей среде были распространены мнения, что “профсоюзы обанкротились во всём мире. Там, где они существуют, они только удерживают нас от борьбы”, или “фабзавкомы — живая сила, а профсоюза мы держимся, как формы. Нельзя, однако, движение приносить в жертву форме... Фабзавкомы живее союза, их надо поддерживать”. Рабочий Кульбакин заявлял: “Профсоюзы — это детище буржуазии”, а рабочий Ширяев считал, что “завкомы — это детище революции. Это новая сила, с которой надо считаться. Завкомы должны создать свой центральный орган, независимый от профсоюзов, который ведал бы и профессиональной, и политической стороной движения” (56).

В чём же была причина этой настороженности рабочих по отношению к профсоюзам? Насколько глубоким и принципиальным был намечавшийся конфликт двух во многом параллельных структур: *производственного* и *профессионального* самоуправления рабочих?

Профсоюзы в России, так же как и на Западе, объединяли в своих рядах рабочих отдельных профессий: текстильщиков, металлистов, кожевников, хлебопеков. Иногда на одном и том же заводе мог существовать десяток различных профсоюзов по три-четыре человека в каждом. В отличие от профсоюзов, организационную форму которых навязали российским рабочим социал-демократы, прежде всего меньшевики, фабзавкомы (иногда их ещё называли напрямую — Коллективы, что в условиях России нам случайным не кажется) строились не по профессиональному, а по производственному признаку: они объединяли рабочих фабрики всех профессиональных групп. Характерно, что не только у нас, но и на Западе в литературе прочно закрепилось мнение, что в 1917 г. именно ФЗК изначально более адекватно отражали потребности и устремления пролетариата (57).

Возникновение в 1905 г. российских профессиональных союзов было, конечно, закономерным: рост национальной русской промышленности, который может быть прослежен и на примере Московского промышленного региона, не мог не привести к появлению новейших форм самоорганизации и защиты рабочих. Но развитие страны шло не прямолинейно, Россия сохраняла свою специфику, в том числе

в области взаимоотношений на производстве. Всё это делало вероятным возникновение рабочих организаций, строящих свою работу именно на этой специфике. Как мы видели, такими органами и стали фабзавкомы. Сотрудничество ФЗК и профсоюзов могло бы стать вполне достаточным условием самостоятельности рабочего движения на протяжении всего революционного периода.

Но действительность оказалась сложнее. Хаотичность становления рабочих организаций начального периода революции, самостоятельность трудовых коллективов по отношению к внешнему влиянию, быстрота происходящих перемен заведомо ставили в выигрышное положение “традиционалистские” фабзавкомы перед “вестернезированными” профсоюзами. Профсоюзы оказались не в состоянии охватить всех рабочих, разбросанных по предприятиям. Фабзавкомам вначале даже пришлось выполнять их функции: бороться за 8-часовой рабочий день, повышение зарплаты, ликвидацию штрафов и т. п.

В этих условиях догматично сориентированные на знакомые им по европейскому опыту профсоюзы, меньшевики сразу же отнеслись к фабзавкомам резко отрицательно, как к органам “патриархальным” и “необременённым ответственностью” (58). Но во-первых, меньшевики не ограничивались критикой конкретных сбоев и просчётов в деятельности фабзавкомов, а шли на широкие политические обобщения. А там, где проявляется политический интерес, объективность отходит на второй план (59).

Борясь с “большевистским радикализмом”, правые социалисты первоначально развернули борьбу внутри самих фабрично-заводских комитетов. В первые месяцы революции на этом поле им сопутствовал явный успех. Во-первых, целый ряд фабзавкомов контролировался соглашателями непосредственно. Среди них были комитеты таких известных предприятий, как заводы Гужона, бр. Бромлей, Военно-артиллерийского, “Поставщик”, СВАРЗ, Прохоровской мануфактуры, Сокольнического трамвайного парка, фабрики “Богатырь” и целого ряда других. При этом их господство не было чем-то поверхностным. К примеру, неоднократно терпели провалы попытки большевиков навязать перевыборы правосоциалистического комитета Прохоровской мануфактуры. Когда же эти перевыборы всё же состоялись, большевики вновь оказались в меньшинстве, хотя на этот раз им удалось провести в товарищи председателя комитета члена своей партии С. Малинкина. И лишь в сентябре руководство фабкомом Прохоровки наконец-то оказалось окончательно у большевиков (60).

Однако даже весомое влияние правых социалистов на фабзавкомовское движение не означало достижение ими своих стратегических целей. Уже на первой конференции фабзавкомов в Петрограде, заседавшей 30 мая — 3 июня, они потерпели поражение в одном из наиболее принципиальных для них пунктов. На ней надежды меньше-

виков “европеизировать”, т. е. организовать, рабочее движение в структуры наподобие тех, которые сложились в западноевропейских профсоюзах, потерпели крах. Конференции фабзавкомов в Москве, Иваново-Вознесенске и других городах только укрепили эту тенденцию: в июне—июле становится ясно, что организационные принципы, выработанные меньшевиками в подражание европейскому рабочему движению, стали встречать со стороны фабзавкомов растущее сопротивление (61). Отсюда, похоже, и та настойчивость, с которой умеренные социалисты противопоставляли “передовые” и “организованные” профсоюзы “отсталым” и “заскорузлым” фабзавномам.

Понятно, что последователи Ленина в нарождавшемся конфликте профсоюзов и фабзавкомов самой жизнью были поставлены на сторону вторых. Резолюции в поддержку рабочих комитетов и их вмешательства в деятельность заводоуправлений принимаются на самых разных большевистских форумах. Происходит это и на VI съезде РСДРП(б), среди делегатов которого было 82 представителя органов рабочего самоуправления (62). К середине лета 1917 г. преобладающее большевистское влияние в фабзавкомах и преобладающее меньшевистское влияние в профсоюзах проявилось вполне определённо. Обособленность и даже некоторая враждебность между двумя ветвями рабочего движения приобретала отчётливо политическую окраску. Всё это давало повод уже тогда рассматривать конфликт внутри российского рабочего движения через призму конфликта между правым и левым крыльями российской социал-демократии.

Представляется, однако, что эта оценка не полна. В реальности, происходившее было во многом не чем иным, как продолжением в новых исторических условиях знакомого по прошлой российской истории противоборства традиционализма и западничества. Соперничество фабзавкомов и профсоюзов как бы иллюстрирует *противоборство двух ориентаций революции*: стать ли России отныне “социалистическим” вариантом всё той же западной цивилизации и на путях государственного капитализма двинуться к своему концу или попытаться с опорой на историческую преемственность показать миру выход из того тупика, в котором он оказался в результате империалистической бойни.

Понятно, что каждая из альтернатив далеко не сводилась к одной из враждующих фракций российской социал-демократии: и среди большевиков вовсе не преобладали приверженцы “русской идеи” и те, кто видел будущее революции в рабочем самоуправлении, контроле и демократии. Из тогдашних лидеров большевизма, за исключением В.И. Ленина, вообще никто не обратил внимания на сходство фабзавкомов с традиционными российскими формами самоуправления.

Ленину же на этот счёт принадлежит всего одна фраза, на которую исследователи прежде не обращали особого внимания. Говоря

о самоуправляющемся рабочем, он отмечал: “Правильно ли, но он делает дело так, как крестьянин в сельскохозяйственной коммуне” (63). Из контекста, в котором это высказывание сделано, видно, что Ленин допускал правомерность подобного развития, но приветствовал ли он его или, наоборот, порицал, судить сложно.

Так или иначе, но ленинцы более живо реагировали на настроения масс. И прежде всего это относится к стремлениям низов решать свои вопросы самостоятельно. В результате большевики смогли сделать как бы *сугубо своим* лозунг “*фабрики — рабочим*”. Всё это и предопределяло, что глубинные противоречия межцивилизационного плана приобрели превращённую форму межпартийного соперничества, которое ещё более запутывало и усложняло противоречия между профсоюзами и фабзавкомами.

Как отмечают зарубежные исследователи, к концу июня проблема фабзавкомов становится центральной в борьбе меньшевиков с большевиками за преобладание в среде организованных рабочих. Потому-то критическое отношение меньшевиков по отношению к рабочим комитетам стало своего рода “принципом политики” (64). Ситуация напоминала Германию 1923 г., когда с самого начала вопрос встал жестко: “фабзавкомы или профсоюзы”. Тогда германские профсоюзы в отношении фабзавкомов преследовали единственную цель — сделать фабзавкомы органами, подчинёнными профсоюзной бюрократии (65).

Именно в этом и был смысл отмеченных выше дебатов на I общегородской конференции фабзавкомов Петрограда. Попытка меньшевиков “европеизировать” фабзавкомовское движение выразилась на ней в стремлении ввести его в русло профсоюзного строительства. Ими был выдвинут лозунг “слияния” фабзавкомов с профсоюзами, сыгравший самую роковую роль в истории русской революции 1917 г. Но в результате открытого сопротивления делегатов-рабочих в принятой на конференции резолюции говорилось лишь о “налаживании сотрудничества”, но никак не о слиянии организаций. Здоровые тенденции в низовых структурах профсоюзов и фабзавкомов были пока ещё сильнее навязываемых сверху решений.

Не встретило понимания стремление подчинить фабзавкомы влиянию профсоюзного руководства и в других регионах. Так, ожесточённая полемика развернулась по этому вопросу 22 апреля 1917 г. на заседании Союза фабрично-заводских комитетов Шуи. Выступивший на нём инструктор от профсоюзов А. Ланнэ вопреки очевидному убеждал собравшихся, что “Союз... заводских комитетов как таковой существовать не может”, т. к. “созданы в некоторых местах и будут созданы Профессиональные Союзы”. Объяснял он это ещё и тем, что “фабрично-заводской комитет ведаёт узкими вопросами, чисто экономическими, своей фабрики”, тогда как настала пора принятия ре-

шений во всероссийском масштабе. Выступление Ланнэ было встречено сдержанно. Совет фабрично-заводских комитетов, по итогам обсуждения, не самораспустился в ожидании будущего “профсоюзного процветания”, а продолжал свою результативную деятельность (66).

Определенный поворот в развитии ситуации происходит ко времени III Всероссийской конференции профсоюзов, состоявшейся 21—28 июня. К моменту конференции для профсоюзной верхушки ситуация выглядела не утешающей. Конференция вынуждена была признать, что профсоюзы имеют на фабзавкомы очень слабое влияние и что большинство членов фабзавкомов даже не являются членами профсоюзов (67). Тогда, пользуясь численным преобладанием своих депутатов, меньшевики провели свою резолюцию. В ней признавалось, что профсоюзы должны способствовать созданию и укреплению фабзавкомов, но лишь затем, чтобы превратить их в свои форпосты на предприятиях. Роль комитетов сводилась к тому, чтобы наблюдать за ситуацией и докладывать “по начальству” о соблюдении на предприятиях законов о труде и договоров, заключенных вышестоящими профсоюзными инстанциями.

Хорошо понимая механизмы функционирования обеих систем, бюрократы от профсоюзов настаивали на том, чтобы выборы в фабзавкомы проводились под контролем профсоюзов и по их спискам — т. е. делалась попытка взять под контроль расстановку кадров на местах.

Заводским же и фабричным комитетам принятая резолюция предписывала задачу агитировать за вступление рабочих в профессиональные союзы, содействовать повышению авторитета профсоюзов. Особенно интересен 7-й пункт резолюции. В соответствии с ним, в случае конфликта на предприятии руководство и местный рабочий комитет должен был передавать вышестоящему профсоюзу. При этом, однако, фабзавком обязывался “предоставлять *весь свой аппарат в распоряжение союза* для организованного ведения и ликвидации конфликта”. Таким образом, резолюция фактически молчаливо признавала неспособность профсоюзов самостоятельно решать трудовые споры, но общее руководство отводила именно им (68).

Выступая за самостоятельность профсоюзов, кооперации и некоторых других форм рабочего движения, *меньшевики отказывались признать самостоятельность за фабзавкомами*. Всё это не вызывало особого доверия к ним у активистов-фабзавкомовцев. Пропагандистские усилия меньшевиков не встречали особого доверия, пожалуй, даже внушая обратный эффект.

Странную, не всегда последовательную позицию на майской конференции фабзавкомов, на III Всероссийской конференции профсоюзов и некоторых других фабзавкомовских форумах занимали и большевики.

С одной стороны, они активно разоблачали попытку правых социалистов противопоставить рабочему контролю так называемый “общественный” или “государственный контроль”. Большевики справедливо усматривали в нём попытку установить контроль буржуазного Временного правительства над пролетариатом. В частности, Ленин в своём выступлении настаивал: “Чтобы контроль над промышленностью действительно осуществлялся, он должен быть *рабочим контролем*”. Ленинская резолюция о рабочем контроле содержала требования, близкие тем, за которые боролись представители фабзавкомов, и была одобрительно встречена рабочими. А на учредительном Делегатском собрании Иваново-Кинешемского профсоюза текстильщиков делегат Евсеев в своём выступлении так отозвался о ленинской резолюции: “Она, — по мнению делегата, — намечает прямой путь из того экономического тупика, в который нас завела буржуазия” (69).

Однако в позиции большевиков не всё было так однозначно. Так, большевики солидаризовались с меньшевиками в вопросе о самостоятельности фабзавкомов. Многие большевики сохранили свою негативную оценку “заводского сепаратизма” фабрично-заводских комитетов и требовали резко урезать их права. Очевидно, срабатывало общее для российской интеллигенции недоверие к массе и желание возглавить её (70).

Следующая волна конфронтации между руководством фабзавкомов и профсоюзов связана с работой I Всероссийской конференции фабзавкомов.

Активисты фабзавкомовского движения единодушно отвергли попытки, предпринимаемые профбюрократией подчинить фабзавкомовское движение, обвинив фабзавкомы в предательстве революции и классовых интересов пролетариата. Выступавший в прениях по докладу В.П. Милютина представитель фабзавкомов Москвы Бекренев заявил, что основной целью рабочего самоуправления является рост производства и деловитости рабочих: “У буржуазии при организации производства целью является нажива одного человека, у нас, у пролетариата, —обогащение всего человечества, — подчеркивал он. — Капиталист, улучшая производство у себя на фабрике, старается подавить конкурента. Рабочие, наоборот, должны стремиться распространять улучшения возможно шире... Пролетариат... должен стремиться к тому, чтобы продукт вырабатывался везде, где возможно и в возможно большем количестве”.

С поддержкой товарища выступил другой делегат из Москвы — Щукин. Он привёл пример своего предприятия. Пока регулирование находилось жестко в руках рабочих — дело спорилось. Но стоило появиться соглашательским настроениям, допустить вмешательство в организацию управления администрации, и дело застопорилось. Солидарны с москвичами были представители фабзавкомов и прочих

промышленных центров страны. Так, А. Иванов от Твери, выступивший с очень прагматичным докладом, подчеркнул, что главная цель рабочего контроля — сохранение производства. Ради этой цели, по его убеждению, сотрудничество возможно и со специалистами, и даже с предпринимателями. Подытожил позицию рабочих, отстаивающих самостоятельность фабзавкомов, делегат из Иваново-Вознесенска Зарецкий. “Контроль, — указывал он, — это наблюдение за производством и распределением продуктов. Но мы понимаем его шире — как вмешательство в производственную жизнь” (71).

В целом же конференция нашла верный, как нам представляется, выход из складывавшихся напряженных отношений между профсоюзами и фабзавкомами, сформулировав его в специальной резолюции — своего рода “договоре двух сторон”. В ней фабзавкомы добровольно и осознанно суживали круг своих обязанностей и объём работы в пользу профсоюзов и признавали их верховенство (72).

Приближался новый, как тогда казалось пролетарский, этап российской революции, и рабочие самим ходом событий находили общий язык, не очень-то обращая внимание на бюрократические препоны. В низовых структурах единство профсоюзов и фабзавкомов было прочным.

По данным проведённого райсоветаи Москвы обследования деятельности фабзавкомов города, в ряде районов до 90% фабзавкомов содействовало возникновению у себя на предприятии профсоюзных ячеек (73).

Тесное сотрудничество между профсоюзами и фабзавкомами наладилось в Иваново-Кинешемском районе. Так, когда выяснилось, что повсюду в области профсоюзное строительство движется, а в Шуе топчется на месте, городским Союзом ФЗК 20 мая было решено: “Поручить членам Бюро объединённых фабричных комитетов разработать устав профессионального общества” и форсировать его формирование. И позже вопрос о профессиональных союзах многократно включается в повестку дня Исполнительного бюро Шуйских комитетов. С другой стороны, профсоюзы Иваново-Кинешемской промышленной области активно поддерживают фабзавкомы в период нападков на них со стороны властей и органов объединённой буржуазии. Не случайно в центральные органы иваново-вознесенских профсоюзов текстильщиков, бумажников и т. д. шел поток заявлений и писем от фабрично-заводских рабочих и их комитетов о вступлении в профсоюз. Сотрудничество налаживалось и непосредственно на предприятиях. Обсуждался, в частности, вопрос координации двух родственных организаций для решения продовольственного вопроса на фабрике Ясунинских. На предприятиях Кинешмы фабзавкомы и профсоюзы совместно решали проблему контроля над наймом и увольнением рабочих.

Важной формой взаимодействия, уже непосредственно приводившей к слиянию, был контроль над уплатой профсоюзных членских взносов фабзавкомами и их отчеты об этом в центральные органы союзов. Это практиковалось фабзавкомом ткацкой мануфактуры Куваева, Иваново-Вознесенской мануфактуры и других предприятий. Учитывали фабрично-заводские комитеты и точное количество членов профсоюзов на своем предприятии. Причём в текстильном крае это дело было поставлено централизованно: сведения об уплате взносов поступали на типовых, специально изготовленных бланках, в которые фабзавкомы лишь вписывали необходимые данные по своему предприятию и отправляли в центр (74).

Часто мирное срастание фабзавкомов и профсоюзов приводило к последствиям, прямо противоположным тем, к которым так упорно стремились меньшевики: профячейка на предприятии просто переподчинялась ФЗК. О таком случае на фабрике Гарелина говорила работница Разумова, член заводского Коллектива (комитета) (75).

Таким образом, серьёзные трения между фабзавкомами и профсоюзами их взаимоотношения тупиковыми не делали. В целом они вписывались в тот процесс формирования единой системы пролетарских организаций, о которых шла речь выше. Так же, как и в случае с кооперацией, страховыми обществами и другими организациями, во взаимоотношениях с профсоюзами фабзавкомы исполняли роль своего рода базовой структуры. Действуя непосредственно в трудовых коллективах, они связывали прочие рабочие организации непосредственно с экономическим базисом — *производством и отношениями на производстве*.

Таким образом, главная причина прочных позиций фабзавкомов в их взаимоотношениях с профсоюзами и прочими рабочими организациями крылась в их природе как органов *производственного самоуправления*. Иными словами, усиление фабзавкомов внутри единой системы рабочего представительства связано с тем, что именно они были основным звеном в борьбе за рабочий контроль над производством.

О том, какую роль в складывании единой системы пролетарских организаций рабочему контролю отводили сами рабочие, свидетельствует резолюция, принятая I Всероссийской конференцией ФЗК, по докладу Ю. Ларина. Она была специально посвящена именно этому вопросу. По поводу роли и места рабочего контроля в общем революционном движении в ней говорилось: “Организация рабочего контроля является таким же здоровым проявлением рабочей самодеятельности в области производства, как организация партийной деятельности — в области политики, организация профессиональных союзов — в области отношений найма, организация кооперативов — в области потребления” (76).

Резолюция эта как бы очерчивает контуры складывающейся системы пролетарского движения: от политики до культуры. Указывая на рабочий контроль как на важнейшее проявление пролетарского самоуправления на производстве, т. е. в важнейшей сфере жизнедеятельности общества, она тем самым признавала его базисное значение для всех прочих форм самостоятельности рабочих.

По сути, так оно и было. У рядового российского рабочего не могло вызвать никакого неприятия то, что постепенно становилось фактом: формально собственность все ещё принадлежала старым владельцам, но фактически — через фабрично-заводские комитеты в сфере производства, через рабочую кооперацию в сфере обмена, через производственные союзы в сфере распределения — рабочее самоуправление все решительнее подготавливало почву для коллективистских форм собственности.

Так, по мнению В. Булдакова, нарастала ткань новых общественных отношений. В подтверждение своей мысли, он ссылается на заявление одного из фабрично-заводских комитетов: “Приучаясь к самоуправлению на отдельных предприятиях, — разъясняли завкомовцы свою позицию, — рабочие готовятся к тому времени, когда частная собственность на фабрики и заводы будет уничтожена и орудия производства вместе со зданиями, воздвигнутыми руками рабочих, перейдут в руки рабочего класса”. Словом, фабзавкомы, через связанные с ними другие рабочие организации, стали подлинным центром пролетарского этапа российской революции 1917 г. (77).

В то же самое время мы видим, что в недрах рабочего самоуправления назревают конфликты и трудности. Экономически опираясь на рабочий контроль, находя в нём своё высшее проявление, рабочее самоуправление не смогло достичь своей зрелости, т. к. и рабочий контроль только-только вступал в полосу своего наивысшего развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Маркс К. наброски ответа на письмо В.И. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. Т. 6. М., 1987. С. 62–62.

2. Немало интересного материала на этот счёт можно найти у тех, кто непосредственно участвовал в этом процессе: П.Н. Амосова, В.Я. Чубаря, Н.А. Скрипника и других сотрудников Всероссийского Центрального Совета ФЗК.

3. Октябрьская революция и фабзавкомы. Ч. 1. М., 1927. С. 261.

4. ЦГАМО. Ф. 186. Оп. 1. Д. 30. Л. 17–25 Об.; Ситцевый поток. М., 1973. С. 66.

5. Сложно протекал этот процесс в Москве. П.В. Волобуев называет Москву среди городов, где возникли центры фабзавкомов (См.: Волобуев П.В. Пролетариат и буржуазия в 1917 г. М., 1964. С. 62.). Однако сохранившиеся материалы заставляют большинство исследователей считать, что в Москве единый центр фабзавкомов так и не сложился, во всяком случае вплоть до октября. Объясняя это тем, что деятельность

фабзавкомов здесь была тесно связана с большевизированным Центральным бюро профсоюзов города и особенно с районными Советами. Однако усилия ЦБ профсоюзов не могли заменить самостоятельного координирующего фабзавкомовское движение органа

6. Новый путь. 1918. № 3. С. 13; ГАТО. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 5. Л. 24; ГАИО. Ф. 412. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–2; там же. Ф. 641. Оп. 1. Д. 60. Л. 1, 3, 4, 8; там же. Ф. Р-730. Оп. 1. Д. 30. Л. 15; там же. Л. 16, 23; там же. Д. 50. Л. 12–23, 29–31 об., 32 и др.

7. Иткин М.Л. Центры фабрично-заводских комитетов в России в 1917 г. С. 21–35; Селицкий В.И. Массы в борьбе за рабочий контроль. М., 1971. С. 171 и др.

8. Единого мнения среди историков здесь нет. А.Г. Егорова пишет о 42, Б.М. Фрейдлин — 36, а В.И. Селицкий — о 25 городских и районных советах ФЗК по стране. Наиболее полные сведения содержались в многотомной истории КПСС, где говорилось о 50 районных, городских и губернских центрах фабзавкомов. Однако эта последняя цифра уже в силу своей округленности и отсутствия достаточной расшифровки представляется не точной (См.: Егорова А.Г. Профсоюзы и фабзавкомы в борьбе за победу Октября (март—октябрь 1917 года) М., 1960. С. 134, 193; Фрейдлин Б.М. Очерки истории рабочего движения в России в 1917 г. С. 147; Селицкий В.И. Массы в борьбе за рабочий контроль. С. 172; История Коммунистической партии Советского Союза Т. 3. Кн. 1. М., 1967. С. 100).

9. Иткин М.Л. Центры фабрично-заводских комитетов в России в 1917 г. С. 35.

10. ГАРФ. Ф. 472. Оп. 1. Д. 3. Л. 198.

11. ГАИО. Ф. Р-730. Оп. 1. Д. 30. Л. 15; там же. Д. 34. Л. 3 Об.

12. Русские ведомости 1917 13 мая; Листовка Исполнительного бюро конференции С Р. и С Д Иваново-Кинешемского района. 1917. № 2; ГАИО. Ф. 641 Оп. 1 Д. 6 Л. 34 Об

13. ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 39. Л. 76–80; Октябрь в Хамовниках. 1917. М., 1927 С. 14; Шустова Е.И. Руководство Московскими большевиками борьбой рабочего класса за осуществление ленинского лозунга рабочего контроля. С. 88–90; Социал-демократ. 1917. 23 сентября; Николаев П.А. Рабочие-металлисты. С. 45; Известия Московского С.Р. и С.Д. 1917. 15 апреля; Октябрьская революция и фабзавкомы. Ч. 1. С. 265–266 и др.

14. Москва Октябрь. Революция. М., 1987. С. 113–114; Егорова А.Г. Профсоюзы и фабзавкомы в период подготовки Октября. С. 244.

15. Известия Московского Совета Рабочих Депутатов. 1917 27 октября; Социал-демократ 1917 27 октября

16. Селицкий В.И. Массы в борьбе за рабочий контроль. М., Мысль. 1971. С. 171–172

17. Новый путь. 1917. № 3–4. С. 2, 3–13.

18. Цит. по: Лозовский А. Рабочий контроль. Изд. "Социалист". 1918. С. 85–88.

19. ГАРФ. Ф. 472. Оп. 1. Д. 3. Л. 105, 169, 198 и др.

20. Гарви П. Профсоюзы и кооперация после революции (1917—1921). Newwton. CHALIDZE PUBLICATIONS. 1989. С. 22–23.

21. Речь. 1917. 29 марта.

22. Буржуазия и помещики в 1917 г. М—Л., 1932. С. 214.

23. Герасименко Г А. Состояние власти в России после свержения самодержавия // Власть и общественные организации России в первой трети XX столетия. М., 1994 С. 115.

24. Там же.

25. ГАИО. Ф. 412. Оп. 1. Д. 4. Л. 35.

26. ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4. Л. 21; Из истории рабочего движения в Московской губернии в 1917 году (март—апрель) // Исторический архив. 1957. № 1. С. 105–106; История Советского рабочего класса. Т. 1. С. 69 и др.

27. Платонов О. Русский труд. М., 1991. С. 182.

28. Февральский режим, с его ориентацией на западную либеральную модель

организации общества, ставил крест на этих учреждениях, как и на всей государственной традиции России, хотя ставка вроде бы делалась именно на них. Ссылаясь на признания А. Керенского, французский историк М. Ферро пишет об этом *уничтожении российской государственности* как об одном из *важнейших явлений* тех дней. По мнению же других западных историков, дальнейшие трудности страны как раз и проистекали из того, что, подорвав легитимную власть монарха, буржуазия и технократическая элита не смогли создать новую авторитетную власть, что, вероятно, и привело к двум попыткам в августе 1917 г. установить власть авторитарную (См.: Ферро М. Николай II. М., 1991. С. 238; Галили З. Лидеры меньшевиков. С. 384; Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. М., 1989 С. 118–154).

29 См. напр.: ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 1. Д. 65. Л. 3–7.

30. См. напр.: ЦГАМО. Ф. 186. Оп. 1. Д. 32. Л. 28; Свет над заставой. Из истории завода “Серп и молот” М., Московский рабочий. 1959. С. 110; ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 3. Д. 255. Л. 12–12 в; Николаев П.А. Рабочие-металлисты Центрально-промышленного района России в борьбе за победу Октябрьской революции (март — ноябрь 1917г.). М., 1960. С. 31; Фрейдлин Б.М. Очерки истории рабочего движения в России в 1917 году. М., Наука. 1967. С. 257 и др.

31. Так, московские металлисты, по определению П. Николаева, встали буквально грудью на защиту “Социал-демократа”, когда военные власти намеревались закрыть его. “Если “Социал-демократ” закроют, — заявляли рабочие завода “Шеринг”, — то вызовут этим нас на политическую забастовку; ни перед чем не останавливаясь, мы будем защищать *кровью завоеванную свободу* печати, слова, собраний, союзов” (См. Николаев П.А. Рабочие-металлисты. С. 73).

32. ЦАОДМ. Ф. 3. Д. 3. Л. 34; Социал-демократ. 1917. 9 августа.

33. VII (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). Протоколы. 1958. С. 136–137.

34. Рабочее движение в 1917 году. С. 87.

35. Коваленко Д.А. Ознобишен Д.В. К вопросу о революционном творчестве масс. С. 41; Фрейдлин Б.М. Очерки истории рабочего движения в 1917 году. М., 1967. С. 134; ГАИО. Ф. Р-730. Оп. 1. Д. 23. Л. 13, 61; Д. 36. Л. 1; ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 3. Д. 128. Л. 9.

36. Грунт А.Я. Москва. 1917. Революция и контрреволюция. М., 1976. С. 103.

37 Как организовать заводской (фабричный) рабочий комитет. М., 1917.

38 См.: Фрейдлин Б.М. Революционное творчество пролетарских масс в марте—апреле 1917 // Из истории рабочего класса и революционного движения М., 1958. С. 442

39. ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 12. Д. 60. Л. 2–8; Революционное движение в России в августе 1917 г. С. 575; На баррикадах за власть Советов. Сб. док. и восп. С. 11–12; Протоколы пленарных собраний Московского областного бюро Советов Рабочих и Солдатских депутатов. Владимир, 1917. С. 14, 71.

40. ГАИО. Ф. 641. Оп. 1. Д. 59. Л. 3–4, 5, 14; Ф. Р-730. Д. 30. Л. 18 Об., 25, 27–28 и др.

41. Климохин С.И. Краткая история стачки текстильщиков. С. 2–10 и др.

42. Социал-демократ. 1917 29 апреля.

43. Социал-демократ. 1917. 1 июня.

44. ГАИО. Ф. Р-730 Оп. 1. Д. 30. Л. 4, 8–14; Социал-демократ. 1917. 28 декабря; Новый путь. 1917. № 3–4 С. 21; Известия Московского Совета Рабочих Депутатов. 1917 19 октября.

45. ЦГАМО. Ф. 186. Оп. 1. Д. 129. Л. 6.

46. Там же. Ф. 66. Оп. 3. Д. 297. Л. 98; там же. Ф. 186. Оп. 1. Д. 161. Л. 1; ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 1. Д. 65. Л. 3–7, 8–11, 12, 13, 14 и др.

47. ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 261. Л. 109, 109 Об и др.

48 ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4. Л. 38.

49. Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 316–322.
 50. Бухарин Н. На подступах к Октябрю. М.—Л., 1926. С. 136–137.
 51. Кун М. Бухарин. Его друзья и враги. М., 1992. С. 72–73.
 52. Пролетарская революция. 1922. № 10.
 53. ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4. Л. 105–111.
 54. Церетели И.Г. Кризис власти. М., 1992. С. 231
 55. Московский совет профсоюзов в 1917 г. Протоколы. М., 1927. С. 37.
 56. См.: Крейзель Ю.Б. Из истории профдвижения. Харькова в 1917 г. Харьков, 1921.

57. Husband William B. Revolution in the Factory / The Birth of Soviet Textile Industry. 1917—1920. New York — Oxford. Oxford University press. 1990. p. 53.

58. Гарви П. Профсоюзы и кооперация после революции. С. 14; Панкратова А.М. История развития фабрично-заводского представительства. С. 81–82. Для таких оценок поводов было достаточно, и если бы меньшевики ограничились только этой стороной дела, то их позиция выглядела бы куда менее уязвимой. Известны случаи, причём на протяжении всей истории фабзавкомов от момента их возникновения до момента окончательного огосударствления, когда они фактически покрывали расхищение фабричного имущества, потакали групповому эгоизму рабочих. Так, фабзавкомы мануфактур, принадлежащих фабриканту Полушину, постановили “распределить пшеничную муку, заготовленную для потребностей производства”, но в тот момент как бы для производства не нужную. Причём фабзавком одной из фабрик “по ошибке” перераспределит имевшийся запас таким образом, что в результате значительное количество рабочих на смежной фабрике остались неотоваренными (См.: Рабочий край. 1918. 20 марта). Те же завкомы т-ва Полушина, занимаясь снабженческой деятельностью, обременяли себя не только обеспечением предприятий сырьём, а рабочих хлебом, но и закупкой таких не самых жизненно важных товаров, как табак (См.: ГАИО Ф 701. Оп. 1. Д. 1 Л. 51 и др.). Не случайно вопрос о дисциплине на фабриках Полушина обсуждался чаще большинства других. Сюда же можно отнести и эпизод, приводимый в § 2 первой главы, когда рабочий комитет прядильной фабрики т-ва Ясюнинских проявил снисходительность при разборе вопросов о краже с производства. Не менее разрушительным проявлением “безответственности” рабочих комитетов часто выступала и чрезмерная их “революционная” активность. Дело могло доходить до курьёзов: выявив факт распродажи со складов фабрики дров служащим предприятия, фабричный комитет т-ва мануфактур Гарелина с сыновьями 26 апреля 1917 г обратились в правление товарищества с требованием “прекратить разбазаривание” дров. На что, в последовавшем через неделю своём обращении, правление предприятия не без иронии ответило, что выдача “дров для служащих — старинный обычай фирмы”, а кроме того, “отпуск нескольких сажень дров не может существенно повлиять на снабжение фабрики топливом” (См. там же. Ф. 442. Оп. 2. Д. 4. Л. 3, 15).

59. Можно ли, к примеру, было считать фабзавкомы безответственными на том основании, что они отказывались поддерживать Временное правительство? Почему же потом, когда фабзавкомы критиковали большевистское правительство, упреков со стороны меньшевиков слышно было куда меньше? К тому же само понятие “патриархальность” в российских условиях имеет часто совершенно иное звучание, чем на Западе. Во-вторых, как видно из приведённых ранее фактов, далеко не все фабзавкомы можно назвать безответственными и с точки зрения их будничной, повседневной деятельности. Наконец, в-третьих, оснований утверждать, что единые профсоюзные узы гарантировали бы от местного эгоизма, у меньшевиков было немного. В частности, и фабзавкомы фабрик Полушина, и фабрики Горелина, и Ясюнинских мануфактур организационно были связаны с вышестоящими организациями профсоюза текстильщиков

60. Антошкин Д. Рабочие Трехгорной мануфактуры в 1917 г. С. 57–58.
 61. Галили З. Лидеры меньшевиков. С. 306.
 62. Шестой съезд РСДРП(б). Протоколы. М., 1958. С. 294–300

63. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 515.
64. Галили З. Лидеры меньшевиков. С. 303.
65. Панкратова А.М. Фабзавкомы в Германской революции (1918—1923). М., 1924. С. 6, 15 17.
66. ГАИО. Ф. 412. Оп. 1. Д. 4. Л. 4.
67. Фин Я. Фабрично-заводские комитеты России. С. 17.
68. Гарви П. Профсоюзы и кооперация. С. 20—21; Фин Я. Профдвижение СССР от возникновения до наших дней. М., 1928. С. 42—44.
69. Труды делегатских собраний Иваново-Кинешемского областного союза рабочих и работниц текстильной промышленности. Изд. Ив.-К. обл. проф. союза рабочих и работниц текстильных предприятий. 1918 г. С. 23.
70. Гарви П. Профсоюзы и кооперация. С. 20—21; Галили З. Лидеры меньшевиков. С. 311
71. Новый путь. 1917. № 3—4. С. 17, 18.
72. Отчет Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов за июль—декабрь 1917 г. Пг., 1918.
73. ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 1. Д. 65. Л. 3—7 и др.
74. ГАИО. Ф. 412. Оп. 1. Д. 4. Л. 10 Об., 22—23, 24, Ф. 506. Оп. 1. Д. 4. Л. 1 Об; Ф. Р-730. Оп. 1 Д. 32. Л. 30 и др.
75. Там же. Ф. Р-442, Оп. 1. Д. 1а, Л. 4.
76. Цит. по: Лозовский А. Рабочий контроль. Изд. "Социалист", 1918. С. 85—88.
77. Булдаков В. Путь к Октябрю. С. 39.

О К Т Я Б Р Ь И К Р И З И С Р А Б О Ч Е Г О С А М О У П Р А В Л Е Н И Я

ОКТАБРЬ: “ОДНОРОДНОЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО” С ПОЗИЦИЙ ПРОЛЕТАРСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Уже находясь в эмиграции, П. Гарви доказывал, что “роль рабочих организаций... в подготовке октябрьского переворота не была ни решающей, ни преобладающей, ни направляющей, но всё же несомненной и существенной” (1). Попытки меньшевиков отрицать подавляющее влияние большевиков среди рабочих в период Октября понятны. Им сложно было смириться со своим двойным поражением: не только политическим, но и доктринальным. Вместе с тем и попытки самих большевиков рисовать свои отношения с рабочим классом исключительно в радужных тонах есть аберрация исторического зрения. В действительности для последователей Ленина социалистический этап революции стал настоящим экзаменом. Серьёзному испытанию, в том числе, подверглись и их взаимоотношения с пролетариатом (2).

Став правящей партией, большевикам пришлось решать уже, казалось бы, давно для них решенные вопросы заново, с общегосударственных, а не только классовых позиций. Относится это и к вопросу о самостоятельности и независимости органов рабочего самоуправления.

Предвестником грядущих трудных дней становится уже сам октябрьский переворот и последовавший за ним продолжительный кризис центральной власти. Чем были вызваны внутренние трения в партии по поводу выбора возможных сценариев прихода к власти, пока со всей определённостью сказать трудно, но очевидно одно, что выбор этот для большевиков оказался не простым и сопровождался возникновением нескольких платформ, по-разному рисовавших дальнейшее развитие революции.

Внешне возникшие трудности проявились в возникновении в руководстве партии нескольких платформ, по-разному видевших будущее развитие революции. Наиболее осторожных позиций придерживались Л. Каменев и поддержавший его Г. Зиновьев. В качестве идеального постреволюционного устройства им виделся тип государства, в котором бы общедемократические институты дополнялись элементами демократии революционной. Похоже, что речь шла именно об особом типе государства, а не только центральной власти. Во всяком случае, в их совместном обращении заявлялось: “Учредительное собрание плюс Советы — вот тот комбинированный тип государственных учреждений, к которому мы идём” (3). Получалось, что новый государственный порядок должен был базироваться на сочетании Советов и Учредительного собрания.

Проект Каменева и Зиновьева вовсе не кажется таким капитулянтским, как его оценивал Ленин (4). С одной стороны, социалистические органы Советы действительно подчинялись буржуазному парламенту. Но с другой стороны, в России, где так много решается на местах, многое зависело от устройства местных органов власти. Таким образом, базис нового государства оставался социалистическим — его ядром оставались органы рабочего представительства. Лишь верхняя надстройка строилась бы на других принципах. Она призвана была смягчить противоречия, выработать механизм примирения противоборствующих сил. Одним словом, выполнить главную функцию всякого парламента. Вероятно, Каменев и Зиновьев надеялись, что постепенно растущее давление снизу, со стороны Советов и других социалистических организаций, рано или поздно “социализировало” бы и центральную власть. Благо, что революция находилась ещё в стадии своего подъёма и массы готовы были идти в своих требованиях как угодно далеко.

Представляется, что альтернативный каменевскому проект Троцкого также не выходил за рамки парламентаризма. Только роль парламента (пусть и революционного парламента) должен был сыграть высший советский орган — Съезд. Не случайно Троцкого поддерживали не только прагматики из ЦК, такие, как Сталин, но и партактивисты из регионов (5).

Позиция Ленина в корне отличалась от обоих изложенных подходов именно своим максималистским характером. Ленин очень хорошо усвоил уроки Февраля — революции, не решившей главного вопроса всякой уважающей себя революции: вопроса о власти. Ленину вовсе не хотелось наступить на те же грабли, что и Временное правительство. Ему в общем-то было достаточно всё равно, насколько “левым” будет новое правительство. Главное, чтобы оно было дееспособным, а не превратилось в очередную говорильню. Именно потому, что и план Каменева, и план Троцкого реально могли привести именно

к очередной говорильне, Ленина они не устраивали ни под каким видом.

Будет ли новое правительство опираться только на Советы или ещё на какие-то представительные органы, для Ленина было не важно. Революционность его позиции заключалась в том, что он настаивал на создании *работающего* правительства. Только такое правительство, по его убеждению, и могло решить задачи, стоявшие перед революцией, но которые оказались не по силам буржуазии. А поскольку такая позиция не встречала особого понимания, Ленин и настаивал на взятии власти партией, а не Советами, хотя после прихода к власти готов был пойти даже на созыв Учредительного собрания. В критический момент он хотел опираться исключительно на послушную ему когорту соратников, а не на рыхлую коалицию союзников.

Вот те три основные позиции, о которых чаще всего пишут специалисты по политической истории Октября (6). Но если не ограничиваться взглядами верхушки партии, а посмотреть на выработку большевистской доктрины шире, то мы увидим гораздо более пёструю картину. В частности, свою, существенно отличную от всех точек зрения, представленных в ЦК, имел Центральный Совет фабзавкомов. Согласно ей опорой нового строя должно было стать рабочее самоуправление — самостоятельные пролетарские организации. На сходных позициях стояли и профсоюзы. Хотя ВЦСПС и раздирался межпартийными противоречиями, в этом пункте все его представители разногласий не имели.

Возможно, что эта, четвёртая, позиция может показаться наименее реальной. Хотя в чём именно была её утопичность? По своему радикализму она не уступала ленинской, а по социальной базе камневской. И если уж и говорить о нереалистичности позиции ЦС ФЗК, то это скорее может касаться не предлагаемого государственного устройства, а тех методов, которыми планировалось его осуществить. Что, как очевидно, совершенно не одно и то же. Во всяком случае, за ЦС ФЗК и руководством отраслевых профсоюзов стояли представления рабочих. И уже это одно делало их позицию политически значимой.

Таким образом, перед нами уже не три, а четыре подхода к будущему государственному устройству. Очевидно, на самом деле их было ещё больше. Достаточно сказать, что позиции ЦС ФЗК и профсоюзов объединены условно. Как мы помним, между двумя ветвями рабочего движения были существенные трения. Общее в данном случае было только одно: и профактивисты и деятели фабзавкомовского движения считали рабочее самоуправление важнейшим условием для победы революции.

Отсутствие у большевиков единства сводило на нет все усилия Ленина решить вопрос о власти быстро и однозначно. По сути, в нес-

колько изменённой форме повторялась ситуация февраля, от которой он так старательно уходил. Пересмотреть свои подходы Ленин тем не менее отказался. Он сумел навязать свою позицию партии посредством механизма голосования в ЦК. Но вот со стороны рабочих организаций ленинский радикализм сразу же встретил серьёзное сопротивление. Эта неожиданная для большевиков твёрдая позиция рабочих организаций чуть было не стоила им потери власти, за которую они так отчаянно боролись.

Что же именно в позиции большевиков не встретило неприятия у рабочих организаций? Прежде всего, важно отметить, что свержение Временного правительства никто не отрицал. Наоборот, в тех городах, где позиции рабочего самоуправления были особенно сильны, в октябрьские дни были прекращены все забастовки и акции протеста. Так, с призывом к рабочим встать за станки обратились в те дни ЦС ФЗК и Петроградский Совет профсоюзов. Этим рабочие выражали поддержку переходу власти в руки Советов. Там же, где исход переворота был не ясен, например в Москве, наоборот, всеобщая стачка стала весомой поддержкой большевистскому восстанию.

Но постепенно становится ясно, что отношение пролетарских организаций к событиям в Петрограде не так уж и однозначно. Уже вскоре после ухода со II Всероссийского съезда некоторых партий в столицу начинают приходить телеграммы из провинции. В них, кроме поддержки, содержались и протесты против раскола в лагере “революционной демократии”. Профсоюзы Казани, Самары, Нижнего Новгорода, Астрахани, Пензы и многих других городов требовали создания “однородного социалистического правительства” (7). Вероятно, неожиданным для большевиков было и то, что на те же позиции становятся и органы низового производственного представительства рабочих. Так, в середине ноября 1917 г. в “Социал-демократе” сообщалось о резолюции, принятой Московским советом завкомов с требованием “немедленно организовать единую демократическую власть”, поскольку партийные распри приведут не к чему иному, как к гражданской войне (8). В том же духе 5 ноября принял резолюцию и наиболее большевизированный профсоюз петроградских металлистов. В ней так и звучало: “Единственным способом закрепления победы пролетарско-крестьянской революции является создание правительства из представителей всех социалистических партий” (9).

Даже Петроградский Совет профсоюзов 31 октября выступил за “организацию однородной социалистической власти”, ответственной перед Советами (10). Эта позиция, в силу авторитета петроградского центра профсоюзов, стала как бы “общепрофессиональной платформой” (11).

Рабочие требовали создания левой коалиции. В позиции большевиков их не устраивала именно готовность резко порвать связь

с прочими социалистами. Каким же образом требования демократической коалиции сопрягались со стремлением к независимости рабочего самоуправления? Сам факт выступления с этим требованием даже тех объединений, где большевики традиционно имели неплохие позиции, говорил о многом. Что стояло за ним — неприятие переворота или что-то иное? Разобраться в этой непростой проблеме (12) можно на примере событий, развернувшихся вокруг выступления Викжеля — общероссийского профсоюза железнодорожников.

Образование Викжеля относится ещё к апрелю 1917 г. Один из наиболее крупных и рационально организованных, профсоюз железнодорожников был во многом уникален. В его состав входили как линейные рабочие, так и служащие. Это позволяло Викжелю реально претендовать на самостоятельное управление железными дорогами, выступать в качестве самостоятельного органа власти. Викжель не признавал в этом вопросе никаких других интересов, кроме интересов железнодорожников. В этом смысле он, как писал Э. Карр, представлял из себя как бы гигантский фабзавком, осуществляющий рабочий контроль на своём участке (13).

Большевики видели и признавали силу Викжеля. Как известно, на II Всероссийском съезде пост наркома путей сообщения остался вакантным: его зарезервировали за Викжелем. По этому поводу съездом было принято специальное обращение “К железнодорожникам”. В нём прямо говорилось, что в Наркомат путей сообщения “будут привлечены представители железнодорожников” (14). А 26 октября 1917 г. от имени Совнаркома А.С. Бубнов официально предложил Викжелю сформировать коллегия Наркомата.

Однако на призывы войти в Совнарком Викжель ответил отказом (15). Уже 28 октября правление профсоюза выдвигает требование “однородного социалистического правительства, представляющего все социалистические партии”. А когда 29 октября представитель Викжеля выступил с ним на заседании ВЦИК, разразился первый кризис Советского правительства. Викжелевцы ультимативно предупредили, что в случае отказа политических партий от коалиции в ночь с 29 на 30 на железных дорогах будет начата всеобщая забастовка. Они предлагали всем социалистам немедленно прислать делегатов на совместное с ЦИК железнодорожников заседание. На нём предлагалось прийти к согласию по вопросу о власти.

Выступление Викжеля совпало с боевыми действиями в Москве, Царском Селе, мятежом юнкеров. Всё это и давало повод историкам причислять Викжель к общему фронту контрреволюции. Лозунг же коалиции автоматически попадал в разряд антисоветских. Считалось, что лозунг “нейтралитета”, заявленный Викжелем 28 октября, на деле означал остановку транспорта и нажим на Совнарком. Ленин по этому поводу на заседании Петросовета 4 ноября 1917 г. заявлял:

“Викжель нам угрожает забастовкой, но мы обратимся к массам и спросим у них, хотите ли вы забастовкой обречь на голод” (16).

В действительности же ничего подобного не было. Наоборот, Викжель всеми возможными в той ситуации способами поддержал социалистическую революцию. И даже самих большевиков. Во-первых, он вовсе не настаивал на выходе большевиков из правительства. Коалиция мыслилась его руководству в составе представителей всех левых партий: “от большевиков до народных социалистов включительно” (17). Во-вторых, позиция Викжеля в немалой степени предопределила провал вооружённой контрреволюции в октябре — ноябре 1917 г. Железнодорожники, в частности, категорически заявили, что не пропустят в Петроград войска Керенского и Краснова. В случае же, если они всё-таки прорвутся, Викжель грозил блокировать город. Вскоре слухи о движении войск на Петроград с целью подавления большевиков пришли с Юго-Западного фронта. Викжель вновь пригрозил всеобщей путевой забастовкой. В дополнение к этому Викжель не препятствовал передвижению по железным дорогам большевистских частей. На призывы же Временного правительства спускать эшелоны с большевиками под откос ответил категорическим отказом, так как считал, что с разгромом большевиков будет подавлена вся революция (18).

Ещё в меньшей мере, чем антибольшевистской, можно назвать позицию железнодорожников антисоветской. Ещё на своей учредительной конференции 6—22 апреля железнодорожники высказались, что решения Советов — это “изъявление воли всего пролетариата и трудящихся” (19). Несколько позже, в июле 1917 г., лозунг “Вся власть Советам” был “выброшен на Николаевской дороге и прокатился по целому ряду дорог” (20). Как показали исследования Д. Рейли, позиция местных отделений профсоюза сыграла бесспорно крайне важную роль в подъёме революционных настроений на местах (21).

При этом, конечно, понятно, что политические настроения в профсоюзе железнодорожников были разными. Особенно силён антибольшевизм был в верхах союза. Так, московское руководство Викжеля в своих депешах прямо указывало: “Работа с большевиками для нас не представляется возможной” (22). Но именно этот радикализм московских руководителей Викжеля и привёл к расколам и интригам в профсоюзе железнодорожников в Центральном районе. В частности, против контрреволюционных действий своего начальства высказались мастера и ремонтники 1-го участка ст. Москва Курской железной дороги (23). Ситуация в Москве как бы рисовала модель возможного развития событий: размежевание по партийному признаку грозило Викжелю развалом.

Понимали это и в самом Викжеле. Среди различных социальных категорий и профессий от стрелочника до инженера партийные

пристрастия не могли не быть самыми разными. В этих условиях поддержать однопартийное правительство значило спровоцировать раскол в собственном союзе (24). В постановлении от 28 октября и документах, появившихся потом, тактика железнодорожников так и разъясняется: "...железнодорожный союз включает в себя представителей всевозможных политических партий и течений и не может принимать активного участия в борьбе между *социалистическими партиями*" (25).

Позиция Викжеля может быть объяснена без ссылок на его контрреволюционность. На протяжении всего 1917 г. рабочие психологически привыкали к расколу общества на враждующие классы. Но терпеть раздраз в собственном доме они не желали. В этом можно заметить немалый чисто практический смысл. Как показывает опыт Викжеля, соперничество внутри социалистов могло резко ослабить революционный лагерь. Могли ли рабочие не понимать, что в случае вступления даже небольших подразделений правительственных сил в столицу и другие города теперь репрессиями против одних только большевиков дело бы не ограничилось? Вряд ли в условиях диктатуры пролетарские организации сохранили бы свою независимость. Ведь на какое-то время даже ЦК меньшевиков решился пойти на переговоры с большевиками, чтобы не допустить "междоусобья в рабочей среде и разгрома рабочего движения" (26).

Но среди причин внезапной популярности идеи левой коалиции были другие, не менее существенные мотивы. Когда под нажимом Ленина большевики, по сути, перешли с позиций "диктатуры пролетариата" на позиции "диктатуры партии", это вызвало немалую озабоченность у многих рабочих активистов. В этом отношении показательна реакция на диктаторские аппетиты большевиков со стороны профсоюза печатников.

Взаимоотношения большевиков с этим профсоюзом сразу приобрели драматический оттенок. После прихода к власти большевики сразу пошли на закрытие оппозиционных газет. Над свободой слова и печати нависла угроза. Для большевиков это были "временные и экстренные меры для пресечения потока грязи и клеветы", "оружие в руках врага", не менее опасное, "чем бомбы и пулемёты" (27). Для рабочих-печатников же это означало сокращение их прав цехового самоуправления, сужало сферу их трудовой деятельности, а если переводить на бытовой язык — попросту безработицу и голод.

Но рабочие-печатники отказались быть статистами. Печатники и раньше славились своими прочными традициями рабочей демократии. И теперь, так же как и железнодорожники, они встретили наступления на их права серьёзным сопротивлением. Уже 30 октября правление Петроградского союза рабочих печатного дела принимает специальную резолюцию. В ней требовалось: немедленно прекратить

братоубийственную бойню; восстановить свободу печати; заключить соглашение всех социалистических партий о власти. В случае невыполнения требований печатники Петрограда грозились употребить все имеющиеся в их распоряжении средства для давления на стороны.

Не менее активны оказались и их московские собратья по цеху. Большевистский переворот они встретили дружным протестом тысячного коллектива Сытинской типографии и их отказом печатать большевистские листовки. В передовице органа московского союза "Печатник" за 26 октября прямо утверждалось, что большевистская победа не есть ещё победа рабочих. Для московских печатников победа рабочих означала победу их независимых организаций. Однопартийная же диктатура этого им никак не гарантировала (28).

Какие же уроки можно извлечь из событий, связанных с первым кризисом Советского правительства? Прежде всего, органы производственного представительства продемонстрировали свою силу. В конечном итоге большевики смогли убедить рабочих в своей правоте. Не выступление прочих партий революционной демократии и даже не раскол в собственных рядах послужили главной угрозой только-только нарождающемуся режиму. Главную угрозу для него создал *временный* раскол с собственной социальной базой — рабочими.

Создание большевистско-левоэсеровского блока положило конец первому после Октября правительственному кризису. Но с другой стороны, большевики почувствовали необходимость смягчения курса. По крайней мере, на какое-то время они отказываются от планов немедленного подавления оппозиции.

Вместе с тем события октября-ноября показали — даже большевики не во всём верно отражали представления рабочих о новом, справедливом устройстве. В случае же конфликтов большевики готовы были отстаивать свою правоту самыми жесткими мерами. Всё это, вместе взятое, грозило в будущем серьёзными осложнениями. С одной стороны, революционный режим мог просто рухнуть, как это чуть было не произошло уже в первые дни его существования. С другой стороны, реальной была тенденция перерождения режима. Перерождения в сторону отказа от основополагающих принципов революции.

Насколько именно такое, негативное развитие революционного режима, возникшего в октябре 1917 г., было предопределено? Были ли трения, возникшие между большевистским Совнаркомом и пролетарскими организациями, неизбежны? Или это была случайная, ничем не обоснованная война амбиций? Все эти вопросы далеко выходят за рамки эволюции самих организаций рабочего представительства. Для ответа на них следует обратиться к рассмотрению тех общих социально-политических тенденций, которые определяли лицо не только революции 1917 г., но всего развития России в первой трети XX столетия. Тенденции эти оставили глубокий след не только

в экономическом развитии тогдашнего человечества. Они нашли самое широкое преломление и в сфере идеологии, и в сфере политики. Сказались эти тенденции и на судьбах рабочего самоуправления периода русской революции.

“РАБОЧИЙ КОНТРОЛЬ” или “ОГОСУДАРСТВЛЕНИЕ”: В ПОИСКАХ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДОКТРИНЫ

Парадоксом российской революции можно считать то, что, родившись как следствие роста на протяжении всего 1917 г. самоорганизации рабочих, Октябрь стал той переломной точкой, после которой рабочее самоуправление начинает всё решительнее вытесняться из области реальной политики в легендарную историю. Кризис рабочего самоуправления имел свою внутреннюю логику и обострялся по мере роста огосударствления рабочих объединений и бюрократизации революционного государства. Однако такой исход был закономерен и лежал в русле господствовавших в тот период тенденций не только в России, но и в мире.

Достаточно сказать, что милитаризация труда (не единственный, но существенный элемент огосударствления) как панацея от хозяйственной разрухи выдвигается именно в этот период — в 1915 г. Впервые “ходатайствовать... о милитаризации рабочих” было решено Петроградским обществом заводчиков и фабрикантов уже 26 июня 1915 г. Всего через несколько дней, 9 июля 1915 г., столичные промышленники принимают решение добиваться уже “всеобщей милитаризации” работающих на войну предприятий через государственные учреждения. Аналогичные требования, по настоянию П. Рябушинского, принимаются 6 июля 1915 г. и Московским областным ВПК (29).

Планы милитаризации общества явились как бы составным пунктом более широкого замысла, по крайней мере тенденции, формирования в России буржуазного государства западного типа. Один из сторонников этих планов, приват-доцент историк Сторожев писал, что ныне, особенно в условиях “великой европейской войны”, торгово-промышленный класс становится ведущей силой, перед которой “должны склониться... демократические задачи нового времени” (30). Любопытная оценка этих проектов милитаризации ещё в то время была дана А. Шляпниковым. Сам выходец из рабочих, Шляпников сохранил стойкий иммунитет против подобных “методов экономики” и позже, когда оказался уже сам в министерском кабинете. Он, в частности, писал: “Организация заводов по казарменному типу, награждение ставленников капитала офицерскими полномочиями над рабочими, с арсеналом наказаний и наград в руках дирекции — вот идеал космополитического капитала” (31).

Одновременно с этим форсируется вмешательство в экономику со стороны государства. Первым шагом, по мнению современников, сделанным в этом направлении, стал указ от 17 февраля 1915 г. По этому указу командующие прифронтовых округов наделялись правами устанавливать предельные цены на хлеб и фураж, а также запрещать вывоз продукции за пределы своей губернии. В случае необходимости к особо упорствующим против поставок фронту могли проводиться реквизиции. Принятию этого указа предшествовало мощное движение в общественных и управленческих кругах, отразившее тенденцию к централизации. Поэтому вскоре последовали и другие шаги в этом направлении. Важнейшим из них стало подписанное 29 ноября 1916 г. управляющим Министерством земледелия А.А. Риттихом распоряжение о *хлебной развёрстке*.

Рост экономической роли государства не встречал сопротивления общественности. Наоборот, создание Военно-промышленных комитетов и других экономических союзов также шло в русле укоренения в стране государственно-монополистического уклада. Не случаен в этом смысле и последний шаг царизма по усилению административного регулирования экономики. Уже в ранге министра на последнем заседании Думы 25 февраля 1917 г. Риттих объявил о передаче продовольственного дела городскому самоуправлению. Это мероприятие отнюдь не означало отказа от централизации продовольственного снабжения. Наоборот, посредством общественности правительство предполагало ещё шире охватить своим контролем хлебный рынок.

Постепенно идеи этатизма проникают и в идеологию. “Прямое огосударствление предприятий”, как это тогда называлось, одобряли всё более и более широкие круги. Среди поборников этатизма были экономисты Б. Авилов, Н. Астров, Л. Кофенгауз, Г. Полонский, А. Соколов. Твердыми сторонниками государственного регулирования выступали такие представители торгово-промышленных кругов, как В.А. Степанов, А.И. Коновалов и многие другие. Немалое количество людей, разделявших подобные позиции, встречалось и в органах власти. Среди наиболее ярких фигур здесь можно назвать начальника Главного артиллерийского управления А. Маниковского. Он прославился тем, что 2 ноября 1916 г. направил военному министру доклад за номером 165 392. Доклад этот был не чем иным, как развёрнутой программой государственно-монополистического переустройства России.

После Февральской революции ситуация ещё более усугубляется. Временное правительство склонно было использовать всё, чтобы удержаться у власти, в том числе разрабатывая планы усиления госконтроля в экономике. Другое дело, насколько эти планы были эффективны и суждено ли им было сбыться. Идеолог прогрессизма

А.И. Коновалов объяснял необходимость огосударствления очень примечательным образом. Для него оно являлось ответом на прежнюю непоследовательность в этом вопросе царизма, которая привела к обострению недоверия между классами. Теперь же, следовало из его выступлений, только государственное вмешательство (арбитраж, регулирование, планирование, распределение) сможет предотвратить социальный конфликт (32). Радикальную позицию в вопросах экономического регулирования занимал и министр труда М.И. Скобелев. По вступлению в должность им был сделан ряд заявлений, позволивших Ленину назвать скобелевскую позицию более радикальной, нежели большевистская. “Мы должны, — утверждал Скобелев, — ввести трудовую повинность для гг. акционеров, банкиров и заводчиков, у которых настроение вялое, вследствие того, что нет стимулов, которые раньше побуждали их работать. Мы должны заставить господ акционеров подчиняться государству, и для них должна быть повинность, трудовая повинность” (33).

В общем русле проводимой политики огосударствления действовал министр земледелия Временного правительства А.И. Шингарёв. Уже 25 марта 1917 г., подталкиваемый экономистами Петросовета, Шингарёв соглашается на радикальный шаг. Он подписывает закон о регулировании в области ценообразования и заготовок сельскохозяйственной продукции. По сути, это было введение хлебной монополии. Отныне владельцы обязывались предоставлять всё количество хлеба, за вычетом необходимого для собственного потребления и хозяйственных нужд, в распоряжение государства. Инструкция же Министерства земледелия от 20 августа предписывала применять к утаивающим хлеб вооружённую силу. Закон от 25 марта стал одним из решающих на пути к будущему всеобщему огосударствлению. Важно отметить, что другие воюющие страны пошли на такие ограничения свободного рынка значительно раньше. Достаточно сказать, что Германия, страна, где государственно-монополистический капитализм шагнул особенно далеко, закон о хлебной монополии приняла ещё 25 января 1915 г. Нельзя, конечно, отрицать, что процесс усиления государственного вмешательства в экономику в разных воюющих странах имел свои особенности, но в конечном итоге на власть мог претендовать только тот, в чьих руках находились запасы продовольствия. Поэтому формирование распределительной экономики было немыслимо без огосударствления хлебного рынка.

Другим актом Временного правительства становится учреждение Совещания по развитию производительных сил. Его создание было не чем иным, как данью господствовавшим тогда этактистским веяниям в идеологии. Когда в июне 1917 г. на смену ему были созданы Экономический Совет и Главный экономический комитет, в их функциях было определено: “Выработка общего плана организации на-

родного хозяйства и труда”, а также “разработка законопроектов и общих мер по регулированию хозяйственной жизни” (34). В одной же из деклараций правительство вообще заявляло о готовности “осуществлять систематический контроль над производством, транспортной системой, валютой, распределением товаров, а в случае необходимости... контролировать и организацию производства” (35).

Однако радикалы из правых социалистов и прогрессистов на этом не остановились. Под их нажимом кабинет 12 июня 1917 г. принимает декрет о налоговой реформе. В глазах современников он казался чуть ли не “величайшей победой демократии”. Согласно ему предусматривалось равномерное распределение “национального финансового бремени” и усиленное налоговое обложение прежде всего крупной цензовой буржуазии. И хотя, из-за резких протестов промышленных кругов, осенью 1917 г. правительству пришлось пойти на попятную, общая тенденция к государственному регулированию экономической жизни в целом всё же усиливалась (36).

Делая ставку на госконтроль, буржуазия, в частности кадеты, готова была даже допустить к нему даже рабочих, лишь бы основные рычаги власти оставались в её руках. Но с тем большим упорством, как мы видели раньше, предпринимательские круги боролись против рабочего контроля. О чём свидетельствуют, между прочим, и скобелевские циркуляры против фабзавкомов, поскольку эти организации противостояли не только отдельным капиталистам, но и государственно-трестовской организации в целом.

Эта позиция, казалось бы, должна была поменяться после прихода к власти большевиков. Буржуазия, казалось бы нацеленная на дискредитацию нового режима, не должна была брезговать поддержкой и сепаратизма рабочих. Но вот что примечательно, борьбу фабзавкомов за независимость поддержала лишь та часть промышленников, которая использовала её в своих сугубо корыстных интересах денежной мощи.

Общие же принципы отношения имущих классов к рабочему самоуправлению даже после Октября были совсем иными. Какими же? Об этом можно судить по ряду публикаций в буржуазной прессе послеоктябрьского периода. Так, одна из наиболее авторитетных в “общественных кругах” “Торогово-промышленная газета” через несколько недель после большевистского переворота писала: “...насколько полезен и необходим государственный контроль промышленности через посредство незаинтересованных и беспристрастных органов, настолько же вреден контроль промышленности через рабочие организации, ослеплённые классовой враждой и потому способные лишь саботировать работу промышленности”. Другая, не менее солидная буржуазная газета так передавала своё понимание рабочего контроля: “Что сказали бы о людях, которые установили бы контроль над

действиями врача в тот момент, когда он останавливает кровь при пересадке сосудов, делает искусственное дыхание находящемуся в обмороке и т. п. Что сказали бы о власти, которая поставила бы контролёра для наблюдения за действиями человека, спасающего утопающего, или действиями капитана корабля во время шторма?” (37).

Осознанно или нет идеологией этатизма были заражены все силы, вовлечённые в борьбу за власть: от Керенского до Корнилова. Различалась лишь риторика, к которой приходилось прибегать непримиримым оппонентам для обоснования своих планов по усилению государственного вмешательства в экономику.

На подобных позициях стояли и партии, взявшиеся действовать от имени пролетариата. С ультрарадикальной программой соответствующих реформ выступили экономисты Петроградского Совета — меньшевики П. Гарви, Ф. Череванин, Б. Богданов. Особенно был активен и последователен на ниве социального моделирования В. Громан. Взяв за основу опыт воюющих держав, прежде всего Германии, он настаивал на том, что только всеобщее регулирование способно спасти экономику страны. Решение этой проблемы, по его расчетам, было не под силу общественным организациям и требовало вмешательства *административного аппарата*, наделённого *всей полнотой государственной власти* (38). В этом, на наш взгляд, и кроется одна из причин того скептического отношения социалистических партий к рабочему самоуправлению и фабзавкомам (39). Сводить же антифабзавкомовскую позицию меньшевиков только к межпартийному соперничеству с большевиками вряд ли возможно. Меньшевики просто склонялись к тому, что экономическое регулирование является задачей *государственного масштаба*, фабзавкомам же при этом отводилась роль второстепенная.

Относительно меньшевистской позиции, подменявшей рабочий контроль государственным контролем с участием рабочих, В.И. Ленин писал: “...получается, в сущности, чисто кадетская формула, ибо против *участия* рабочих в “государственном” контроле кадеты ничего не имеют” (40).

Эсеры, хотя их внимание было больше приковано к вопросам земельной реформы, также разделяли общие настроения в поддержку сильной государственной власти. С их точки зрения, вмешательство государства в экономику было необходимым. Активно поддерживали они и планы огосударствления рабочих организаций, превращения их в звено хозяйственных органов государства.

Пожалуй, именно эсерам принадлежит первенство в принятии резолюции, содержащей положения в поддержку огосударствления рабочих организаций. Ещё в апреле 1917 г. на I Всесоюзной конференции железнодорожников они ратовали за то, чтобы железнодорожным транспортом управляли рабочие организации, объединяю-

щие в своих рядах рабочих и служащих железных дорог. Для этого железнодорожники должны были быть *государственно организованны*. Лидер эсеров В. Чернов прямо заявлял, что “железнодорожники будут самоуправляющейся корпорацией, которой будет вверено управление железнодорожной сетью”. Ещё определённой на этот счет высказывался эсер Крушницкий, не разделявший организации рабочих и органы управления государством (41).

Неудивительно поэтому, что большевики также стояли на позициях государственного регулирования. Если их взгляды и отличались в этом вопросе от взглядов кадетов и меньшевиков, то только меньшим научным осмыслением, но зато значительно большей политической определённой.

Видное место в развитии большевистской идеологии в области абсолютизации государственной власти принадлежит Н.И. Бухарину. Его взгляды на *современное государство* долгое время считались в большевистской среде хрестоматийными. Позиция Бухарина в этом вопросе в годы войны становилась всё более и более радикальной. Он превращается в решительного сторонника насильственных методов в политике. Носителем насилия, по его мнению, должно было быть государство. Остриё его воздействия должно было быть направлено против буржуазии (42). Именно она, как уверял Бухарин, и была повинна в войне. Теперь же банкиры и фабриканты лишь паразитировали на бедствиях народа (43).

Первые наброски своей концепции государства рабочих Бухарин делает сразу же, как узнаёт о победе революции на родине. В первой своей статье на эту тему, появившейся ещё в САСШ, он доказывал неспособность буржуазного правительства имеющимися в его распоряжении средствами предотвратить экономическую катастрофу. Он отмечал: “Возьмём хотя бы, финансовую сторону дела. Облегчить гнёт можно было бы лишь путём самых радикальных мероприятий”. Под радикальными мерами в этом случае он подразумевал государственное банкротство. “Этой гири, — резюмировал он, — не в состоянии снять гучковско-милюковское временное правительство”. А могло ли Временное правительство, по мнению Бухарина, бороться с дороговизной? Какие меры нужны были для предотвращения голода? “Выход, — писал Бухарин, — нужно искать в двух направлениях: в полной перестройке всех государственных финансов и решительной политике конфискаций пищевых и иных продуктов. Перестройка бюджета требует: отказа от долгов... максимальное обложение капиталистической прибыли, доходов банков и поземельной ренты (т. е. помещиков) с одновременным установлением минимума заработной платы и ограничением рабочего дня. Последние два условия необходимы, чтобы господствующие классы не перелагали своего обложения на плечи рабочего класса. Другими словами, *перестройка*

бюджета может при теперешних условиях быть осуществлена при конфискации значительной доли прибыли капиталистов и дохода помещиков” (44).

Развивая эти свои взгляды, Бухарин шел ещё дальше: “Организация продовольственного дела невозможна без уничтожения экономической власти монополистических торгово-промышленных организаций: их господство может быть сломлено лишь путём конфискации (огосударствления) их товара и **контроля над производством...** На эти меры, — делал вывод Бухарин, — не может согласиться новое правительство, ибо они противоречат его классовым интересам настолько, что их проведение означало бы отказ октябристов и кадетов от их классовой сущности. А чудес на свете не бывает” (45).

По возвращению в Россию Н. Бухарин разовьёт свои взгляды. Их стержневая мысль — нежелание и неспособность инфантильной русской буржуазии наладить государственное регулирование. В статье “Государственный контроль над производством и русская буржуазия” он пишет: “...буржуазия во всех воюющих странах переходит теперь к государственному контролю над производством... без этого контроля капиталистическое общество не выдержало бы войны...” Бухарин задаётся вопросом, почему же и после свержения самодержавия российская буржуазия не спешит организовать госконтроль? И отвечает — из боязни, что вся власть, а с ней и контроль, перейдут к пролетариату (46). В своей же знаменитой брошюре по истории революции он доводит критику бездействия русской буржуазии до обвинений её в сознательном саботаже экономического развития страны (47). Основной вывод — Временное правительство на государственное регулирование не пойдёт, т. к. боится социализма.

В чем же видел Бухарин выход? Опять-таки ещё в американских статьях он говорит о необходимости прихода к власти пролетарского правительства с самой радикальной программой. “Пролетарское правительство, — подчеркивал он, — должно конфисковать пищевые продукты, оно должно конфисковать значительную часть прибылей капиталистического класса, оно должно взять под свой контроль и *целый ряд производственных областей*” (48).

Необходимость радикального вмешательства государства в экономику отстаивал и лидер большевиков В.И. Ленин. Впрочем, в его работах революционной риторики было меньше, чем у Бухарина, и свою аргументацию Ленин строил на прагматичных рассуждениях о необходимости в условиях войны и разрухи поддерживать экономику страны коллективными усилиями.

Уже в своих первых набросках будущего хозяйственного устройства пролетарского государства, сделанных им в сентябре — октябре 1917 г., Ленин писал о необходимости бороться с надвигающейся катастрофой самыми жесткими и последовательными методами.

Эти меры, по мысли Ленина, предусматривали “контроль, надзор, учёт, регулирование со стороны государства, установление правильного распределения рабочих сил, устранение всякой лишней траты сил, экономию их”. Кроме этих общих фраз, в ленинских работах имеются и вполне конкретные, хотя и не всегда реалистичные, предложения. Среди них — национализация банков, сахарного, угольного, нефтяного, железного и других синдикатов и установление государственной монополии. По мнению Ленина, меры эти могли быть осуществлены одним росчерком пера, поскольку война и капитализм вели именно к таким сверхмонополиям. Среди прочих мероприятий, называемых Лениным в качестве первоочередных, отмена коммерческой тайны, принудительное синдицирование, регулирование потребления. Так же, как и другие левые радикалы, Ленин особо выделял мысль, что из-за своей классовой сущности Временное правительство на принятие этих назревших решений не способно (49).

Развивая свою мысль о необходимости и возможности при диктатуре пролетариата такого всеобъемлющего вмешательства государства в экономическую жизнь общества, он писал: “Кроме преимущественно “угнетательского” аппарата постоянной армии, полиции, чиновничества есть в современном государстве аппарат, связанный особенно тесно с банками и синдикатами, аппарат, который выполняет массу работы учётно-регистрационной, если позволительно так выразиться. Этого аппарата разбивать нельзя и не надо. Его надо вырвать из подчинения капиталистам... его надо *подчинить* пролетарским Советам, его надо сделать более широким, более всеобъемлющим, более всенародным. И это *можно* сделать, опираясь на завоевания, уже осуществлённые крупным капитализмом... “*Огосударствление*” массы служащих банковых, синдикатских, торговых и пр. и пр. — вещь вполне осуществимая и технически (благодаря предварительной работе, выполненной для нас капитализмом и финансовым капитализмом) и политически, при условии контроля и надзора *Советов*” (50), т. е. государства.

В другом месте Ленин делает ещё более далеко идущие заявления: “Все граждане превращаются здесь в служащих по найму у государства, каковым являются *вооруженные* рабочие. Все граждане становятся служащими и рабочими *одного* всенародного, государственного “синдиката”. Всё дело в том, чтобы они работали поровну, правильно соблюдали меру работы и получали поровну. Учёт этого, контроль за этим *упрощён* капитализмом до чрезвычайности, до необыкновенно простых, всякому грамотному человеку доступных операций наблюдения и записи, знания четырёх действий арифметики и выдачи соответствующих расписок” (51).

Есть и ещё несколько важных черт антикризисной программы лидеров большевиков, важных в доктринальном плане, но которые

прежде совсем не замечались исследователями. Настаивая на необходимости государственного регулирования, большевики исходили не из отечественного, а из зарубежного опыта. Отсюда и их пренебрежительные выпады против российского капитала: дескать, западные буржуа смогли, а наши, лапотные, нет. Одной классовой враждой эту критику не объяснить. По сути, агитация большевиков за *огосударствление* была для них своеобразным западничеством. Но именно западничество, и как его следствие этатизм, было родовой чертой тогдашней интеллигенции. Достаточно отметить, что классическим примером для Ленина, как и для Громана, и для Коновалова, была Германия. Германия, первая начавшая путь к тотальному контролю государства над экономикой и обществом (52).

Всё это и позволило современному исследователю В. Мау не только констатировать *этатизм* большевиков, но и говорить о том, что эта развернутая большевиками политика *огосударствления* служила лишь прямым продолжением российской политики военных лет — царского и Временного правительств (53). Но именно эта политика и несла главную угрозу самостоятельности и дальнейшему развитию независимых органов рабочего самоуправления на производстве, делая их кризис практически неизбежным.

И тем не менее первые месяцы после Октября становятся временем наиболее полного проявления всех форм производственного представительства рабочих и патронирования их со стороны советского государства. Государственная *поддержка самостоятельных пролетарских организаций становится стержнем всей хозяйственной политики*. В чём же причина столь крутого исторического зигзага? Представляется, что одна из причин этого кроется в мощном воздействии на политический процесс в России семнадцатого года со стороны идеи рабочего самоуправления, мобилизующую роль которой отмечали не только советские, но и зарубежные историки, причём даже критически настроенные к большевикам (54). Только сделав упор в своей агитации на поддержку рабочего контроля, большевики смогли претендовать на взятие власти.

“Мы были вынесены этой громадной волной”, — признавался впоследствии Н. Бухарин (55), имея в виду стремление рабочих к реализации своих политических прав. Казалось бы, получив статус правящей партии, большевики и в дальнейшем могли сполна использовать рабочий контроль в своих целях. Действительность же была значительно противоречивей.

Идея независимых *хозяйственных* организаций рабочих в социал-демократических кругах устойчиво считалась анархо-синдикалистской. Поэтому и в идеологию большевизма она вживалась сложно, встречая серьёзные возражения многих влиятельных деятелей партии. В особенности это касается вновь влившихся в ряды большевиков

левых социал-демократов интернационалистов. Их взгляды объединяло одно — резкое неприятие идеи рабочего контроля и самостоятельности фабрично-заводских комитетов. Эта позиция последовательно отстаивалась ими как до Октября, так и после.

Одним из принципиальнейших антагонистов рабочего контроля был Ю. Ларин. Ещё в ноябре 1917 г., по его же словам, он “повел и провел борьбу против полной передачи управления предприятиями в руки рабочих”. Некоторое время спустя, в мае 1918 г., он ставит себе в заслугу “ограничение прав трудовых коллективов” и “борьбу с самостоятельным установлением рабочего управления на производстве”, которые он осуществлял, если пользоваться его же терминологией, насаждая Главки и Центры.

Другой противник рабочего представительства, И.И. Скворцов-Степанов, обобщал свою позицию в следующих словах: “Фабрично-заводской комитет во многих отношениях является *преемником* капиталистического предпринимателя. На все промышленные отношения он смотрит прежде всего глазами *данной* фабрики или завода... Этим определяются такие методы действия, которые способны не приблизить, а отдалить нас от основной задачи современности, от сознательного и планомерного урегулирования всех экономических отношений”.

Ещё более категорическое высказывание насчет рабочего самоуправления принадлежит А. Лозовскому. “Нужно оговорить, — подчеркивал он, — с абсолютной ясностью и категоричностью, чтобы у рабочих каждого предприятия не получилось такого впечатления, что предприятия принадлежат им” (56).

Не сразу сложились взгляды о методах и средствах рабочего контроля и самоуправления и у Ленина. Примечательный в этом смысле случай произошёл ещё в середине весны 1917 г. Попытавшиеся самостоятельно наладить производство на своём заводе рабоче-михельсоновцы обратились “за советом к Ленину”. В ответ Ленин, по свидетельству рабочего Н.Я. Иванова, заявил, что “брать предприятия в свои руки ещё рано”. Необходимо, подчёркивал Ленин, сперва завладеть властью. А пока следовало, разъяснял он, лишь налаживать контроль. Вернувшись, делегация мало что могла подсказать своим товарищам, ждавшим практических хозяйственных рекомендаций. В скором времени рабочим пришлось сдать свои позиции (57). По Ленину получалось, что управлять страной проще, чем отдельным предприятием. На деле же речь шла лишь о том, что весной 1917 г. он ещё не представлял, как конкретно рабочие могут наладить производство в своих интересах своими силами.

Всё это позволяло Н. Осинскому позже утверждать: “... если спросить себя, как же представлялась до 25 октября нашей партии *система* рабочего контроля в целом и на почве какого хозяйственного

порядка её думали построить, то мы нигде не найдём ясного ответа”. О том же писал некоторое время спустя после прихода большевиков к власти и Лозовский. “Рабочий контроль, — подчёркивал он, — был боевым лозунгом большевиков до октябрьских дней. Но несмотря на то, что рабочий контроль фигурировал на всех знаменах и во всех резолюциях, он был покрыт какой-то мистической таинственностью. Партийная пресса мало писала об этом лозунге и ещё меньше пыталась вложить в него какое-нибудь конкретное содержание, и когда грянула Октябрьская революция и пришлось точно и ясно сказать, что такое рабочий контроль, то обнаружились на этот счет большие разногласия среди самих сторонников этого лозунга” (58).

Но полностью согласиться с полемически заострёнными высказываниями Лозовского и Осинского всё же нельзя. Как бы сложно большевики ни шли к идее рабочего самоуправления, постепенно она становится неотъемлемой частью их партийных программ.

Уже в мае начинает заниматься вопросами разработки установок на этот предмет сам Ленин. А в работах периода, непосредственно предшествовавшего приходу большевиков к власти, он уже разворачивает целостную систему взглядов на будущее государственное устройство. Значимое место в ней отводилось и органам рабочего самоуправления. “Когда мы говорим “рабочий контроль” ставя этот лозунг всегда *рядом* с диктатурой пролетариата, всегда *вслед* за ней, то мы разъясняем этим, о каком государстве идёт речь, — подчёркивал он, — государство есть орган господства *класса*. Какого? Если буржуазии, то это и есть кадетски-корниловски-керенская государственность, от которой рабочему народу в России “корнилятся и керится” вот уже более полугода. Если пролетариата, если речь идёт о пролетарском государстве, *то есть* о диктатуре пролетариата, то рабочий контроль *может* стать всенародным, всеобъемлющим *учётом* производства и распределения продуктов”.

При этом Ленин полагал оставить предпринимателям и трудовым коллективам часть получаемой прибыли, чтобы сохранить у них экономический стимул к производству. Этот шаг был немислим без развития на предприятиях самого широкого самоуправления рабочих, поскольку в противном случае предоставляемые предприятиям права могли бы быть использованы буржуазией в контрреволюционных целях (59).

Как же относился Ленин к навязчивым утверждениям своих оппонентов и даже соратников о враждебности рабочего контроля государственному регулированию? В этом вопросе позиция Ленина не лишена некоторого изящества. Он однозначно утверждал, что к “предпосылкам рабочего контроля можно отнести наличие в России системы государственно-монополистического капитализма”. Одновременно с этим в срастании крупных монополий с государством он видел

залог и успешного государственного контроля. Поэтому эти два вида контроля он считал взаимосвязанными (60).

Эти взгляды не были характерны для социалистов того времени. Тем не менее их разделяли и некоторые сподвижники вождя. Среди них можно назвать прежде всего Н. Бухарина, который был сторонником самого радикального вмешательства рабочих в экономику. Без этого он вообще не мыслил перехода к социализму. Государственное планирование и регулирование без участия в нём рабочих означало, по Бухарину, создание нового государственного рабства.

Уже в своих “новомировских” статьях Бухарин подчёркивал: “Дело производства не может оставаться вне рабочего контроля; а для капиталиста, товары которого подвергаются постоянной конфискации, ведение производства теряет смысл, так как он перестаёт получать прибыль. Оно переходит в руки рабочих. Так диктатура пролетариата приводит неизбежно к социализации производства и к переходу капитализма в социализм”. Летом 1917 г. Бухарин разработал проект преодоления угрозы голода путём развёртывания целостной системы рабочих организаций. С ней он выступил на одном из июньских заседаний Моссовета. Бухарин призвал на основе рабочих объединений создать аппарат централизованной организации хозяйства. “Нижними ячейками этого аппарата, — указывал он, — должны быть заводские комитеты и комитеты служащих единичного предприятия” (61).

Ещё более широко изложены взгляды Бухарина в ряде его публикаций в “Спартаке” и “Социал-демократе”. В них он не просто выказывал уверенность в победе социалистической революции, но и писал, что она осуществится только при постоянном организационном творчестве рабочих: “когда вся страна будет покрыта густой сетью рабочих и полурбочих организаций” (62).

Проекты будущего устройства системы управления экономикой в дооктябрьский период и в первые недели после революции разрабатывались и руководством самих рабочих организаций. Так, по проекту будущего всеобъемлющего контроля над производством, хранящемуся в фондах ЦК союза металлистов Истпарта, должно было быть создано три ступени регулирующих организаций. Во главе учреждений, регулирующих производство, предлагалось поставить Центральный промышленный совет, соответствующий Особому Совещанию по обороне. Средним звеном должны были стать Районные промышленные советы. В основание же системы должны были быть поставлены заводские или фабричные Совещания (63).

Таким образом, уже до прихода большевиков к власти существовало два основных подхода в определении взаимосвязи рабочего и государственного контроля. Следовательно, противостояние намечалось в главном: в вопросе о соотношения центрального государственного

контроля и локального рабочего самоуправления. **Первая** позиция тесно объединяла оба вида общественного контроля над частным капиталом. За ней стояло, помимо Ленина и Бухарина, руководство союза металлистов, фабзавкомов и других пролетарских организаций. **Вторая** позиция выступала за централизованный контроль государственного аппарата и против анархического вмешательства в производство со стороны отдельных трудовых коллективов. За это выступали такие видные деятели революции, как Ю. Ларин, И. Скворцов-Степанов, С. Лозовский и другие.

Однако на самом деле картина была более неоднородной. И неоднородность эта с особой силой проявилась уже после прихода большевиков к власти, когда сама жизнь потребовала от них дать чёткий практический ответ на основные потребности социалистического строительства.

Прежде всего, во многом различны были подходы В.И. Ленина и Н. Бухарина. Ленин не считал рабочий и государственный контроль атрибутами социализма. Он видел в них лишь *ступени перехода* к социализму, которые должны быть пройдены и оставлены за спиной. “Эта революция — социалистическая, — писал он, — введение рабочего контроля, национализация банков — всё это меры, ведущие к социализму. *Это ещё не социализм*, но это меры, ведущие нас гигантскими шагами к социализму” (64). Для Бухарина же все эти понятия: рабочий контроль, государственный контроль, планирование, самоуправление рабочих, наконец, социализм — были *тождественны* и отдельно не воспринимались (65).

Не были едины и противники ленинской позиции. Тот же С. Лозовский, категорически требовавший не допускать реализации лозунга “Фабрики — рабочим”, был одним из самых последовательных сторонников самостоятельности рабочих организаций, прежде всего профсоюзов. Он был одним из тех, кто выступал против их огосударствления. Лозовский предупреждал, что огосударствление самостоятельных объединений пролетариата, подчинение их Советам приведёт к утере ими классовой самостоятельности, бюрократизации, разрыву с пролетариатом, нанесёт ущерб инициативе низов. Всё это приведёт к тому, что “сама жизнь ... создаст организации, которые будут брать на себя *защиту интересов рабочих, против государственных интересов*”. Лозовский разделял понятия рабочего самоуправления и рабочего контроля и, выступая против первого, активно поддерживал второй. Он отвергал мнение о том, что рабочий контроль уже устарел и что его пора списывать со счетов (66).

Такие взгляды Лозовского на проблемы перспектив рабочего представительства исходили из его общей оценки ситуации в стране. Он считал, что мужицкая Россия никак не созрела для социализма. Лозовский подчеркивал: “Состояние народного хозяйства делает ма-

териально невозможным организацию производства на социалистических началах, и не будем поэтому перед лицом этого, хотя и печального, но неопровержимого факта, плодить крайне вредных и опасных иллюзий, ибо иллюзии гибнут, а факты остаются”. При этом не без иронии Лозовский пояснял, что “социалистическая революция начинается не тогда, когда социалисты становятся у власти”.

Н. Скрыпник, один из лидеров фабзавкомов и последовательный сторонник рабочего самоуправления, в отличие от Лозовского, оценивал рабочий контроль достаточно низко. Он считал его всего лишь прелюдией рабочего управления. Подобно Ленину, он полагал, что “рабочий контроль — это ещё не социализм, это лишь одна из переходных мер, приближающих нас к социализму”. В то же время Скрыпник всячески ратовал за распространение рабочего вмешательства в экономику на предприятия, где оно ещё по каким-либо причинам не осуществлялось (67).

Так же как и Скрыпник, считал необходимым переход от рабочего контроля к рабочему управлению И. Скворцов-Степанов. Но если Скрыпник приветствовал развитие фабзавкомов, то Скворцов-Степанов видел в их успехах одну из главных опасностей для революции. “Вместо республики Советов мы упираемся в республику своеобразных рабочих артелей, — писал он, — в которые как бы превращаются капиталистические фабрики и заводы. Вместо быстрого урегулирования всего общественного производства и распределения... мы имеем практику, которая напоминает мечтания анархистов об автономных производительных коммунах” (68).

Деятели, подобные И. Скворцову-Степанову, не шли дальше утверждений, что “рабочий контроль снизу есть только подсобная часть регулирования промышленности в государственном масштабе” (69).

Радикализмом и крайним пессимизмом на роль и будущее рабочего самоуправления отличалась влиятельная группа “рабочего индустриализма”. В неё входили такие известные деятели режима, как А. Гастев, А. Гольцман, В. Оборин. В выступлениях и публикациях лидеры платформы говорили о неотвратимости проникновения американских и германских капиталов и организационных структур в Россию (70). Они приветствовали создание на её территории транснационального индустриального гиганта, экстерриториального космополитического треста, ориентирующегося на монополистическую экономику одной из этих стран. Понятно, что при подобном развитии ни о каком *самоуправлении рабочих* речи уже не шло (71). При этом самой России отказывалось в национальной самобытности. Национальная специфика приносилась в жертву индустриальному развитию по западному образцу. Рабочий класс России отдавался на долгую “выучку” иностранному капиталу. Здесь воплощалась идея всё той же

мировой революции, только вывернутая наизнанку (72). Как говорил С. Лозовский, платформа группы “рабочего индустриализма” предусматривала *насаждение* в России крупного капиталистического производства с привлечением “капиталов из Англии и Америки” (73).

Идеи платформы “рабочего индустриализма” не были беспочвенным позёрством. Шло формирование далеко не безобидной тенденции к абсурдной абсолютизации центрального управления. В жертву ему легко приносились судьбы наций и народов, классов и социальных групп, отдельных людей. Задачи рабочих объединений “индустриалисты” сводили к строгой регламентации “рабочей производительности”, которая, в свою очередь, сделает неизбежным “нормирование рабочего отдыха, нормирование трудового темпа и всего производственного поведения пролетариата”. По мнению авторов платформы, централизованное нормирование в производственной жизни приведёт к формированию новой этики трудовых отношений (74). Люди, таким образом, мыслились винтиками, деталью в огромной, точно налаженной машине, превращавшей их в свой придаток, работающий точно и синхронно, по раз и навсегда заведённому порядку. Задачи организаций рабочего движения “индустриалисты” видели не в развитии творчества, инициативы, самостоятельности масс, а в подчинении их твёрдой дисциплине, определяемому в едином центре порядку, всевозможным нормам (75).

С критикой подобных оценок фабзавкомов и системы рабочего представительства в целом выступал в тот период центральный печатный орган ЦС ФЗК “Новый путь”. Так, один из авторов этого журнала А. Кактин писал: “Самое понятие рабочего контроля, сначала весьма неясное, стало постепенно, с дальнейшим развитием революции и обострением хозяйственной разрухи, конкретизироваться и развиваться вширь и вглубь”. По его мнению, “при этом не получится тех ужасов, той анархии, которую нам постоянно пророчат... Отдельные случаи анархических проявлений... так и остаются *отдельными...*”. “Работа, — продолжает Кактин, — вовсе не происходит, как утверждают скептики из рядов нашей мелкобуржуазной среды экономистов, анархически, без плана, без руководства. Например, фабрично-заводские комитеты в этом отношении точно исполняют руководства своих же высших выборных органов, районных и центральных советов фабрично-заводских комитетов, или, в вопросах труда, профессиональных союзов”. Кактин делает вывод: “Итак, сейчас мы совершенно иначе должны толковать понятие рабочего контроля. Теперь контрольные органы на местах — фабрично-заводские комитеты — уже не являются в преобладающем числе предприятий простыми наблюдателями за действиями предпринимателя или посыльными его в различных учреждениях за топливом, сырьём и т. д., в то же время совершенно бесправные, не имеющие никакого значения во всех

регулирующих учреждениях, теперь они являются ответственными, признаваемыми государственной властью фактическими руководителями дел предприятия” (76).

О широте дискуссий на предмет дальнейшей судьбы независимости рабочих организаций после победы Октября, постепенно вовлекших в себя и среднее звено чиновников государственного аппарата, свидетельствует статья, подписанная Портянко, Ник. Шевниковым, Эссенем, Виноградовым, А. Покровским и Ф.М. Шаблинским. Сперва она появилась в “Газете Временного Рабочего и Крестьянского правительства”, а затем, из-за её важности, перепечатана в журнале “Рабочий контроль”.

В этой статье делалась попытка совместить демократические традиции 1917 г. с авторитарными тенденциями года 1918. “Рабочий контроль есть, — писалось в ней, — один из видов государственного контроля, а потому не может быть речи об одном из них, как об особом установлении”. Авторы не просто считали, что рабочий контроль является лишь одной из форм контроля государственного, они видели в нём такую форму государственного контроля, без которой все другие формы государственного контроля *превращались в формальность*.

Чувствуя возможную угрозу бюрократизации, они критически вспоминали о прежнем государственном регулировании. Возникнув ещё в 1864 г., оно, по мнению авторов статьи, превратилось в “тормоз живого дела”. И вот эта прежняя система госконтроля “который месяц” парализована саботажем чиновничества, “а жизнь как бы не замечает этого: в дверях контроля не стоят толпы, не ищут разрешения вопросов, не взывают об открытии этих дверей”. Буржуазно-бюрократический контроль, таким образом, подытоживают авторы публикации, потерпел полное фиаско из-за своей оторванности от жизни.

В заключение они подчёркивают: “Мы сознаём важность государственного контроля, но нам не нужен такой выкормыш старого бюрократического строя”. По их мнению, выход из саботажа прежнего чиновничества и неэффективности нынешнего нужно искать на путях реорганизации центральных учреждений, а с другой стороны — в опоре на рабочий контроль, причем, что особенно важно, “он должен быть *обобществлён* и в него введено *выборное* начало” (77).

Сказанное выше позволяет сделать вывод, что доктринальные основы курса на поддержку рабочего контроля и самоуправления в Советской России были достаточно рыхлыми. Сам этот курс встречал немалое сопротивление среди различных группировок внутри победившего режима. Даже если не учитывать господствовавшие в тот период в мире тенденции этатизма, подобное положение дел внутри правящей партии делало реформы, проводимые в интересах самостоятельных объединений пролетариата, крайне неустойчивыми.

Жаркие словесные баталии в стане победителей отражали реальные противоречия в развитии рабочего представительства: как до, так и после Октября. Прежде считалось, что противоречия эти постепенно отходили на второй план. На первое место в сознании рабочих теперь выходили угроза возврата старого строя, трудности в экономике, голод. Само же развитие фабзавкомовского движения рисовалось как гладкое и поступательное: от рабочего контроля к элементам государственного регулирования. На этом поприще рабочие комитеты демократично замещались новыми заводоуправлениями, большинство в которых оставалось за рабочими.

Октябрьская фаза русской революции представлялась, таким образом, как рубеж, за которым развитие фабзавкомов шло по совершенно иным законам. Писавшие с таких позиций авторы оказались в плену большевистских победных реляций. Институциональная бескризисность была важным элементом мифа о “красном Октябре”. Одной из причин его возникновения как раз и может считаться слабая, по сравнению с дооктябрьским временем, изученность реального положения дел в рабочем движении после на новом этапе революции. Но действительно ли именно с конца 1917 г. в истории фабзавкомов начинается новый этап? Да и можно ли говорить, что с этого момента органы рабочего самоуправления поднимаются на новую, более высокую ступень развития?

Непредвзятый взгляд на развитие фабзавкомов в первые месяцы после прихода большевиков к власти рисует совсем иную картину. Прежде всего, не чувствуется никакой черты, резко разделяющей дооктябрьское и послеоктябрьское строительство органов рабочего самоуправления, внутреннее развитие фабзавкомовского движения: в этот период его лицо определяли те же тенденции, что и непосредственно перед революцией.

Прежде всего, продолжается распространение движения за рабочее представительство на тех предприятиях, где прежде органы рабочего контроля и самоуправления не существовали. Фабзавкомы возникают на Крапивенском кожевенном заводе Тульской губернии, Тульской сельхозфабрике бр. Головиных и других предприятиях (78). Весьма показательное сообщение Костромского совета рабочего контроля Совету народных комиссаров, показывающее заинтересованность в поддержке этих процессов со стороны местных органов революционной власти. В нём, в частности, говорилось: “*Непосредственно по изданию декрета о рабочем контроле в Костроме совет профсоюзов с согласия Совета рабочих и крестьянских депутатов немедленно приступил к организации и практическому осуществлению контроля на местах. В течение 1-2 недель был создан центральный орган — совет*

рабочего контроля и на местах в каждом торговом, кооперативном и промышленном предприятии, во всех фабриках и заводах организованы контрольные комиссии из рабочих и служащих... Со стороны предпринимателей *сопротивление не предвидится*" (79).

В целом темпы фабзавкомовского строительства этого времени нашли отражение в материалах промышленной и профессиональной переписи 1918 г. Из отраслей производства в первые месяцы после октября наиболее быстро органы рабочего самоуправления развивались в кожевенной промышленности. В ноябре 1917 г. — марте 1918 г. у кожевников возникло 207 фабзавкомов, в то время как на предприятиях металлургической и машиностроительной отраслей — только 167 фабзавкомов. С марта 1918 г. по август 1918 г. наибольшие темпы фабзавкомовского строительства наблюдались в пищевой промышленности. Здесь за этот период возник 381 фабзавком. Высокие темпы фабзавкомовского строительства наблюдались в меховой, обувной, лесной, химической и некоторых других отраслях промышленности (80). Несмотря на то, что темпы фабзавкомовского строительства по сравнению с дооктябрьскими с ноября 1917 г. по март 1918 г. упали на 6–8 %, в это время в среднем образовывалось до 222, а в последующем — и до 227 фабрично-заводских комитетов в месяц.

В региональном плане наиболее быстрое развитие фабзавкомов наблюдается на севере России, в Центрально-Чернозёмном и Вятском районах. Но в абсолютном выражении наибольшее количество вновь созданных фабзавкомов приходится на ЦПР: в ноябре — марте 1918 г. здесь их возникает 556, а в марте — августе 1918 г. — 401.

Если же говорить об общих итогах фабзавкомовского движения, то его характеризуют следующие показатели: в Московской области уже к 1 марта 1918 г. из 326 обследованных предприятий только 7% не были охвачены органами рабочего самоуправления и контроля. В целом по России фабзавкомы функционировали на 84,6% обследованных фабрик и заводов с числом работающих от 200 до 500 человек, контрольно-хозяйственные комиссии — на 62,4%; на предприятиях с числом работающих от 500 до 1 000 соответственные цифры были 88,3% и 75,8%; а на предприятиях с количеством рабочих от 1 000 до 5 000 — 92,3% и 83,4%.

Что же касается промышленных гигантов, где число рабочих превышало 5 тысяч, фабрично-заводские комитеты существовали везде. Наибольшее количество органов рабочего самоуправления действовало в текстильной промышленности — 843; пищевой промышленности — 735; машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности — 662; кожевенной, меховой и обувной промышленности — 542; деревообделывающей — 422. На момент начала развернутой национализации в стране действовало 4 398 фабрично-заводских комитетов и 2 371 контрольно-хозяйственная комиссия.

Из них 2412 фабзавкомов и 1604 комиссии действовали в Московском промышленном районе (81).

Преимственность сохранялась и в направлениях деятельности фабрично-заводских комитетов. Здесь изменения общей политической ситуации в стране сказались с ещё большей задержкой, чем на процессе возникновения органов рабочего контроля на новых предприятиях.

По-прежнему основной для фабзавкомов оставалась снабженческая деятельность. Здесь происходившие в стране перемены часто не облегчали, а, наоборот, осложняли задачи, стоящие перед рабочим самоуправлением. Так, 18 марта 1918 г. завком Тульского патронного завода обсуждал постоянную нехватку топлива. Отмечалось, что если с нефтью, несмотря на “расстройство транспорта”, вопрос решить можно, то “что касается угля, то дело обстоит ещё хуже”, т. к. “гражданская война окончательно подорвала доставку угля”. Ситуация усугубилась начавшейся на заводе конверсией.

Те же проблемы стояли и перед завкомом другого тульского гиганта — оружейного завода. На заседании 17 апреля 1918 г. заводской комитет рассматривает отчет своего представителя Осташева о его поездке в Саратов за нефтью. Посланная в Саратов прежняя делегация рабочих вернулась ни с чем — нефть, заготовленная для завода, оказалась реквизированной. Осташев настаивал на создании в Саратове специального представительства от завкома, чтобы контролировать снабжение нефтью, что и было постановлено предпринять. 1 июля 1918 г. ЦЗК ТОЗ была обсуждена проблема острой нехватки стали. Было выяснено, что на Ижевском заводе имеется её излишек, после принятых мер угроза остановки была вновь снята (82).

Одним из главных вопросов о снабжении предприятий топливом стал на II майской конференции органов рабочего самоуправления Костромы. На ней факты недостатка сырья и примеры успешного решения фабзавкомами топливно-сырьевой проблемы подвергались всестороннему анализу и обсуждению (83). Обсуждалась снабженческая деятельность на VI делегатском собрании фабзавкомов Иваново-Кинешемской области. Оно проходило с 25 по 27 августа 1918 г. и собрало 367 человек с правом решающего и 7 с правом совещательного голоса. Центральным стал доклад председателя губсовнархоза С.К. Климохина о состоянии дел с основным для области видом сырья — хлопком. Дело было настолько тяжелым, что докладчик предложил сконцентрировать усилия лишь на сохранении наиболее жизнеспособных предприятий, поскольку всё равно “спасти всю промышленность невозможно” (84).

Фабзавкомам приходилось брать на себя заботу не только о снабжении сырьём, но и о его качестве. Так, на совещании завкома Московского металлического завода в последних числах ноября 1917 г. в докладе о “состоянии материалов на заводе” указывалось,

что “тульский... чугуны не соответствуют... назначениям”. Было решено откомандировать в Тулу за качественным чугуном члена завкома Скачкова. Взял под свой контроль качество поступающего на фабрику сырья и фабком прядильного предприятия товарищества Ясюнинских Иваново-Кинешемской области (85).

Под контролем рабочих комитетов оставалось также продовольственное снабжение. Рабочий комитет фабрики Севрюгова Иваново-Кинешемской области для обеспечения рабочих продуктами питания установил прямые контакты с крестьянством. Фабзавком Шуйско-Тезинской мануфактуры с той же целью принял решение об отпуске рабочих с предприятия на самостоятельную уборку хлебов. Решали продовольственный вопрос и фабзавкомы фабрик т-ва Полушина и других предприятий ЦПР (86).

Контроль над снабжением предприятий служил важной школой для рабочих в обучении руководству производством в целом. Рабочие комитеты в этом направлении могли выходить и на общие вопросы управления производством. Так, когда на заводе “Динамо” сложилась критическая ситуация и обеспечить завод топливом и сырьём в полном объёме уже не представлялось возможным, завком предприятия решился на радикальные меры. Учитывая позицию рабочих завода и по согласованию с государственными организациями, фабзавком приступил к проработке мер по проведению производственной реконструкции. Шаг этот был достаточно ответственным, поскольку речь могла пойти о сокращении и даже о полном прекращении производства (87).

Постепенное овладение навыками управления в условиях кризиса рыночных инфраструктур демонстрировал завком Московского металлического завода. Проверка, проведённая комиссией продажи, выявила на заводе излишек металла в 30 тыс. тонн. В то же время завод испытывал острый недостаток в финансах. 2 декабря 1917 г. вопрос этот был вынесен на общее собрание рабочих. После обсуждения было поручено завкому реализовать имеющиеся излишки, “с наказом продать только пролетарским организациям”. Успехи в снабженческой деятельности уже 7 числа того же месяца позволили завкому завода Гужона обратиться в Военно-революционный комитет Москвы с просьбой назначить на предприятие новое правление, в котором бы половину мест получили рабочие. Подобные факты красноречиво говорят о важности этой формы деятельности для становления органов рабочего самоуправления (88).

Ещё одним важным участком деятельности фабзавкомов оставалась борьба за поддержание производства и производительности труда, как это было на Куваевской мануфактуре, фабрике Морокина, где фабком ведал вопросами ремонта оборудования и переводом предприятия на выпуск новых тканей, на целом ряде других

предприятий (89). С возмущением сохранить производство обратился к цеховым рабочим комитетам своего предприятия ЦЗК Тульского оружейного завода. В нём говорилось: “В интересах цеховых комитетов, как *рабочих организаций*, первым по важности должен стоять вопрос оставить предприятие работающим и ни в коем случае не допускать то или иное предприятие к закрытию. К тому же в Заводском Комитете имеется телеграмма, в которой ясно указано, что если производительность на заводе поднята не будет, то Оружейный завод может быть закрыт” (90). Благодаря активной позиции фабзавкома на фабрике Каретникова к январю 1918 г. удалось не только сохранить производство, но и добиться его расширения. Старался “всеми силами и средствами поддержать и поставить на должную высоту” работу своего предприятия фабзавком фабрики А. Каретникова, о чём не без гордости им сообщалось в одном из писем в правительственные органы. По признанию экспертов, деятельность фабзавкома фабрики действительно увеличила интенсивность труда и способствовала выживанию предприятия (91).

Необходимость поддерживать производительность труда напрямую выводила фабзавкомы на проблему квалификации работающих на предприятии. На августовском делегатском собрании иваново-вознесенских фабзавкомов было принято решение “провести разгрузку фабрик от пришлых элементов и зажиточного крестьянства”. Очистить предприятие от деревенских элементов, которые и так могут прокормиться на земле, было решено на Тульском патронном заводе. Под руководством союза металлистов вёл работу по “разгрузке” завком Тульского оружейного завода. В декабре 1917 г. эти меры были закреплены в решениях Тульского совета ФЗК, предпринимавшего все возможные меры, чтобы не допустить чрезмерной безработицы и голода. В его рекомендациях предприятиям города было так и записано: “уволить крестьян, которые могут жить за счет земли”, а заодно и “торговцев, поступивших на завод во время войны” (92).

Бедственное состояние фабрик и заводов заставляло ФЗК налаживать деятельность по поддержанию чистоты, порядка и гигиенических норм на рабочих местах. На шуйской фабрике Посылина рабочие постоянно болели из-за разбитых окон. Им пришлось обратиться в фабком. Их ходатайство было рассмотрено 7 ноября 1917 г. Комитет постановил удовлетворить претензии рабочих и мастеровых и довести до администрации, “чтобы она постаралась распорядиться вставить окна в заводских рамах в кратчайший срок, иначе невозможно работать, ибо страшный холод и сквозняк”. На Тульском оружейном заводе 6 августа разбирались другая проблема — рабочие одного из цехов жаловались, что пропало освещение, а электромонтер не исправляет провод и работу приходится заканчивать преждевременно (93).

В поле деятельности фабзавкомов оставалась не только производственная, но и бытовая сторона жизни рабочих. Об этом в прежние годы писалось вскользь, поскольку на первом месте среди причин, подталкивающих фабзавкомы к этому, было то же бедственное положение рабочих, что и до Октября.

Более того, после революции материальное положение рабочих продолжало ухудшаться. По свидетельствам, собранным Д. Далиным, заработная плата к середине 1918 г. “стояла довольно низко”. Для ЦПР ситуация усложнялась ещё и тем, что расценки здесь различались не только в зависимости от отрасли, но и города, в котором находилось конкретное предприятие, что в ряде случаев вызывало конкуренцию между самими рабочими. Выше всего расценки были в Москве — более 15 рублей в день, а уже в Московской губернии расценки составляли всего 11 рублей 73 копейки. Наиболее плохо труд оплачивался в Калужской и Владимирской губерниях — соответственно 9 руб. 76 коп. и 9 руб. 59 коп. Как отмечалось в циркулярном письме союза металлистов Тулы всем заводским и расценочным комиссиям, “ввиду непрекращающегося обесценивания денег и продолжающегося возрастания цен на предметы первой необходимости реальная заработная плата отстаёт от с каждым днем возрастающих цен”. Голод стал постоянной угрозой для рабочих, особенно для рабочих ЦПР, где потребление в пище калорий на одного взрослого члена рабочей семьи в дневном рационе в марте — апреле 1918 г. была ниже на 1 571 калорию, чем у рабочих чернозёмных губерний (94).

В силу этих причин на Тульском оружейном заводе, Иваново-Вознесенской ткацкой мануфактуре, а также на некоторых других предприятиях региона на первом месте оставалось регулирование фабзавкомами заработной платы (95). На Судаковском заводе фабком добивался одинаковых со всеми рабочими прав оплаты труда для бондарей, а также замены должностей, временно занимаемых военнопленными, русскими рабочими для сокращения безработицы в металлопромышленном крае. Фабричные комитеты ряда тульских предприятий решали вопросы оплаты надомного труда. Те же вопросы рассматривали и координирующие структуры фабзавкомовского движения этих и прочих промышленных городов ЦПР (96).

Среди прочих вопросов социально-бытового характера фабзавкомы продолжали заниматься больничным обеспечением рабочих, как это было на Тульском оружейном заводе. В их ведении находились социальное страхование и социальное призрение. Фабзавкомы обеспечивали рабочих жильём. С целью поддержать своих рабочих продолжали вмешиваться фабзавкомы и в регулирование рынка труда, что видно по активности в этой области рабочего комитета патронного завода Тулы, льноткацкой фабрики А.И. Сорокина в Иваново-Вознесенске и некоторых других предприятий (97).

Рассматривали фабзавкомы и вопросы культуры и досуга рабочих. Эта сторона их деятельности также не получила в прошлой историографии достаточного внимания. Очевидно, историки сознательно согласились пожертвовать достаточно важным направлением в освещении проблемы “культурной революции”, чтобы не давать повода для реанимации симпатий в научной среде к идеям А.А. Богданова о “пролетарской культуре”. Хотя, конечно, прямые связи между богдановскими идеями, пропагандой его учеников и деятельностью органов рабочего представительства предположить сложно (98), но то внимание, которое фабзавкомы отводили культурно-просветительской деятельности, свидетельствует, что рабочие вовсе не были классом, не способным к самобытной и самостоятельной культурной деятельности.

Регулярно проблемы просвещения и досуга рабочих обсуждались фабзавкомом Судаковского завода. Первостепенное значение культурно-просветительской работе придавал завком завода Гужона. Курировал органы образования при предприятии рабочий комитет Тульского сахарорафинадного завода, обратившийся к Главсахару с ходатайством о покупке учебников за счет культурно-просветительской комиссии и ассигновании на эти цели 7000 рублей. Часто фабзавкомы организовывали курсы, лекции и другие подобные мероприятия собственными силами. Так, культурно-просветительская комиссия Судаковского завода обратилась к рабочим предприятия с просьбой оповестить всех “неграмотных рабочих” об открытии специальных курсов. На занятия могли ходить как работающие на заводе, так и члены их семей (99).

Ещё меньше, в плане объективности историков, повезло такому аспекту культурной деятельности фабзавкомов, как взаимоотношения с церковью. Вместе с тем, учитывая настроения рабочих, тактика фабзавкомов здесь разительно отличалась от воинственной позиции революционной власти в Москве. В этом смысле показательна уравновешенность, с которой подошёл к этому вопросу завком оружейного завода Тулы. Им была заслушана письменная просьба протоиерея Кутепова собрать процентные отчисления на нужды собора. Так как, по утверждению протоиерея, большинство молящихся в соборе составляли рабочие завода, он видел целесообразным прямое финансирование собора со стороны рабочих организаций и дирекции.

Обсудив ходатайство, завком постановил: “Ввиду отделения церкви от государства и возложения обязанности содержания причтов и храмов на коллективы прихожан на основаниях добровольных отчислений, признать для заводского комитета невозможным предлагать рабочим завода делать процентные отчисления на нужды Успенского собора и предложить причту Успенского собора непосредственно обратиться со своей просьбой к посещающим собор”. Некоторое

время спустя, когда вопрос о причте обсуждался в связи с приказом о расформировании военного духовенства, дело приняло иной оборот. Отметив, что “церковь завода самая древняя в Туле, основана в 1649 году и представляет собой памятник старины”, а также то, что причт работает не только в самой церкви, но “и непосредственно в мастерских”, решено было “выделить ему оплату как всякому служащему” (100).

Как мы видели выше, одной из наиболее важных особенностей дооктябрьского фабзавкомовского движения была сильная объединительная тенденция внутри него. Отмечая, что Октябрь не стал временем коренного перелома внутри движения за рабочее самоуправление на производстве, можно сказать это и о процессе интеграции фабзавкомов. В первые месяцы после Октября продолжали действовать старые и возникать новые структуры, укреплявшие единую общенациональную систему органов рабочего представительства.

Прежде всего это относится к региональным центрам фабзавкомовского движения. Об их деятельности можно судить на примере Губернского Совета ФЗК Тулы, работавшего в контакте с экономическим отделом Московского промышленного района и Центральным Всероссийским экономическим отделом. При ГС ФЗК было образовано три отдела: статистический, контрольный и по демобилизации. В частности, статистическим отделом было подготовлено подробное анкетирование предприятий губернии по 41 вопросу (101). ТГС ФЗК занимался очень широким кругом проблем. Так, на одном из Общих собраний Совета, проходившем совместно с представителями от земства и союза крестьянских товариществ рассматривался вопрос регуляции рынка сельхозмашин. Выступавший на собрании с докладом по этому вопросу Лебединский, подробно проанализировал спрос и цены на эту продукцию, их динамику и причины колебаний рыночной конъюнктуры. Занимался Совет фабзавкомов вопросами предотвращения безработицы, улучшения социально-бытового положения рабочих, культурно-просветительской деятельностью (102). О действенности принимаемых ТГС ФЗК мер можно судить на основе доклада члена совета ФЗК Кислякова, который на совместном заседании ТГС ФЗК от 31 декабря 1917 г. сообщал о ликвидации кризиса на Тульском железопрокатном заводе. Из-за отказа заказчиков выкупать продукцию завода на нём скопились огромные залежи кровельного железа. В то же время на скобяных фабриках города, наоборот, из-за нехватки металла возникла реальная угроза закрытия. В результате посредничества Совета ФЗК ситуация и на Тульском железопрокатном заводе, и на скобяных фабриках была урегулирована (103).

Аналогичной деятельностью занимались Центральные Советы ФЗК Иваново-Вознесенска и Объединенное бюро ФЗК Шуи. В частности, ОБ ФЗК Шуи организовывало снабжение предприятий

продуктами питания, причём не отказываясь от сотрудничества по этому вопросу с Шуйским обществом фабрикантов и заводчиков, о чём сохранились документы в фондах последнего (104).

Важную роль в развитии фабзавкомовского движения выполняла центральная фабзавкомовская печать. Прежде всего это касается журналов “Новый путь” и “Рабочий контроль”, подробно освещавших вопросы местного самоуправления и рабочего контроля.

Испытывая постоянный голод в информации с мест, журналы обращались с призывом к своим потенциальным читателям: “Каждый рабочий, борющийся за рабочий контроль, должен сотрудничать в “Новом пути”. Пишите, товарищи, не стесняйтесь формой и изложением”. Как представляется, призывы эти особого успеха не имели (вероятно, из-за незначительности тиражей) — на страницах как одного, так и другого журнала письма рабочих практически не появлялись, зато на страницах журналов публиковалась полезная для активистов-фабзавкомовцев информация: постановления правительства, Советов народного хозяйства, декреты, образцы уставов. Значительное место на их страницах занимали материалы Ю. Ларина, Е. Рубина, Б. Фрумкина, И. Кана, Г. Торчинского и др. Главное, что объединяло все эти материалы, это адресат, которому они предназначались, — низовые органы рабочего самоуправления, *фабзавкомы*. В одном из номеров “Нового пути” по этому поводу так и говорилось: “Каждый фабрично-заводской комитет и каждый районный Совет должен быть подписчиком своего журнала” (105).

Редакции журналов были также тем местом, куда каждый рабочий, каждый член фабзавкома мог прийти и обратиться со своими заботами и получить методическую литературу и помощь специалистов. Объявления об этом печатались на страницах этих журналов.

Свою роль в этот период сыграл и образованный в самый канун Октябрьской революции Всероссийский Центральный совет фабрично-заводских комитетов. Большая заслуга принадлежит ему в подготовке целого ряда декретов и постановлений Советской власти, в частности Декрета ВЦИК и СНК об учреждении ВСНХ. ВЦС ФЗК фактически явился инициатором сбора документов по истории рабочего контроля и рабочего самоуправления в период революции. Однако координирующая деятельность Центрального совета фабзавкомов так и не стала важным фактором развития фабзавкомовского движения. После решения о его расформировании часть аппарата ЦС ФЗК переходит в Северный Совнархоз, часть в московские ведомства, часть распылается по низовым структурам фабзавкомов, совнархозов, Советов и профсоюзов. В 1918 г. после консультаций и предварительного совместного обсуждения, на котором присутствовали представители ВЦСПС, ЦС ФЗК и президиума VI петроградской конференции ФЗК, было разослано Циркулярное письмо ВЦСПС, в котором отме-

чалось, что, “согласно намеченным принципам”, все функции, выполняемые Центральным советом ФЗК, передаются соответствующим производственным объединениям, центром же фабзавкомов, согласно этому циркуляру, становился сам ВЦСПС (106).

Постепенно, однако, под воздействием внешних условий начинает меняться и лицо фабзавкомовского движения. Характерной особенностью фабзавкомовского строительства послереволюционного времени, важность которой трудно переоценить, было смещение основного вектора развития фабзавкомовского движения: если прежде оно развивалось среди наиболее передовых групп пролетариата, то теперь фабзавкомы возникают в основном *на мелких* предприятиях с числом рабочих до 50 человек. С ноября 1917 г. по март 1918 г. на них возникл 521 фабрично-заводской комитет, или 31,9%. В последующий же период их количество увеличилось ещё на 674 фабзавкома, или на 41,3%. Такими же темпами на мелких предприятиях шло образование специальных органов рабочего контроля. Из общего количества фабзавкомов, известных по переписи 1918 г., треть действовала именно на предприятиях с числом работающих до 50 человек.

На крупных предприятиях картина была прямо противоположной. Здесь темпы образования новых фабзавкомов резко падают. Так, согласно опять же промышленной переписи 1918 г., на индустриальных гигантах с числом рабочих свыше 5 000 человек к окончанию первого года “диктатуры пролетариата” действовало 23 фабзавкома и 22 контрольные комиссии. В первые месяцы после Октября из этого числа было образовано только 3 новых фабрично-заводских комитета и 13 контрольных комиссий. После же марта на крупных предприятиях фабзавкомы вообще больше не образовывались, а контрольных комиссий возникает всего две. Таким образом, хотя перепись *не охватила всех* заводов и фабрик Европейской России, очевидно, что *количественный ресурс органов рабочего самоуправления на предприятиях этого типа был исчерпан*.

На заводах с числом рабочих от 1 000 до 5 000 до стопроцентного охвата органами рабочего самоуправления было ещё далеко, но и там темпы фабзавкомовского строительства после Октября начинают падать. В ноябре 1917 г. — марте 1918 г. на них возникло только 23 фабзавкома (10,6% от общего количества), а с марта по август — 10 (4,6%).

Более высокие, чем на промышленных гигантах, но по сравнению с мелкими промышленными заведениями также весьма незначительные темпы образования органов рабочего самоуправления установились на средних предприятиях с числом рабочих от 200 до 500 человек. В ноябре 1917 г. — марте 1918 г. на них организовано 78 фабзавкомов, или 15,3%, а по август 1918 г. всего 62 фабзавкома (12,1%). Аналогично дело обстояло на предприятиях, где численность

рабочих колебалась от 500 до 1000 человек. Здесь из 227 существовавших на них фабзавкомов с ноября 1917 г. по март 1918 г. было создано всего 19 комитетов, или 8,4% и ещё меньше — 14 комитетов (6,1%) с марта по август 1918 г. (107).

Само по себе это, конечно, ещё не говорило о том, что фабзавкомовское движение исчерпало себя. Общий его рост продолжается, а весной 1918 г. даже увеличился на 2% в месяц по сравнению с осенью 1917 г. и зимой 1917—1918 гг. Но если посмотреть на развитие ФЗК не только с количественной точки зрения, но и с точки зрения изменений организационной структуры и овладения им новыми формами деятельности, то противоречивость развития фабзавкомовского строительства после Октября станет ещё очевидней.

Об этой стороне развития фабзавкомовского движения можно судить по ряду дополняющих друг друга источников. Эти источники могут быть объединены и сгруппированы в две коррелирующие между собой базы данных.

Во-первых, это факты осуществления в послеоктябрьский период рабочего самоуправления на конкретных предприятиях. Помимо приведённых выше, нами было проанализировано ещё около 80 фактов, упоминаемых в литературе, и около 340 по архивным источникам. Эти данные охватывают примерно 110 заводов и фабрик ЦПР, или около 2% от общего количества находящихся в нем предприятий, исследованных во время переписи 1918 г., и около 5% от тех из них, на которых к концу изучаемого периода действовали фабзавкомы. Репрезентативно выборка так же соответствует общим показателям по промышленным заведениям ЦПР: около 50% рассматриваемых фактов рабочего самоуправления и контроля приходятся на мелкие предприятия, около четверти — на предприятия с количеством рабочих до 500 человек. Ряд случаев рабочего вмешательства в управление производством отмечен в этом периоде для таких гигантов, как “Динамо”, Московский металлический завод, Ликинская мануфактура и др. В основном речь идет о заводах и фабриках, расположенных в Москве, Иваново-Вознесенске, Туле, Шуе, Кинешме, а также Нижнем Новгороде, Сормове, Рязани, Ярославле, Смоленске, Владимире, Покрове, Кулебаках, Вичуге, Костроме, Юрьеве-Подольске, Тейкове, Коврове, Тынцове, Калуге, Коломне, Выске, Кохме, Подольске, Богородске, Рыбинске, Серпухове, Твери, Орехово-Зуеве, Раменском, на станции Химки.

Анализ этого материала показывает, что наиболее частыми, до 45%, были случаи рабочего самоуправления, связанные со снабжением предприятий, затем шла культурно-просветительская деятельность — 15% случаев. На одном из последних мест (3%) факты финансового контроля. Случаев переориентации производства — 2% от общего числа проявлений рабочего самоуправления, участия же в конверсии

— 8%. В найме и увольнении — 6%. Около 90% фактов проявления рабочего самоуправления приходится на частные предприятия, 2% — на предприятия с невыявленной формой собственности, на государственные — 8%. В 80% управленческие и хозяйственные решения принимались без взаимодействия с государственными органами. Из них около четверти — фабзавкомами совместно с профсоюзами и другими рабочими организациями.

Во-вторых, важное значение имеют те немногие материалы, которые показывают картину качественного состояния фабзавкомовского движения не только на отдельных предприятиях, но и *в целом*. Так, по данным промышленной и профессиональной переписи, даже там, где фабзавкомы существовали, они далеко не всегда участвовали в управлении производством, ограничиваясь, как и в первые месяцы после Февраля, пассивным контролем. На предприятиях с числом рабочих до 50 человек этот показатель составлял примерно 60% для фабзавкомов и около 55% для контрольных органов. На предприятиях с числом рабочих до 1000 человек этот показатель колебался от 62% до 76,6% для ФЗК и от 57% до 74% для специальных контрольных комиссий. Только лишь на крупных предприятиях эти показатели были близки или составляли 100% (108).

Важным источником, позволяющим судить о качественной стороне фабзавкомовского строительства в послеоктябрьский период, является доклад Леймана о положении промышленности Москвы, прочитанный им на Московской конференции фабзавкомов и опубликованный журналом “Рабочий путь” (109). Базой для доклада было проведённое Отделом Районов С.Р. и С.Д. очередное анкетирование московских промышленных заведений и учреждений. Материалы анкетирования не были полными, но их можно считать достаточно представительными, т. к. охвачены были все районы. Ответы были даны на 600 предприятиях с общим количеством работающих 150 тыс. человек. Наиболее полная информация была собрана по Городскому, Сокольническому, Бутырскому и Пресненскому районам. Наиболее неорганизованно анкетирование прошло в Замоскворечье.

На вопрос анкеты “Существует ли заводской комитет?” в 88% случаев ответ был положительный, в 12% — отрицательный. Следует, однако, отдавать себе отчет в том, что эти данные в целом должны были изначально оказаться завышенными, т. к. реально обследование могло проводиться только там, где существовали сильные рабочие организации.

В этом смысле показательно, что наиболее высокое развитие фабзавкомов было зафиксировано в Рогожском, Симоновском и Лефортовском районах. В то же время в таких пролетарских районах города, как в Пресненском и Городском, показатели были значительно ниже. Понятно, что это объясняется не отставанием там темпов

фабзавкомовского строительства, а более полной, следовательно, более объективной информацией.

Доклад Леймана подтверждает и сделанный выше вывод, что теперь фабзавкомовское движение развивалось в основном за счет мелких предприятий: прачечных, хлебопекарен, обувных мастерских и пр., т. к. на многих из них фабзавкомов прежде не существовало.

В период со времени предшествующего анкетирования в развитии фабзавкомов наметилась тенденция разрыва между рабочими и служащими при образовании органов заводского самоуправления, а также в характере выдвигаемых ими требований. Доля объединённых комитетов сократилась с 45% до 29%. Комитеты служащих всё откровенней отказывались от сотрудничества с рабочими комитетами по вопросу о контроле. *“Они признают государственный контроль и не работают над широким кругом задач, выдвинутых заводскими комитетами”*, — подчёркивалось в докладе. Кроме того, *“только 28% из них разделяют борьбу рабочего класса за полный отказ от собственности”*, т. е. в отличие от рабочих, выступающих за переход к социалистическим формам хозяйствования на базе трудовой демократии, служащие выступали за частную собственность в области экономики и за государственное вмешательство в жизнедеятельность предприятий в сфере управления.

Материалы анкетирования позволяют также судить и о формах рабочего контроля в послеоктябрьский период. Они, в частности, рисуют следующую картину функциональной направленности деятельности фабзавкомов и соответствующую им организационную структуру. Различного рода специализированные комиссии существовали на 60% предприятий. В основном это продовольственные, культурно-просветительские и религиозные, реже — конфликтные, расценочные, технические, театральные, столовые комиссии. В докладе подчёркивалось, что при правительстве Керенского деятельность комиссий носила более поверхностный и несамостоятельный характер, выборы в них часто были пустой формальностью. Однако на вопрос о существовании контрольно-хозяйственных комиссий положительный ответ дали лишь на 48% предприятий, что примерно соответствует данным, полученным нами в результате анализа фактов рабочего самоуправления на предприятиях других городов ЦПР, а также данным, приводимым Дробижевым в целом по России на материалах промышленной переписи.

По данным анкеты, рабочий контроль реально осуществлялся лишь на 73% предприятий, причём без учета его глубины, направленности и эффективности. Причём 27% фабзавкомов для установления рабочего контроля вообще ничего не предпринимали.

В докладе отмечалось, что там, где рабочий контроль всё же существовал, больше всего фабзавкомами было сделано в плане учёта

и снабжения сырьём и топливом: анкета отмечает факты контроля над положением дел с сырьём на 32% обследованных предприятий и ещё на 27% факты контроля над положением дел с топливом. При этом на 30% предприятий фабзавкомы не только контролировали, но и участвовали в снабженческой деятельности, что почти полностью совпадает с результатами, полученными нами. На 23% московских предприятий ФЗК принимали участие в контроле за заключением заказов.

Из-за “недостатка сведущих лиц” в докладе отмечалось слабое развитие финансового контроля. Предпринятые же попытки привлечь банковских служащих (“товарищей из банков”) к рабочему контролю на предприятиях пока, по свидетельству докладчика, реального результата не давали. Тем не менее им был назван очень, на наш взгляд, высокий процент предприятий, на которых финансовый контроль получил развитие, — 18%, что, по нашему мнению объясняется расширенным толкованием понятия “финансовый контроль”. В частности, в докладе никак не отражена такая хорошо известная по другим источникам форма деятельности фабзавкомов, как контроль над уровнем зарплаты, выплатой отпускных, пособий и т. п., что позволяет предполагать, что эти, а вероятно, и некоторые иные формы деятельности фабзавкомов учитывали по статье “финансового контроля”. Но даже если это не так, то названная в докладе планка развития финансового контроля позволила самому Лейману утверждать, что финансовый контроль развит “слабее всего”.

И ещё один характерный штрих — на вопрос, приступали ли органы рабочего контроля к изменениям в ходе производства предприятий, получен ответ: приступали в 9%, не приступали в 91%. Всё это предопределило и общие результаты деятельности фабзавкомов. Несмотря на такое широкое распространение фабричных и заводских комитетов, контрольных комиссий и других органов рабочего самоуправления, им так и не удалось приостановить надвигающийся экономический кризис. По данным анкеты, производство сократилось на 51% обследованных предприятий, и сокращение это продолжалось. Если до Октября объём сокращения производства колебался вокруг цифры в 45%, то теперь эта цифра увеличилась почти на 10%. На ряде предприятий сокращение производства достигало 27%, а то и 40%.

И тем не менее трудно не согласиться с основным выводом Леймана, что основными органами рабочего самоуправления непосредственно на предприятиях, несмотря ни на что, оставались именно фабзавкомы. Так, на вопрос об участии в работе контрольных органов представителей от профсоюзов получен следующий ответ: в 93% представители не присланы, участвуют лишь в 7% предприятий. “Профессиональные союзы не провели достаточно быстро организационную связь с комитетами заводов”; — отмечалось на конференции фабзавкомов по этому вопросу (110).

Сведения по Москве перекликаются с аналогичными данными по другим губерниям ЦПР. Так, большинство фабзавкомов текстильной промышленности Ярославля, если судить по их отчётам на I районной конференции в августе 1918 г., в основном занимались проблемой сырья, затем шли организация ремонта оборудования, участие в найме и увольнении рабочих и т. п. (111) Такая же ситуация прослеживалась в деятельности фабзавкомов и на предприятиях других отраслей промышленности этой губернии (112).

Таким образом, мы видим, что, несмотря на рост количества органов рабочего самоуправления на производстве, налицо усиление стагнационных явлений внутри движения за рабочее представительство. Проявилось это не только в том, что содержание этого движения начинают определять периферийные, социально мало мобильные отряды рабочего класса, приступившие к самоорганизации только в условиях, когда на утверждение рабочего контроля работала вся мощь нового государства. Происходит также консервация форм деятельности фабзавкомов. С одной стороны, вроде бы придание органам рабочего самоуправления официального статуса требовало от них перехода к более сложным формам организации производства. Но с другой стороны, инерция прошлых месяцев и вновь возникающие трудности не давали возможности фабзавкомам перейти на новую, более высокую ступень организации рабочего представительства. (Примечателен в этом отношении пример с участием фабзавкомов в конверсии промышленности. Это новое для органов рабочего представительства приложение усилий, казалось бы, открывало перед ними широкие возможности саморазвития. И действительно, если бы не фабзавкомы, конверсию провести бы не удалось. Но на практике деятельность рабочих комитетов по переводу предприятий на мирные рельсы свелась к все той же снабженческой, контрольной и другим первичным формам деятельности, давно практиковавшимся ими. В принципе то же самое можно сказать и по задачам, ставшим перед заводскими и фабричными комитетами по проведению национализации.)

В этом смысле принципиально важной можно назвать доминирующую тенденцию развития фабзавкомов: как мы можем судить по тому, на что в основном были направлены их усилия, эволюция их шла в сторону органов экономического самоуправления, а не низовых органов административного управления. Фабзавкомы всё отчетливее проявляли себя хозяйственными организациями, что резко контрастировало с попытками придать им статус низовых звеньев государственного управления.

В силу этого начинает тормозиться и процесс организационной перестройки органов рабочего самоуправления. Структурно фабзавкомы остаются на уровне предоктябрьского развития. Некоторый же

рост в их структуре числа контрольно-хозяйственных, культурно-просветительских, социально-бытовых и прочих комиссий был вызван не столько экономической целесообразностью, сколько привнесёнными факторами, среди которых важнейший — влияние нормотворческой деятельности центральных органов рабочего самоуправления, директивно пытавшихся распространить передовой опыт на *все* фабзавкомы. В частности, контрольные комиссии в качестве *единственных* органов, *которым разрешалось осуществление функций рабочего контроля*, провозглашались в специальной инструкции Экономического отдела Моссовета от 25 ноября 1917 г., призывы к их созданию звучали в “Руководстве по рабочему контролю” от 6 января 1918 г. ЦС ФЗК, Циркулярном письме “Всем фабрично-заводским комитетам металлообрабатывающей промышленности в г. Москве и окрестностях” Контрольно-производственной комиссии профсоюза металлистов (113) и др.

Наконец, мы видели, что фабзавкомы, помимо того, что они были органами самоуправления, носили на себе элементы революционных организаций. После Октября потребность в этой их функции в значительной мере отпадает. Снижается и степень чрезвычайности ситуации, явившейся в прошлом одним из компонентов, способствовавших фабзавкомовскому строительству. Хотя и после Октября остаётся потребность отстаивать свои права перед предпринимателями, теперь эта функция всё больше переходит от фабзавкомов к государству.

Что же касается интеграционных процессов, то здесь мы также не видим каких-либо существенных положительных достижений. Наоборот, хотя объединительные тенденции сохранялись, теперь они несколько ослабевали в связи с появлением совнархозов, а так же предусмотренных Постановлением от 14 декабря 1917 г. Советов рабочего контроля (114).

Понятно, что сами по себе эти противоречия не несли прямой угрозы самостоятельности органам производственной демократии, каковыми являлись фабзавкомы. Но они могли существенно сказаться на способности фабзавкомов к сопротивлению неблагоприятным внешним воздействиям в случае их неожиданного нарастания.

МЕТАМОРФОЗЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО КУРСА

Государственная политика большевиков в области взаимоотношений с независимыми рабочими объединениями, как мы видели, не в последнюю очередь определялась соотношением сил между различными группировками в партии, часто совершенно по-разному подходившими к будущему независимых рабочих организаций. Поскольку соотношение сил в партийном руководстве постоянно колебалось,

политика революционного режима в области рабочего законодательства была неровной и противоречивой. Противоречивость эта успела проявиться уже в ходе подготовки первого и самого важного законодательного акта Советского государства в этой сфере — закона о рабочем контроле.

История его принятия достаточно запутанна. В своём первом публичном выступлении после переворота, провозгласив победу революции, в качестве одной из её важнейших задач Ленин назвал учреждение подлинного рабочего управления. Планировалось, что наряду с декретами о Земле и Мире на II Всероссийском съезде Советов будет принят и декрет о рабочем контроле. Несколькими днями раньше ЦК РСДРП(б) дал специальное поручение Милютину подготовить соответствующий проект. Однако, в отличие от декретов о Земле и Мире, санкционированных в первый же день революции съездом Советов как высшим органом власти нового государства (что придавало им более высокий статус и авторитет) (115), закон о рабочем контроле оказался принят со значительной отсрочкой только 14 ноября 1917 г. И при этом — не в форме декрета, а в форме Положения ВЦИК и СНК. Понятно, что объяснить это можно только трениями, возникшими в большевистском руководстве. В результате уже вскоре после завершения съезда Советов разгорелась одна из наиболее принципиальных и важных за всю историю большевистской партии внутрипартийная дискуссия (116).

Как писал впоследствии Г.В. Ципирович, дискуссия эта велась в основном с двух полюсов: между теми, кто считал необходимым переход от “стихийного контроля к государственному”, и более умеренной ленинской позицией, предусматривавшей только один путь преобразований, “чтобы рабочие сами выработали снизу новые основы экономических условий”. По свидетельству современников, ленинские возражения Ципировичу сводились к тому, что рабочий контроль нужно не сворачивать, а развёртывать, пустить в ход силу инициативы масс (117).

Началом дискуссии можно считать появление примерно 26 — 27 октября 1917 г. написанного Лениным проекта будущего закона. Учитывая изложенную в нём позицию, а также позицию, в дальнейшем занятую Милютиным, можно полагать, что причиной, по которой закон о рабочем контроле не был принят на II съезде Советов, явились противоречия между ленинской и милютинской трактовкой этого вопроса.

При оценке ленинского проекта в основном анализируются его положения, позже вошедшие в основной текст Положения от 14 ноября: о безусловном предоставлении рабочим всех документов о состоянии производства, финансов, сырья, а также пункт, делавший решения выборных представителей рабочих и служащих обязательными для

владельцев предприятий, что придавало решениям и деятельности рабочих органов *государственно-обязательный характер* (118). Однако гораздо больший интерес, на наш взгляд, представляет одно положение, исчезнувшее в ходе дискуссии из проекта и которое, войди оно в закон, могло сыграть важную роль в дальнейшем развитии рабочего самоуправления.

Речь идёт о § 8 проекта, который предусматривал, что “более подробные правила” деятельности органов рабочего контроля “будут устанавливаться *местными* Советами рабочих депутатов и конференциями фабрично-заводских комитетов, а равно комитетов служащих на общих собраниях их представителей”. Реально заменившими его § 12 и § 13 декрета предусматривалось, что не местные Советы, а “Всероссийский совет рабочего контроля вырабатывает общие планы рабочего контроля, инструкции, издаёт обязательные постановления, регулирует взаимоотношения районных советов рабочего контроля и служит высшей инстанцией для всех дел, связанных с рабочим контролем... Всероссийский совет рабочего контроля согласует деятельность органов рабочего контроля со всеми другими учреждениями, ведающими делом организации народного хозяйства”.

Низовые советы, как мы видели выше, были *действительными центрами* фабзавкомовского движения. Что же касается созданного Положением от 14 ноября 1917 г. Всероссийского совета рабочего контроля, то, согласно свидетельствам Рязанова, он не сумел собраться и одного раза (119). На самом деле, конечно, это было не так. Согласно имеющимся документам, ВСРК собирался как минимум два раза.

Кроме выборов временного бюро совета, обсуждались вопросы о ближайших задачах органов рабочего контроля и об издании инструкции о рабочем контроле (120). Однако сама инструкция была выработана не ВСРК, а выделенной им комиссией (121). Таким образом, результаты деятельности Всероссийского совета рабочего контроля были столь ничтожными, что даже не все активисты-профсоюзники знали о ней что-либо конкретное.

Кроме этого в § 1 ленинского проекта закреплялась норма, по которой рабочий контроль вводился на всех предприятиях, с числом рабочих от 5 человек или с оборотом не менее 10 000 руб. (122), а согласно § 2 закреплялось право органов рабочего самоуправления определять свой состав самостоятельно. Предусматривалась и возможность контроля *непосредственного*, минуя организацию контроля, чего в Положении от 14 ноября уже не было. В совокупности эти положения демонстрируют суть ленинского отношения к рабочему самоуправлению после победы революции: это государственно-пролетарское регулирование, опирающееся на местную инициативу и на *уже сложившиеся* низовые структуры.

В ходе же развернувшейся дискуссии все эти его определяющие положения были искажены либо вовсе отброшены, и в результате получилось так, что те, кто на словах превозносили рабочий контроль и рабочее самоуправление, на самом деле душили их мелочной регламентацией и пытались искусственно подчинить центральным контролирующим органам. По сути, Ленин вёл полемику с теми, кто пытался, по выражению Э. Карра, весьма искусно обезвредить и упорядочить рабочий контроль, превратив его в широкомасштабное централизованное учреждение (123).

Характерно, что в дискуссии не правительственный орган, а Центральный совет ФЗК предлагал свой проект декрета, в котором и вопрос о рабочем контроле на предприятиях, и вопрос о законодательном закреплении прав фабзавкомов обходились молчанием, зато предлагалось создание центрального государственного органа по экономике — Временного Высшего совета народного хозяйства. В некотором роде его тон мог быть объяснён радикализмом требований, звучавших в тот период в среде активистов фабзавкомовского движения, настаивавших, что “рабочий контроль, чтобы принести все плодотворные результаты, должен быть обнимающим все капиталистические предприятия, а не случайным; организованным, а не бесильным; планомерным, а не оторванным от хозяйственной жизни страны в целом... Экономическая жизнь страны... должна быть подчинена одному плану, составленному в интересах удовлетворения личных и хозяйственных нужд широких масс народа” (124).

Н.К. Крупская в своих воспоминаниях пишет о проходивших в те дни в Смольном консультативных совещаниях комиссии под председательством Ленина, целью которых было согласовать возникшие между сторонами разногласия. В работе комиссии принимали участие Томский, Шляпников, Лозовский, Ципирович и другие. “Часть товарищей говорила о необходимости государственного контроля, — вспоминала Крупская, — который бы заменил собой стихийный рабочий контроль, который сплошь и рядом переходил в захват фабрик и заводов, шахт и рудников, другие считали, что не на всех фабриках надо вводить контроль а только на *более крупных* металлообрабатывающих, на железных дорогах и пр.” Но Ленин в этой дискуссии занял совершенно определённую позицию: инициативу низов нельзя суживать ни в коем случае. По свидетельству Крупской, комиссия согласилась с позицией Ленина, и соответствующий закон был принят (125).

Представляется, однако, что согласование позиций шло сложнее и было достигнуто лишь путём существенных взаимных компромиссов. По крайней мере, при обсуждении на первом заседании СНК 27 октября 1917 г. вопроса о рабочем контроле рассматривались оба проекта: и ленинский, и ЦС ФЗК. И хотя за основу положения о рабо-

чем контроле был взят проект, подготовленный Лениным, по итогам обсуждения в него были внесены принципиальные дополнения об организации всероссийского и местных советов рабочего контроля и некоторые другие связанные с этим положения. Более того, даже в таком виде ленинский проект решено было направить на доработку в специально созданную комиссию в составе Ларина и Милютина. Если наши предположения относительно причин отсрочки принятия декрета о рабочем контроле на II съезде Советов правильны, то такой состав комиссии мог свидетельствовать лишь о том, что ленинская точка зрения вообще не нашла понимания на этом первом заседании нового советского правительства. Второй проект, содержащий положения о создании центрального органа государственного управления экономикой, также не был отвергнут, и оба проекта были переданы в Комиссию труда и были опубликованы для обсуждения пролетарскими организациями в государственной и партийной печати (126).

Дальнейшая доработка в Комиссии труда также складывалась непросто. Не сумев выработать компромиссного с ленинским документа (если такая цель действительно ставилась), В. Милютин и Ю. Ларин подготовили свой проект, существенно отличающийся от предложенного Лениным. Появились и другие проекты. Поэтому на заседании Комиссии труда совместно с представителями пролетарских организаций 5 ноября, а также потом, 9 ноября, и в Петроградском совете профсоюзов обсуждалось уже не два, а четыре проекта: ЦС ФЗК, Ларина и Милютина, ленинский и Временного ЦК Союза металлистов. Суть развернувшихся в эти дни обсуждений сводилась к тому, каким же должен быть контроль — государственным или рабочим (127). Наиболее жесткой критике подвергся именно ленинский подход, дававший наибольший объём прав низовым звеньям системы Советов и фабзавкомам на предприятиях.

Лариным и Милютиным проект Ленина критиковался за чрезмерное преувеличение реальных возможностей рабочего контроля при недооценке значения центрального планирования. Они предлагали своё понимание рабочего контроля, согласно которому надзор за деятельностью администрации не должен был приводить к ограничению её прав и к вмешательству рабочих в производство. Владельцам предприятий отводилась треть мест в регулирующих промышленность органах власти. Делались и другие уступки. В частности, решения рабочих организаций на коммерческих предприятиях теряли обязательную силу для владельцев.

Такая позиция исходила из общих представлений Ларина о зрелости капитализма в России. Он считал сохранение частного капитала в принципе возможным. Взаимодействовать с ним по плану Ларина предлагалось через принудительное синдицирование и образование

крупных акционерных обществ, основой деятельности которых было бы единоначалие, планирование, прибыль. Но с другой стороны, Ларин никогда не отказывался от преимуществ политики национализации. В случае её проведения советскому правительству могли бы потребоваться союзники. Видимо, поэтому осенью 1917 г. Ларин и считал тактически верным сохранить на частных предприятиях в качестве таких вероятных союзников советского правительства самостоятельные рабочие организации. Защищая свою позицию, на заседании Петроградского совета металлистов 9 ноября 1917 г. Ларин возражал радикалам, противникам рабочего контроля, что рабочий контроль вовсе не исключает государственного регулирования и не означает захват предприятий рабочими, поэтому против него рано “идти походом” (128).

Не одобрили ленинский проект и представители профсоюзных верхов. Так, от ЦК металлистов с критикой в адрес проекта предсовнаркома выступал А. Гольцман. “Рабочий контроль — идейный пережиток, — настаивал он, — нужно общее регулирование, а не контроль на отдельных предприятиях”. Гольцман, однако, понимал утопичность подобных планов, поэтому предлагал ограничиться пока системой государственных мер, нацеленных на спасение промышленности Московского и Петроградского районов. Его позиция была поддержана другим представителем ЦК металлистов А.К. Гастевым, ставшим впоследствии одним из вдохновителей упомянутой выше “Платформы рабочего индустриализма”, и С.А. Лозовским, представлявшим ВЦСПС. С похожих позиций выступали на совещании и меньшевики. Как писал позже журнал московских рабочих-металлистов, они обвиняли большевиков в попытках ввести в крестьянской России социализм, уничтожить наёмный труд и санкционировать захват рабочими предприятий (129).

Однако на этот раз ленинский проект получил существенную поддержку. В его защиту выступили руководители ЦС фабрично-заводских комитетов Петрограда Н.А. Скрыпник, Н.К. Антипов и Н.И. Дербышев (130).

Заключительное обсуждение будущего закона о рабочем контроле состоялось на заседании ВЦИК. К тому времени, после внесения в него самых противоречивых правок, бывший ленинский вариант закона, который теперь, по сути, представлял компромиссный проект фабзавкомов и Совнаркома, получил значительную опору в партийных верхах. Лозовский, критиковавший проект за то, что тот якобы служит распылению контроля, в то время как нужно заботиться о его централизации, оказался в меньшинстве. В результате и сам Лозовский согласился проголосовать за проект, если в создаваемые декретом учреждения войдут и профсоюзы, “чтобы поставить дело контроля так, как это соответствует интересам рабочего класса”, т. е. будут

бороться за его централизацию. Ему возражал Милютин, перешедший после произведённых согласований на точку зрения обобщенного проекта. Милютин, выступавший теперь основным докладчиком по проекту, предлагал опереться на готовые формы контроля с тем чтобы объединить его “в один стройный общегосударственный аппарат”. Он пояснял, что “жизнь обогнала нас”, поэтому необходим манёвр, *временная уступка рабочим*, с тем, чтобы подойти к заветной цели социалистического производства с этой стороны (131).

Таким образом, на заседании ВЦИК спор шел уже не о том, развивать ли рабочее самоуправление или нет, а о том, использовать ли его потенциал, пока ещё невозможно наладить государственную плановую экономику, или этого лучше не делать, чтобы не разбудить в рабочих анархо-синдикалистских тенденций. Несущественным диссонансом здесь можно считать лишь слабые попытки умеренных социалистов вообще снять 1 пункт постановления, а как же те его положения, в которых говорилось об обязательности для владельцев предприятий решений органов рабочего контроля. Но реального политического веса умеренные социалисты не имели, и на практике их мнение вряд ли могло быть услышанным (132). Доработанное Положение о рабочем контроле по результатам обсуждения было проголосовано и принято ВЦИК на том же заседании 24 голосами против 10 и на следующий день обнародовано в печати.

Ставший плодом компромисса, закон о рабочем контроле не мог оказаться долговечным (133). Причина его нежизненности коренилась прежде всего в том, что принятый документ носил на себе сильный отпечаток сопутствующих его появлению разногласий. Он напоминал лоскутное одеяло, сшитое из обрывков различных противоборствующих в дискуссии платформ. От ленинского проекта из принципиально важных осталось только два положения — распространение рабочего контроля на все предприятия, а не только на крупные и обязательность решений органов рабочего контроля для владельцев.

Но не добились своего и сторонники жесткого государственного руководства над рабочими организациями. По мнению одного из них, В.Ф. Плетнёва, по сравнению с декретами о Земле и о Мире, положение о рабочем контроле было шагом назад. Сравнивая законы о Земле и о рабочем контроле, он писал о первом как о социалистической революции, тогда как декрет о рабочем контроле, по его словам, являлся “революцией буржуазной”. “С одной стороны, — поясняет он парадоксальное даже для того времени утверждение, — экспроприация экспроприаторов, упразднение частной собственности на землю и средства производства, с другой — сохранение принципа частной собственности — и лишь благая попытка причесать “в интересах регулирования” растрёпаннейший из всех способ производства”.

На основании этого он даже приходил к заключению о “полусоциализме” всей Октябрьской революции (134).

Принятое, по определению Ленина, в “беспомощном” и “случайном” виде положение от 14 ноября 1917 г. не давало ответа ни на один из стоявших тогда перед рабочим движением ключевых вопросов. Во-первых, если рабочий контроль означал управление экономикой “рабочим государством” и больше ничего, то не являлся ли он тогда не более чем синонимом национализации и контроля *при* “рабоче-крестьянском правительстве”? И во-вторых, непояснённым оставался сам механизм осуществления рабочего контроля на практике, поскольку по положению регулированием экономики должны были заниматься и фабзавкомы, и вновь создаваемые контрольные комиссии, и профсоюзы, и Советы, а если учесть и принятый 2 декабря 1917 г. Декрет ВЦИК и СНК об учреждении Высшего Совета Народного Хозяйства, то сюда добавлялись ещё и местные совнархозы.

Возникшая неопределённость заставляла низовые рабочие организации решать эти вопросы самостоятельно. Часть местных активистов твёрдо придерживалась мнения, что контроль, как политика государственная, должен осуществляться Советами. Однако большинство их всё же склонялось к тому, что рабочие организации сами должны осуществлять контроль через свои общероссийские центры независимо от Советов. Позиция эта подкреплялась ещё и тем, что уже на Всероссийской конференции фабзавкомов рабочие комитеты были названы “естественными органами рабочего контроля внутри предприятий” (135).

Тон дискуссии в рабочей среде задавали металлисты. Уже 16 ноября 1917 г. обсуждение этого вопроса провёл Московский областной комитет рабочих-металлистов, на котором его руководители Б. Козелев, Косиор и Козин добивались передачи в ведение профсоюзов экономических отделов при местных Советах. Представитель же центра М. Томский, не возражая в принципе, чтобы рабочий контроль исходил от самих рабочих организаций, категорически возражал против того, чтобы профсоюзы брали на себя ответственность за управление производством. Иначе, по его мнению, складывалась опасная ситуация, когда бы профсоюзы оказывались в положении рабочего и одновременно хозяина (136). Эта же проблема поднималась 23 ноября 1917 г. на I конференции фабзавкомов металлообрабатывающей промышленности и 1 декабря 1917 г. на заседании Центрального бюро профессиональных союзов Москвы, где против позиции руководства московских металлистов с резкой критикой выступил С.Е. Вейцман. Ранее его позиция была ещё жестче, и он выступал против рабочего контроля вообще. Теперь же Вейцман признал значение рабочего контроля, но предлагал сосредоточить работу заводских контрольных комиссий вокруг местных органов власти — Советов (137).

Ситуация накалялась. Трения попытались сгладить на совместном заседании представителей отделов труда райсоветов, Московского совета профсоюзов, экономического отдела Моссовета и Комиссариата труда, состоявшемся 4 декабря 1917. На этот раз было принято, как казалось, компромиссное решение. Планировалось создать в Москве представительной орган рабочего контроля, в который бы вошли 12 представителей от крупных профсоюзов и 6 представителей от Моссовета. Но и это решение удовлетворило профсоюз металлистов не до конца. Уже на следующий день его руководство пошло на создание своего собственного экономического совета по организации рабочего контроля в своей отрасли (138). С аналогичных позиций при принятии решений о структуре органов рабочего контроля выступил в те дни и профсоюз текстильщиков Иваново-Вознесенска, принявший специальную инструкцию о Центральной комиссии рабочего контроля, в которую должны были входить представители от низовых контрольных комиссий, местных советов и профсоюзов (139).

Разногласия относительно того, кому должно принадлежать руководство рабочим контролем, имели под собой вполне определённую подоплёку. Они свидетельствовали о зарождении соперничества между государством в лице Советов и самостоятельными рабочими организациями за руководство экономикой (140). В условиях, когда старая система управления оказалась дезорганизована, а сложившиеся производственные связи нарушены, фабзавкомы стали главной силой, сдерживавшей тяжёлый кризис. Но большевики не готовы были согласиться с этим, поскольку объективно эффективность идущих снизу координирующих связей была в общегосударственных масштабах не так уж и действенна, а положительный результат хотелось иметь немедленно. Всё это в дальнейшем не могло не вести к пересмотру ключевых положений закона о рабочем контроле от 14 ноября 1917 г. вовсе не в пользу самостоятельности рабочих организаций.

Кроме того, последующей *ревизии декрета о рабочем контроле* способствовали и некоторые оплошности законодателей, если, конечно, они не были допущены преднамеренно. Официально § 14 положения о рабочем контроле предусматривал, “что все законы и циркуляры, стесняющие деятельность фабричных, заводских и других комитетов и советов рабочих и служащих, отменяются” (141). И действительно, некоторые решения низовых Советов и контрольных органов шли именно в русле углубления прав рабочих организаций, в частности, речь может идти о разработанной в декабре 1917 г. инструкции Центрального совета фабзавкомов Петрограда. В нём, в частности, утверждалось, что “рабочий контроль над промышленностью... надо понимать не в узком смысле простой ревизии, а, напротив, в широком смысле вмешательства”, т. е. во все производственные процессы (142). Однако большинство документов, принимавшихся

в развитии закона от 14 ноября 1917 г., шло вразрез с положениями, зафиксированными в § 14. И даже Ленин был бессилён воспротивиться этому. Когда к нему, как вспоминал А. Кактынь, обратилась группа питерских рабочих с просьбой поддержать своим авторитетом инструкцию Центрального совета фабзавкомов Петрограда, он посоветовал им действовать на свой страх и риск, не дожидаясь решений сверху (143).

Тем самым он, по сути, ушёл от ответа, очевидно не желая вновь ввязываться в борьбу, в которой ему так и не удалось одержать верх при подготовке закона о рабочем контроле. Возможно также, что к этому моменту, как практик-государственник, и сам он усомнился в целесообразности диалога с рабочим представительством.

Реально в становлении правительственного курса в сфере рабочего вопроса значительную роль сыграл не § 14 положения от 14 ноября, а § 8 и § 9 этого положения. Первым из них предусматривалось, что решения низовых органов самоуправления всегда могут быть отменены “постановлением высших органов рабочего контроля”. Согласно же другому, не только владельцы, но и “представители рабочих и служащих, выбранные для осуществления рабочего контроля” объявлялись “ответственными перед государством за строжайший порядок, дисциплину и охрану имущества” (144). То есть не перед рабочими, выбиравшими их, а перед назначенными сверху чиновниками. Эти положения открывали широкий простор для ревизии первоначальной концепции декрета перед теми, кто считал самостоятельность рабочих организаций пройденным этапом в развитии революции (145).

Именно с этих позиций следует рассматривать проект инструкции по рабочему контролю, разработанный особой комиссией Всероссийского совета рабочего контроля. Одним из её авторов и вдохновителей был Ю. Ларин. Этот проект радикально ограничивал “притязания” низовых органов рабочего самоуправления. Особенно в нём выделялся момент, что “распорядительные права по управлению предприятием, его ходом и деятельностью остаются за владельцем”. В том же направлении действовало и ограничение, согласно которому органы рабочего контроля “не участвуют в управлении предприятием”. Ещё более важным был пункт, в котором чётко оговаривалось, что контрольные комиссии фабзавкомов имеют право лишь ходатайства к государственным органам по вопросам о секвестре и ни в коем случае не могут сами прибегать к захватам или управлению предприятиями (146).

В советской историографии инструкция Центрального совета рабочего контроля подвергалась справедливой критике. Однако в прошлом утверждалось, что она была принята под воздействием оппортунистов и не отражала сущности политики советского госу-

дарства в отношении независимых пролетарских организаций. На самом же деле всё обстояло как раз наоборот. Доказательством чему служит факт принятия документов аналогичного содержания и другими органами, регулирующими деятельность органов рабочего контроля.

Так, если в резолюции экономического отдела Моссовета за 11 ноября 1917 г. по итогам обсуждения тогда ещё проекта Положения о рабочем контроле признавалось необходимым, не дожидаясь выработки общегосударственного плана борьбы с разрухой, оказывать всемерное содействие московскому пролетариату в “деле развития его рабочей самодеятельности путём передачи всего административно-производственного аппарата в руки фабрично-заводских комитетов”, то уже 17 ноября 1917 г. экономический отдел Моссовета меняет свою позицию. Теперь на организованном им совещании прежнюю резолюцию поддержал в основном лишь большевик А. Шлихтер, тогда как большинство собравшихся поддержало меньшевика С. Вейцмана, предлагавшего “узаконение” рабочего контроля “отложить”. А 25 ноября 1917 г. экономический отдел принимает инструкцию, в которой откровенно провозглашалось, что задачей рабочего контроля “отнюдь не является передача предприятия в ведение и управление рабочих данного предприятия”. Задачами же контрольных органов на предприятиях назывались надзор и учет. Показательно, что Общество заводчиков и фабрикантов Шуйского промышленного района не только поддержало это решение, но и постановило “обратиться в Совет рабочего контроля Центрального промышленного района с просьбой распространить на Ивановский край действие Московской инструкции по рабочему контролю” (147).

На уже упоминавшейся I Московской городской конференции фабзавкомов металлообрабатывающей промышленности, собравшей 125 делегатов от 116 заводов, была принята резолюция, где так и говорилось, что “осуществление распорядительной власти в предприятиях принадлежит заводууправлению”, фабзавкомы же, и даже профсоюзы, никакой реальной власти не получали. Не было в ней и положений об обязательности решений контрольных комиссий для предпринимателей. О всех же злоупотреблениях со стороны администрации полагалось сообщать наверх для принятия решений, “не принимая самим никаких репрессивных мер”. А 11 января 1918 г. резолюцию, согласно которой органы рабочего самоуправления “на фабриках не имеют права вмешиваться в хозяйственные дела предприятия”, принимает Московский совет рабочего контроля (148).

Существенной вехой на пути подчинения самостоятельных рабочих организаций и ревизии положения о рабочем контроле 14 ноября 1917 г. становится I Всероссийский съезд профессиональных союзов. Здесь *огосударствление органов рабочего самоуправления*

впервые было провозглашено в качестве *основы нового курса советского правительства в рабочем вопросе*. Такому повороту способствовало, прежде всего, то, что к первому профсъезду внутри рабочего движения так и не удалось преодолеть существовавший раскол между органами производственного и профессионального самоуправления.

После принятия на I Всероссийской конференции фабзавкомов решения о разграничении компетенции и ответственности между фабзавкомами и профсоюзами взаимоотношения между этими двумя организациями рабочего самоуправления стали более равными (149). Целью сотрудничества профсоюзов и фабзавкомов сами рабочие считали усиление начал трудовой демократии и рабочего контроля. Вот какую резолюцию по этому вопросу принял завком Московского металлического завода на своем заседании 27 ноября 1917 г.: “Ввиду того, что контроль должен исходить от профессионального союза, но фактически должны осуществлять его на местах, т. е. Заводской комитет, который обязан контролировать как покупку, так и продажу товаров” (150). Интересным в этой резолюции является то, что она ярко иллюстрирует стойкое отношение к профсоюзам как к верхушечным, а к фабзавкомам как к своим, местным организациям. Это, по мнению гужоновцев и рабочих других предприятий ЦПР, и должно было стать основой взаимовыгодного сотрудничества между двумя пролетарскими организациями, вплоть до их полного слияния.

Об этом же в своей статье “О слиянии профессиональных союзов с заводскими комитетами” писал один из авторов “Нового пути” В. Иванов. Уже сам заголовок публикации показывал, какие организации должны были, по его мнению, стать базой возможного слияния — фабзавкомы. Отметив, что уже создаются высшие органы государственного управления экономикой, В. Иванов продолжал: “Необходимо создать одну рабочую экономическую организацию... Профессиональные союзы, организованные по производствам, обладают ценным *аппаратом*, с определённым навыком в области регулирования труда, как частности производства. Фабрично-заводские комитеты и их объединения обладают *аппаратом*, приспособленным к организации *самого производства в целом*, и имеют богатый опыт в этой области. Слияние этих двух организаций даёт *новую* мощную организацию” (151).

Но профсоюзную бюрократию не устраивал этот “постепеновский” путь, сохранявший самостоятельность фабзавкомов непосредственно на предприятиях. Поэтому на I Всероссийском профсъезде большевистское руководство профсоюзов потребовало того же, чего несколькими месяцами ранее требовали их меньшевистские предшественники на III Всероссийской конференции профсоюзных работников, а именно: подчинения фабзавкомов профессиональным союзам в качестве их низового производственного звена.

Основным докладчиком по этому вопросу на съезде выступал Д. Рязанов (152). Позиция Рязанова по отношению к фабзавкомам отличалась очевидной необъективностью, он, в частности, утверждал, что фабзавкомы за пределами Петрограда “не играли никакой роли, да и там только в металлургической промышленности” (153), что, как мы видим, совершенно не соответствует действительности, т. к. в ЦПР фабзавкомы были гораздо более массовым явлением и действовали не только в металлообрабатывающей, но и в текстильной, кожевенной, пищевой, деревообрабатывающей и других отраслях.

В своём выступлении на съезде профсоюзников Рязанов старался убедить собравшихся в необходимости самых жестких решений по отношению к фабзавкомам, ссылаясь на непоследовательность и претенциозность фабзавкомовского руководства. Он, в частности, утверждал: “Фабрично-заводские комитеты, которые на всероссийской конференции *только после упорной борьбы и сопротивления* согласились на смертный приговор, согласились окончательно уступить профессиональным союзам *всю область руководства* в борьбе за улучшение положения рабочего класса, эти комитеты после этого на практике отказались от компромисса и вернулись к своей старой точке зрения. На первом и, надо сказать, единственном пока заседании верховного органа рабочего контроля представитель фабрично-заводских комитетов, теперешний председатель, заявил, что эта резолюция является исторической и окончательно отменена новым поворотом в политико-экономической жизни России” (154).

Позиция Рязанова нашла понимание большинства съезда. В её поддержку выступил, в частности, делегат Энгель, ссылаясь на опыт работы в Центроткани, также считая, “что предоставить рабочий контроль только органам фабрично-заводским было бы крайне вредно для дела”. (К слову сказать, по отзывам многих современников, Центроткань была одной из самых забюрократизированных и враждебных рабочим организаций) (155).

Аналогичные взгляды развивали и другие делегаты. Так, обрушился с острой критикой на фабзавкомы Лозовский. Он ссылаясь на пример фабрики “Треугольник”, рабочие которой, так же как и администрация этого предприятия, из-за *экономических* соображений противились отмене на их заводе ночного труда для женщин. “Я должен сказать, — обращаясь Лозовский к присутствующим, — что такая автономия для фабрично-заводского комитета, который добивается сохранения ночного женского труда... является совершенно излишней”. Таким образом, в аргументации Лозовского отчетливо прозвучала новая интонация — если раньше в основном ссылались, что вмешательство рабочих мешает предпринимателям налаживать производство или что фабзавкомы исходят только из интересов рабочих своего предприятия, то теперь фабзавкомы обвинялись и в том, что

они помогают налаживать производство *капиталистам* и тем самым вредят пролетарскому государству. В подтверждение своих слов Лозовский ссылался на мнение одного из небольших левобольшевистских журналов “Эра”, в одной из публикаций которого так и говорилось, что “между отдельными рабочими и предпринимателями могут произойти соглашения в ущерб другим рабочим”, в частности “соглашения для поднятия цен на продукты”, т. к. это может “отозваться на карманах потребителей, которыми в большинстве своём являются рабочие”. Ответивший Лозовскому от делегатов-фабзавкомовцев Белоусов подчеркнул, что от Лозовского ждали не общих слов, а предложений по существу, фабзавкомы же выполнили работу *по первичному поддержанию* промышленности России в самый тяжёлый для неё период, ошибки же бывают всегда, когда начинаешь новое дело (156).

Несколько на более традиционных позициях в критике рабочего контроля стоял Череванин, известный и прежде своей склонностью к абсолютизации централизованного регулирования. Он высказался в том смысле, что рабочий контроль начинает приобретать “зловредные функции” в случае его перерастания в социалистическую форму отношений.

Такую свою позицию он объяснял тем, что Россия своими силами, сама, без помощи Запада никогда не сможет восстановить свою промышленность. “И вы думаете, — спрашивал он с трибуны съезда, — что по плечу рабочему классу такая задача?” — имея в виду построение социализма в разорённой, отсталой России, и сам себе отвечал: “...достаточно поставить этот вопрос, чтобы рассмеяться всякому марксисту при утвердительном ответе на него” (157).

Но слышались на съезде и другие голоса. Так, анархист Максимов настаивал, “что фабзавкомы есть формы, безусловно являющиеся самыми наилучшими формами рабочей организации, которые когда-либо имел какой-либо класс, что фабрично-заводские комитеты являются настоящими органами народовластия, или, вернее, *народоправия*, или, вернее, органами безвластия, потому, что являясь непосредственно сидящими на месте, как крепы в земле, на фабриках и заводах, они ведут всё дело фабрики или предприятия под непосредственным контролем *самих рабочих*” (158).

Принятая по итогам всех обсуждений резолюция была выдержана в тонах рязановского доклада. В ней, в частности, говорилось: “Великая Российская Революция, вызвавшая к жизни все творческие силы рабочего класса, создала с самых первых своих дней на фабриках и заводах органы *рабочего представительства*, взявшие на себя *защиту* интересов рабочих *данного предприятия*. Таким образом, фабрично-заводские комитеты брали на себя задачи, **обычно выполняемые союзами**”, а следовательно, “с развитием и укреплением производственных профессиональных союзов эти фабрично-заводские ко-

митеты должны стать органом соответствующих профессиональных союзов на местах". Кроме того, резолюция исходила из того, что рабочее представительство призвано выполнять сугубо защитные функции — позиция, в 1917 г. неоднократно критиковавшаяся большевиками за оппортунизм.

Понятно, что в кругах руководства фабзавкомовским движением результаты съезда профсоюзников были восприняты негативно. Примечательно, например, что, посвятив спаренный выпуск подробному отчету о Всероссийской конференции фабзавкомов, орган ЦК ФЗК "Новый путь" о прошедшем съезде профсоюзов ограничился лишь краткой редакционной статьей. Сославшись на отсутствие "подробных отчетов", члены редакции тем не менее заявили, что "все-таки должны отметить некоторые *теневые стороны* в его деятельности". Под "*тевыми*" сторонами редакция понимала ту характеристику, "какую дал фабрично-заводским комитетам докладчик по вопросу о взаимоотношениях между ними и профсоюзами т. Рязанов, а также той роли, какую им отводит в деле организации и регулирования производства" (159). Но по сути, это была критика не только докладчика, но и самого съезда.

Анонимные авторы статьи ставят, на наш взгляд, верный диагноз съезду профсоюзников. С самого начала бросается в глаза несоответствие между словесной революционностью съезда и тем в лучшем случае консерватизмом, который сквозит в процитированных выше его решениях. Консерватизм этот, как справедливо усматривает передовица фабзавкомовского журнала, крылся в нежелании и неумении перестроить прежний бюрократический аппарат профсоюзов согласно новым задачам. Ошибочность же хода съезда виделась её авторам в "непримиримой тактике съезда", навязанной ему Рязановым и *другими* ораторами. Опасной ошибкой представлялось и само подчинение фабзавкомов профсоюзам, "невзирая на то, сможет ли неизменный и неорганизованный *аппарат* профессиональных союзов" выполнить хоть одну из задач, прежде вполне успешно решаемых фабзавкомами. Вместо последовательного развития, по существу, правильного вопроса о равноправном слиянии обеих рабочих организаций в одну, продолжала статья, мы слышим лишь избитые обвинения фабзавкомов в местном патриотизме. В заключение авторы передовицы подчеркивали, что "своими решениями, своей нетерпимостью съезд сильно тормозит назревший уже на низах процесс слияния обеих организаций на равных началах" и что своим консерватизмом съезд отталкивает от профессиональных союзов широкие рабочие массы и подвергает союзы действительной опасности разложения.

С целью закрепления достигнутого успеха сторонниками подчинения фабзавкомов была собрана VI Конференция ФЗК Петрограда. Она полностью поддержала курс I Съезда профессиональных

союзов и выступила с инициативой роспуска ЦС ФЗК. Решения петроградской конференции фабзавкомов имели вес прежде всего потому, что Центральный Совет ФЗК не сумел распространить своё влияние на всю России и в своей деятельности опирался в основном на фабзавкомы Северной промышленной зоны. Потерпев поражение здесь, ЦС ФЗК лишился всех возможностей сопротивления, если бы такое вдруг было оказано (160).

Однако реально шедший на протяжении всего “романтического периода революции” спор между профсоюзами был решён... в пользу нарождавшейся государственной бюрократии. Разумеется, в то время, когда революция находилась на подъёме, трудно было предполагать такой финал, однако цена, которую пришлось заплатить за свою победу над фабзавкомами, оказалась для профсоюзов непосильной. Дело в том, что одновременно с дискуссией об “объединении” организаций шла и другая — о самостоятельности самих профсоюзов. Делегаты съезда и по этому вопросу не были едины. Решение удалось найти не на путях компромисса, а только механическим большинством поднятых мандатов. Если меньшевики и Лозовский, исключённый в связи с этим за излишне “мягкую” позицию из партии, выступали за независимость профсоюзов от любой, даже советской государственности, то большинство анархистов, эсеров и, конечно же, большевиков выступали за их подчинение Советам. Большую речь с требованием *огосударствления* профсоюзов в качестве основного докладчика от ЦК РСДРП(б) произнёс Г. Зиновьев, которая и легла в основу принятой по этому поводу резолюции.

Таким образом, получив свободу на предприятиях и возможность разделаться со своими конкурентами, профсоюзы отдали верховную власть государству. Возможно, некоторые профсоюзники надеялись в условиях революции с опорой на массы вывернуться из-под опеки государства, но вышло как раз наоборот. Как говорилось в большевистской резолюции: “Съезд убеждён, что профсоюзы *неизбежно* превратятся в *органы* социалистического *государства*” (161).

Ход I профсъезда, его решения и последовавшие за ними действия позволили некоторым исследователям даже утверждать, что на нём судьба рабочего движения в России была практически предрешена, а Р. Пайпс не преминул подчеркнуть, что начавшийся на нём процесс *огосударствления* вообще был для России единственно *типичным* (162). Трудно не заметить преувеличенность, если не предвзятость этих оценок. Однако нельзя не признать, что решения съезда действительно наносили по рабочему самоуправлению серьёзный удар. В частности, тенденция на отказ от самостоятельности рабочего самоуправления, возобладавшая в тот момент, находилась в явном противоречии с отмеченными выше тенденциями развития фабзавкомов-

ского движения: как мы видели, именно на конец зимы — начало весны приходится некоторый вполне ощутимый его подъём.

Вопреки этим процессам, ключевая резолюция съезда “О рабочем контроле” сводила его к своеобразному “проводнику общехозяйственного плана”, который вырабатывался где-то наверху абстрактными и безымянными “регулирующими органами”, под которыми теперь можно было понимать все, что угодно. Это провозглашалось “одним из великих завоеваний пролетариата в его борьбе за окончательное освобождение”. Далее в резолюции говорилось, что пролетариату “необходимо самым решительным образом отказаться от *всякой мысли* распыления рабочего контроля, путем *предоставления рабочим отдельного предприятия права принимать окончательное решение по вопросам, затрагивающим само существование предприятия*”. В задачу рабочему самоуправлению резолюцией так и ставилось — “подготовка отдельных отраслей к **огосударствлению**” (163).

Приведенные выше факты позволяют судить о том, что к зиме — началу весны 1918 г. тенденция на подчинение рабочего самоуправления возобладала, но утверждать то, что был взят курс на полный отказ от него, всё же не приходится. Принятые на съезде профсоюзников документы, хотя реально и шли вразрез с интересами отдельных трудовых коллективов, но воспринимались самими делегатами как способствующие укреплению рабочего движения в целом. В ходе дискуссий конца 1917—1918 гг. большинство нового хозяйственного актива твёрдо встало на точку зрения необходимости главенства интересов государства над интересами рабочего самоуправления, но вместе с тем рабочие организации ещё рассматривались как необходимый элемент борьбы с буржуазией и поэтому о полной их ликвидации или полном упразднении их прав в тот момент речи ещё не шло. Профсоюзы и даже фабзавкомы сохраняли свои прерогативы в самоорганизации, структуре и некоторых видах деятельности, хотя и утрачивали многие из своих прежних завоеваний.

В ЛАБИРИНТАХ КРИЗИСА

Октябрьская революция, в первые же часы провозглашенная большевистскими лидерами пролетарской и даже социалистической, мировой революцией, ставила перед русскими рабочими непростую задачу выработать своё отношение к новому советскому государству. Им нужно было определиться не только в отношении захвата власти левыми социалистами, но по-новому подойти к собственным задачам и той роли, которую они должны были играть в рождавшемся государстве. Во многом этот вопрос для рабочих сводился к проблеме их отношения к государственному регулированию экономики.

С этой точки зрения поначалу трудно было предположить, что между пролетарскими организациями и пролетарским государством могут возникнуть какие-то трения. Ещё до Октября отмечены многочисленные случаи обращений рабочих к правительству с призывами ввести на их разоряющемся предприятии государственное регулирование или наложить секвестр на предприятия саботажников. Так, в протоколе завкома завода бр. Бромлей за 24 июня 1917 г. помимо “перечня важнейших мероприятий, направленных к установлению нормального хода на заводе” и указания на то, что действия заводоуправления направлены к сокращению производства, звучит категорическое требование членов завкома “установления государственного контроля” Аналогичные случаи отмечены и на других предприятиях ЦПР, Петрограда и других районов России, количество которых возрастает с лета 1917 г. (164).

Но особенно участились подобные обращения рабочих после Октября 1917 г., когда в сознании рабочих государство стало и “своим”, и “демократическим”, примером чего может служить позиция рабочих текстильной фабрики В.И. Агафонова подмосковной станции Химки, просивших “объявить её собственностью Российской республики” — традиционная формулировка для подобных обращений. А на заводе Михельсона, когда там сложилась остро критическая ситуация из-за недостатка рабочей силы, завком постановил, что единственным выходом может стать милитаризация труда (165).

Всё это свидетельствовало, что рабочие поддерживали централизованное государственное регулирование и не противопоставляли его своей самостоятельной экономической деятельности. Корень зла они видели не в самом вмешательстве государства в экономику, а в тех формах, в которые оно может вылиться.

Дело в том, что уже в первые месяцы Февральской революции они столкнулись с проявлениями бюрократизма на разных уровнях рабочей самоорганизации. Рабочие реагировали на них крайне болезненно и пытались обезопасить себя от подобного в будущем. Тем более что даже в деятельности самих фабзавкомов случаи отрыва активистов от выдвинувших их рабочих коллективов были не редкостью. Так, рабочим московского завода “Металлолампа” пришлось выступить против своего завкома, члены которого, по словам работающих на предприятии, не считались с их мнением и позволяли себе относиться к своим же товарищам некорректно и заносчиво. На другом столичном московском предприятии — заводе Хлебникова рабочие жаловались, что их избранники оторвались от коллектива и не работают и что пора заставить их это делать. Происходили подобные инциденты и после Октября. Завком Пучежской мануфактуры, например, столь “активно” занимался “управленческой деятельностью” и с такими проявлениями волокиты, что в январе 1918 г. его прямо

обвиняли в бюрократизме (166). Поэтому рабочие, поддерживая регулирующие усилия государства, выступали против любых проявлений бюрократизма в системе управления производством, отождествляя порядки бюрократические с самодержавными и буржуазными порядками. Уже на I Петроградской конференции фабзавкомов была принята резолюция, в которой однозначно говорилось, что регулирование *бюрократическими механизмами* невозможно (167). С аналогичных позиций выступали и фабзавкомы ЦПР. К примеру, на Учредительном делегатском собрании областного союза текстильщиков Иваново-Вознесенска, проходившем летом 1917 г., представители фабзавкомов не только поддержали решения по этому вопросу своих питерских товарищей, но и приняли свою аналогичную резолюцию. В ней “бюрократический путь регуляции промышленности” отвергался категорически, поскольку воспринимался как *антипод* рабочего контроля (168).

Особенно нетерпимыми проявления бюрократизма становятся после Октября. Критикуя на одном из заводских собраний новое “советское” руководство своего предприятия, работница ткацкой фабрики Раменского района Таптыгина, делегатка Всероссийского женского съезда, так передавала отношение рабочих к подобным явлениям: “Только те коммунисты, — говорила она, — которые живут с рабочими в спальнях корпусах, а которые в особняки убежали, это не коммунисты. Это уже не коммунисты, которые пишут у себя: без доклада не входить” (169). После Октябрьской революции бюрократизм всё больше начинает восприниматься рабочими не просто как какой-то “нарост на теле революции”, а как злейший враг рабочего самоуправления (170).

Рабочее движение, таким образом, оказывалось в непрестом положении. С одной стороны, разрастание бюрократизма в советском государственном аппарате реально грозило ему возможной утерей прежних независимых позиций, но с другой стороны, сепаратизм рабочих комитетов не менее реально мог ослабить силы революционного режима, что в конечном итоге также грозило их существованию. Органам рабочего самоуправления так и не хватило зрелости безболезненно миновать Сциллу и Харибду возникшего перед ними выбора. Борьба с проявлением отрыва органов нового государства от породившей их среды пролетарских организаций часто замыкалась рамками отдельных предприятий. Но если такая обособленность и в прошлом мешала эффективно противостоять даже отдельным предпринимателям, то тем более теперь не могли изолированные попытки борьбы с бюрократизмом остановить процессы, протекавшие в общенациональном масштабе.

Чем дальше, тем ощутимей отрицательное воздействие этих процессов начинает сказываться на деятельности системы органов

рабочего самоуправления. В протоколах завком Тульского патронного завода запечатлён один из случаев, иллюстрирующих последствия подобного воздействия. 22 февраля 1918 г. завком обсуждал доклад своего представителя Давыдова о его поездке “в город Царицын за топливом”. Давыдов сообщил собравшимся, что нормальная работа завода оказалась под угрозой из-за возраставшего чиновничьего произвола. В одной из прежних поездок ему отказали в получении топлива “вследствие отсутствия”, как записано в протоколах завкома, “нарядов от вновь установленного органа Совета Народного Хозяйства”, а имевшиеся районные наряды “потеряли законное значение”. На этот же раз для патронного завода в Царицыне были заготовлены 160 цистерн нефти, “но главная задача — сетовал Давыдов, — нет паровоза”. Причиной его отсутствия также было бездействие центральных властей. Тульский патронный завод оказался перед угрозой приостановки работ из-за бюрократического беспорядка на транспорте, когда железные дороги подчинялись чиновникам в Москве и не желали принимать в расчет нужды местных предприятий. Центральная власть была не в состоянии обслужить нужды заводчан и, по мнению рабочих завода, оставляла “единственный выход по примеру других заводов заарендовать в Москве специальный паровоз”, но уже на свой страх и риск (171).

Как мы видели выше, до Октября завком ТПЗ, налаживая прямые связи с местами его производства, с обеспечением своего предприятия топливом справлялся. Теперь же, чтобы получить в Царицыне нефть, ему нужно было сперва обращаться в Москву за нарядами “от вновь установленных органов”, а потом уже искать нефть. Поскольку в прениях рабочие ТПЗ ссылаются на другие заводы, печальный опыт результатов “централизованного государственного регулирования социалистической экономики” имелся не только на патронном, но и на других заводах Тулы.

Похожим образом складывались дела и у текстильщиков Иваново-Вознесенска. На прошедшем в конце февраля 1918 г. в Москве совещании представителей рабочего контроля Иваново-Кинешемской области резкой критике подверглась деятельность Центроткани, “которая своим отношением часто тормозит дело”, а именно не даёт трудовым коллективам самостоятельно решать вопросы сбыта продукции. Как было рассказано корреспонденту “Правды”, по итогам осмотра рабочими складов своих мануфактур в Иваново-Кинешемском районе из-за бюрократизма чиновников от Центроткани положение с затовариванием готовой продукции было прямо-таки “ошеломляющим”, в особенности на иваново-вознесенских мануфактурах Горелина и товарищества Тверской мануфактуры, а также на фабриках Вичугского района, где продукция попросту гнила, в то время как “народ до нитки обносился и негде и не на что купить сит-

цу” (172). Как писал один корреспондент иваново-вознесенской газеты: “Нам часто приходилось встречать представителей фабричных комитетов фабрик, находившихся в 20 верстах от Москвы, которые обивают пороги в Московском Хлопковом комитете, разыскивая хлопок и в то же время, под боком, в той же Москве имеются громадные склады, набитые хлопком”. И такая ситуация, отмечается в статье, складывается не только в столице с её мощной армией управленцев, но и в провинции: Нижнем Новгороде, Ярославле, Костроме, Рыбинске, Кинешме (173). Газета, по сути, сопоставляет неповоротливость “красной бюрократии” с саботажем “белых” капиталистов, одинаково подрывающих экономику молодого советского государства.

Постепенно на развитии органов рабочего самоуправления начинают сказываться и те пагубные для них перемены, которые происходили с правительственным курсом в плане ревизии положений закона о рабочем контроле от 14 ноября 1917 г. и начавшейся после I Всероссийского съезда профессиональных союзов политикой их *огосударствления*.

Выше уже говорилось, что одним из самых неблагополучных участков работы ФЗК был контроль финансовый. Но до революции, как мы видели, рабочие некоторых городов ЦПР решались даже на контроль над местными региональными отделениями банков. После Октября ничего подобного уже не прослеживается.

Нельзя сказать, что финансовый контроль заглох сразу после прихода к власти большевиков. На значительном количестве предприятий рабочими по-прежнему осуществлялись попытки наладить контроль и в этой сфере. Проводился контроль наложных платежей и расчетов на Судаковском заводе. Контролировались средства, полученные от распродажи излишков завкомом завода Гужона. Требовать от администрации отчёта о ежедневном приходе и расходе по кассе, а также еженедельно о “состоянии и наличных средствах в кассе” 22 января 1918 г. постановили рабочие “Общества электрического освещения 1886 года”. Как об одной из важнейших задач, стоящих перед пролетариатом, о налаживании финансового контроля говорилось на майской конференции органов рабочего контроля и самоуправления Костромы. Ряд ФЗК, например на Реутовской мануфактуре, имели специальные правила о расходовании денежных средств. На некоторых предприятиях дело дошло до того, что предприниматели лишались даже права вскрывать денежные ящики без представителей рабочих (174).

Деятельность фабзавкомов в этом направлении могла стать важной опорой новой революционной власти, поскольку другого финансового аппарата у Советской власти в первые недели её существования просто не было. В частности, полностью рухнула налоговая система, что привело к резкому оскудению государственных доходов

(175). Комиссар Госбанка обращался к рабочим: “Не дайте буржуазии вытаскивать из банка деньги на её грязные делишки... приложите все усилия к тому, чтобы ваш контроль был действительным контролем... Не давайте хозяевам обмануть вас, и во всех случаях, когда у вас будут требовать на получение денег, строго проверяйте, нет ли у хозяина или управления заводов других источников покрытия необходимых расходов” (176).

Но чем дальше, тем больше самостоятельность органов рабочего самоуправления в финансовой сфере начинает входить в противоречие с одним из центральных пунктов большевиков в области реформирования экономики, согласно которому всё банковско-финансовое регулирование при переходе к социализму должно находиться в руках государства (177).

Постепенно государство *перекрывает* возможность рабочим вмешиваться в деятельность не только финансовых учреждений, но и заводоуправлений. К примеру, в резолюции I профсъезда так прямо и говорилось, что органы рабочего контроля “не занимаются вопросами финансирования”. Лишались права финансового контроля фабзавкомы по § 8 Инструкции о рабочем контроле Всесоюзного совета рабочего контроля. Не предусматривался финансовый контроль и в решении экономического отдела Моссовета от 25 ноября 1917 г. и во многих других инструкциях, правилах, директивах, принимавшихся и рассылавшихся в тот период для ознакомления в низовые звенья рабочего контроля. Как правило, эти документы носили не рекомендательный, а распорядительный характер (178).

Аналогичным образом влияла политика огосударствления и на другие виды деятельности фабзавкомов. Вскоре после профсъезда во исполнение звучавших на нём требований регулирование рынком рабочей силы передаётся в ведение государства. В § 16 “Положения о Бирже труда” было чётко оговорено: “Наём рабочих и служащих производится только через Биржу труда”. С переходом контроля над наймом и увольнением к государственным учреждениям фабзавкомы лишаются одного из своих важнейших завоеваний. Тарифная компания и обострение экономического кризиса приводят к вытеснению фабзавкомов из области контроля над размером заработной платы. С лета 1918 г. вопросы определения тарифов по заработной плате сосредотачиваются в центре. Теперь приоритет в этой области отдаётся Наркомтруду, профсоюзам и местным государственным органам, таким, как Комиссариат труда Московского промышленного района или Воронежский губернский комиссариат труда. Причем вмешательство государства в этот момент было направлено против “необоснованного” повышения заработной платы, в том числе в частной промышленности. Постепенно под разговоры о революционной сознательности сводятся на нет достижения фабзавкомов в области

8-часового рабочего дня. Даже принцип свободы забастовок, коренной принцип любого рабочего движения вообще, всё чаще объявляется меньшевистским и контрреволюционным. В частности, в принятой в ноябре 1917 г. Московским советом профсоюзов резолюции значилось, что при Советской власти трудящихся “стачка является саботажем, против которого следует бороться самым решительным образом”. И ещё один характерный штрих — в типовом Уставе металлообрабатывающих предприятий и подобных документах появляются положения о недопустимости рабочих собраний и деятельности органов рабочего контроля в рабочее время. Если раньше циркуляры Временного правительства, содержавшие подобные требования, привели к беспорядкам на многих предприятиях той же металлообрабатывающей промышленности, то теперь подобные нормы были как бы в порядке вещей (179).

Но самым ярким примером того, как вмешательство государства в прерогативы органов рабочего самоуправления сказывалось на них, может служить пример с деятельностью фабзавкомов по наведению трудовой самодисциплины.

Борьба за дисциплину в период между Февралём и Октябрём и сразу после Октября воспринималась самими рабочими как проявление их “классовой сознательности”, отсутствия у них “классового эгоизма” (180). Отсюда меры по наведению порядка в цехах зачастую носили исключительно моральный характер, как это в своё время было и в крестьянской общине. Так, экономический отдел Подольского Совета в январе 1918 г. постановил: “За недобросовестное отношение к труду подействовать... морально посредством контрольной комиссии”, а на Куваевской мануфактуре в Иваново-Вознесенской губернии было решено: “Что касается тех товарищей, которые по своей малосознательности не хотят выполнять ту работу, которая на них возложена, то на них постараемся воздействовать нравственным путем, т. е. посредством увещаний”. Часто только лишь злостное нарушение влекло за собой уже более ощутимые санкции, такие, как штрафы, увольнения, изъятия из зарплаты (181).

Но постепенно “насаждение”, как тогда говорили, трудовой дисциплины всё больше принимает форму борьбы с так называемой “митинговой демократией”. Причём под “митинговой демократией” теперь понимали любое проявление рабочими их самостоятельности. То, что несколько месяцев назад провозглашали “революционной активностью класса-гегемона”, становилось для победившего режима лишним и даже опасным. Центром борьбы за дисциплину труда в её новом понимании становится ВСНХ. Этот вопрос на заседании его Президиума ставится уже 27 марта 1918 г., но тогда соответствующие решения не прошли. Против выступил В.И. Ленин, чувствовавший, что большевики пока не осият введение хозяйственной дисциплины

в достаточно массовом масштабе. Взамен он предложил осуществлять принудительные меры руками самих рабочих под видом борьбы за “рабочую дисциплину”. Характерно, что в борьбе за осуществление этого плана Ленин предполагал разработку норм “трудовой дисциплины” поручить прежним владельцам, научившимся, по его словам, “внедрять” порядок и дисциплину на своих предприятиях ещё при царском режиме (182).

Возвращался Президиум ВСНХ к проблемам рабочей дисциплины и потом. Так, на заседании 1 апреля 1918 г., когда шло обсуждение Положения о трудовой дисциплине, подготовленного Всероссийским Советом профсоюзов, В.И. Ленин требовал ужесточения его в плане “карательных мер” за “несоблюдение” рабочими “трудовой дисциплины”. Обращаясь к членам Президиума, он разъяснял: “Что же касается мер за несоблюдение трудовой дисциплины, то они должны быть строже. Необходима кара вплоть до тюремного заключения. Увольнение с завода также может применяться, но характер его совершенно **изменяется**. При капиталистическом строе увольнение было нарушением гражданской сделки. Теперь же при нарушении трудовой дисциплины, особенно при введении трудовой повинности, совершается уже **уголовное преступление** и за это должна быть наложена определённая кара”. При этом подобные меры предлагались Лениным ещё в середине декабря 1917 г., когда он для учёта количества и качества труда настаивал на создании судов из рабочих и крестьян (183).

Эти “ленинские наказания” не оказались пустым звуком. На не раз упоминавшейся нами фабрике т-ва Полушина рассчитанных рабочих предавали суду как за уголовное преступление (184). Рассматривал рабочий суд дела рабочих, “которые работали не добросовестно”, и на заводе Густава Листа (185), на многих прочих предприятиях Московского региона. Что же касается общей линии на “завинчивание гаек”, то хорошим примером здесь могут служить “Правила трудовой дисциплины”, принятые на прошедшей 17 июня 1918 г. общегородской конференции профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов Твери. В них делалась попытка регламентировать самые разные стороны жизни рабочих, наказания же за малейшую провинность были суровыми. Так, запрещалось “купаться и мыться на заводе, за исключением предназначенных для этого помещений”, “принятие пищи в рабочих мастерских”. Из прочих мер “в интересах санитарии” рабочие были, как записано в документе, “обязаны пользоваться только предназначенными для этого отхожими местами”, а также “не должны были задерживаться в уборных, причем наблюдение за исполнением этого пункта возлагалось на самих рабочих”. “Опоздавшие более чем на 20 минут” не допускались к работе до перерыва, причём пропущенное при этом время высчитывалось при оплате труда, а опаздывавшего “систематически” могли

устранить с завода “без оплаты вперед”. “Хищения материалов и изделий, а также подлоги в расчетных книжках и требовательных ведомостях наказываются как уголовные деяния. *Виновные передаются народному суду*”. (186) Совершенно очевидно, что приведенный документ содержит не только меры по действительному поддержанию дисциплины: налицо скатывание к мелочной регламентации всего поведения рабочих, порождённой, может быть, отчаянной попыткой добиться порядка и управляемости, но оттого не менее суровой.

Понятно, что постепенно антагонизм между рабочей демократией и тенденциями, определявшими процесс огосударствления органов рабочего самоуправления, грозил вылиться в не менее принципиальный, чем в своё время антагонизм между трудом и капиталом. Ощущавшие себя победителями в революции, рабочие не могли так просто смириться с утерей самостоятельности и завоёванных прав. Как только большевики вместо прежнего частнохозяйственного ярма попытались надеть на рабочих ярмо государственного принуждения, они наткнулись на шедшее снизу, из рабочей среды сопротивление.

На весну — лето 1918 г., в частности, приходится новый всплеск протестов со стороны рабочих организаций печатников. Причиной этому было то, что нажим большевиков на оппозиционную печать существенно больше ослаблял их самостоятельные профессиональные организации и увеличивал безработицу среди всех профессий печатного дела. Как писала об этом газета “Дело народа”, “связь между большевистским режимом и безработицей в такой степени ясна, что у печатников большевизм потерял всякую почву” (187). И хотя на самом деле речь шла не о большевизме как таковом, а о бюрократическом перерождении их режима, сама тенденция развития умонастроения рабочих-печатников показательна.

Проходили забастовки и другие выступления рабочих также на Тульском патронном, оружейном, меднопрокатных и на других заводах Тулы. Взрыв недовольства в ноябре 1917 г., а затем и в апреле 1918 г. произошёл на заводе бр. Бромлей, который, как не без плохо скрываемого торжества писала газета московских меньшевиков “Вперёд”, издавна слыл твердыней большевизма. Оказавшийся в центре событий завком этого завода был не в состоянии контролировать стихийное недовольство рабочих. Вплоть до применения войск дошел конфликт с рабочими Алексеевской железной дороги. Весной — летом 1918 г. на почве голода, безработицы, недовольства урезанием прав рабочих забастовки прошли в большинстве городов ЦПР: Москве, Туле, Калуге, Нижнем Новгороде, Орехово-Зуеве, Твери и других городах (188).

Не только меньшевики, но и прежние союзники большевиков слева переходят в оппозицию новому режиму. Так, с острой критикой политики большевистского правительства, “государственного

социализма”, самого понятия “социалистическое отечество” на своей I Всероссийской конференции, проходившей в Москве с 25 августа по 1 сентября 1917 г., выступили анархо-синдикалисты. В качестве позитивной альтернативы анархо-синдикалисты предлагали вернуться к утраченным лозунгам Октября, к самостоятельности фабзавкомов, т. к. они являются “основной производственной самоуправленческой организацией” и находятся “под постоянным и бдительным контролем рабочих”. Характерно, что во время краткосрочного отказа большевиков от лозунга “Вся власть Советам” с аналогичными взглядами выступал и Ленин, но теперь подобная пропаганда уже считалась контрреволюционной.

Своё официальное закрепление перемена точки зрения большевиков на роль рабочего самоуправления в революции получила на высшем экономическом форуме Советского государства — I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства. Съезд проходил в Москве с 25 мая по 4 июня 1918 г. Его состав был достаточно представительный: 252 делегата от 5 областных, 30 губернских и значительного числа уездных Совнархозов. Событие это в судьбах рабочего самоуправления становится *переломным*. Особенно важное значение имело “Положение об управлении национализированными предприятиями”, принятое по докладу Андропова. Документ этот шёл по пути радикального вытеснения остатков рабочего самоуправления и полного отказа от него значительно дальше всех предшествующих постановлений по проблемам государственного регулирования экономики.

Согласно параграфу второму положения, две трети фабрично-заводского управления назначались областным (т. е. вышестоящим) Советом народного хозяйства. Лишь одна треть членов управления избиралась “профессионально-организованными рабочими предприятия”. При этом “список членов фабрично-заводского управления по конституировании его и избрании председателя представляется на утверждение ближайшего органа высшего управления”. Но и это было ещё не всё.

Согласно примечанию № 1 к этому параграфу, “ближайший орган Высшего Управления имеет право, если в этом случается необходимость, назначать в фабрично-заводские управления национализированного предприятия своего представителя”. Этот представитель получал право “решающего голоса и право приостанавливать решения фабрично-заводского управления, противоречащие общественным интересам”. А согласно примечанию № 2, “в экстренных случаях” вышестоящие инстанции с некоторыми формальными оговорками получали право “назначать управления предприятий” по собственному усмотрению (189).

Однако эта резолюция считалась ещё “умеренной”, были и более радикальные точки зрения. Так, в развернувшемся обсуждении

проекта основной резолюции Рязанов предлагал ещё более ужесточить централизацию и “не повторять старых ошибок”. Сам же принцип, по которому рабочим коллективам давалась возможность формировать управление *лишь на треть*, ни у кого из делегатов на общих пленарных собраниях возражений не вызывал, а если у кого и вызывал — тому просто не предоставляли слова.

Значительно более бурно обсуждение этой проблемы проходило в ходе работы по секциям, где проконтролировать все выступления организаторам съезда было просто технически невозможно. Так, на Секции по организации производства официальный докладчик Арский, отстаивающий необходимость сократить права рабочего самоуправления на производстве, был встречен скептически. Делегат Пахомов, например, усомнился в том, что “план, предложенный тов. Арским, вполне отвечал бы желаниям рабочих”. Далее Пахомов более откровенно пояснял свою, так деликатно высказанную мысль. “Получая большинство в органах контроля и управления, — говорил он, — руководящий Совнархоз будет делать и направлять политику так, как ему будет угодно, и очень может быть, *это не будет соответствовать желаниям рабочих и очень часто пойдёт вразрез с интересами рабочих*”. Суть предложений Пахомова сводилась к тому, что “*рабочих должно быть большинство*” в заводоуправлениях и других хозяйственных органах.

Это предложение вызвало бурную реакцию других делегатов. Гросман, в частности, категорически отверг поправку, предложенную Пахомовым, на том основании, что это может повредить производству. Ещё более категоричен был Трахтенберг. “Я нахожу, — заявил он, — что нельзя давать рабочим большинства мест потому, что если большинство будет в руках рабочих, то в таком случае областные советы народного хозяйства не смогут проводить своей политики”. “Между тем, — пояснял свои сомнения Трахтенберг, — областные советы народного хозяйства получают инструкции от ВСНХ, который имеет сведения, что делается во всех заводах, в то время как рабочие не могут этого знать и поэтому *будут... судить с местной точки зрения*”.

Бескомпромиссно обсуждался тот же вопрос на заседании организационной секции. С точки зрения защиты интересов рабочего самоуправления с докладом на секции выступил левый большевик В.М. Смирнов. Доклад же Г.Д. Вейнберга был пронизан официальной, централизаторской идеологией. Позиция Вейнберга не нашла поддержки, и 2 июня 1918 г. секция принимает резолюцию, словно бы воскрешавшую романтику первых дней Октября с его лозунгом “Фабрики — рабочим”. (190)

О произошедшем на секции сразу же было доложено на самый верх. “Спасением” ситуации занялся сам В.И. Ленин. Он в тот же день

пишет председателю ВСНХ о “наговоренных левыми глупостях” и том, чем эти “глупости” левых “грозят” (191). Возглавленная опять же самим Лениным “согласительная комиссия” Совнаркома смогла устранить возникшие опасности и принятая 3 июня 1918 г. резолюция уже не содержит никаких подвижек в сторону соглашения с теми, кто пытался продолжать отстаивать интересы рабочего самоуправления (192).

I Всероссийский Съезд советов народного хозяйства существенно повлиял и на формирование большевистской доктрины. В частности, появляются новые нюансы в трактовке самого понятия “огосударствление”. Если прежде под этим в основном понималась передача органам рабочего самоуправления государственных функций, то теперь в понятие огосударствления рабочих организаций напрямую начинают вкладывать смысл их подчинения органам государственного управления.

От “ПРОЛЕТАРСКОГО КОЛЛЕКТИВИЗМА” К “ВОЕННОМУ КОММУНИЗМУ”

По сути, решения I Всероссийского съезда Совнархозов и начало сплошной национализации совпали с переходом от первого, романтического периода революции к периоду военного коммунизма, все основные особенности которого, пусть пока ещё и в самых общих чертах, так или иначе уже начинают проявляться в эти летние и осенние месяцы 1918 г. “Революция самоуправления” подходила к логическому завершению. Органы самоуправления, точнее одна их ветвь — органы самоуправления рабочих, сыграли свою государственно-образующую роль. Как и всегда, став питательной средой для создания государства, органы непосредственной демократии должны были найти вою социальную нишу, вписаться в систему новых, более строгих общественных отношений, стать низовым элементом государственной иерархии (193).

В этом отношении ничего принципиально нового, чего не было бы в прежней истории, не происходило. Весь период от I Всероссийского съезда до II Всероссийского съезда профессиональных союзов, на котором фабзавкомы были в очередной раз, но теперь уже окончательно подчинены профсоюзам, являлся временем такой переориентации сохранившихся элементов рабочего самоуправления с задач и по существу, и по методам революционных на задачи гораздо более меньшего масштаба. Происходившие перемены четко отражены в Примерном положении о рабочем контроле на частных и в Примерном положении о рабочем контроле на национализированных предприятиях, разработанных Советом профессиональных союзов. В первом из них подчёркивалось, что “рабочий контроль *подчинён* [и] *ответственен* в своих действиях перед вышестоящими органами”.

В положении же о рабочем контроле на национализированных предприятиях отмечалось, что прежние методы контрольных органов “должны уступить место *ревизионному* контролю за правильностью и хозяйственностью расходования народного достояния *без вмешательства в распорядительные права органов управления предприятием*” (194).

О превращении органов рабочего представительства в элементы государственной власти свидетельствует, в частности, и такой немаловажный экономическо-правовой факт, как субсидирование пролетарских организаций государством. В частности, материалы Второго съезда профсоюзов показывают, что из 1 млн. 805 тыс. руб., истраченных в 1918 г. ВЦСПС, 890 тыс. руб. было покрыто субсидиями ВЦИК, Наркомата труда и ЦК РКП(б) (195). Как признавался М. Томский, выполнение органами рабочего самоуправления “государственных функций” ставило их “в необходимость существования, главным образом, на государственные субсидии, а низшие союзные органы ставило в зависимость от финансирования их вышестоящими организациями” (196). Если сравнить эту ситуацию с той, которую мы могли наблюдать до Октября 1917 г., когда низовые органы рабочего самоуправления самостоятельно финансировали не только свою деятельность, но и деятельность Советов, а также всех прочих систем организаций, то в высказывании Томского можно будет серьёзно скорректировать расстановку ударений при определении: что же было причиной, а что следствием в описываемых им явлениях?

По мере превращения органов рабочего самоуправления в низовые звенья государственного аппарата, и в особенности после декрета от 28 июня 1918 г. о национализации, резко меняются не только формы, но и само содержание их деятельности. Теперь, как правило, она ограничивается борьбой за “трудовую дисциплину”, рационализацию производства, режим экономии и т. п. Как писалось в прежней историографии, “на первый план всё более выдвигаются интересы общегосударственные, а не групповые или местные” (197). По существу, низовые рабочие комитеты и объединяющие их профсоюзы превращаются в это время в распределительный аппарат нового государства, снабжающий рабочих и служащих продовольствием и предметами первой необходимости из централизованных запасов, а также в механизм, позволяющий контролировать настроения в низах и направлять накопившееся в них недовольство в нужном для режима русле.

Параллельно с этим шёл и другой процесс, характерный для периодов становления государства из предгосударственных элементов, а именно рождение новой элиты. Есть не мало моментов, которые связывают его с процессом трансформации системы рабочего самоуправления в первые месяцы революции. Имеющаяся традиция рассматривает формирование новой элиты на политическом уровне (198).

Но новый правящий слой нельзя ограничивать партией большевиков и сотрудниками центральных ведомств. На практике его становление как массовой политической реальности происходило на куда более широком историческом пространстве. В этом смысле важным объектом будущих исследований представляется связка совнархозов — заводов управлений национализированных предприятий — экономических отделов низовых Советов — районных звеньев отраслевых профсоюзов. На этом уровне и происходит формирование нового хозяйственного уклада и нового широкого господствующего слоя. Таким образом, органы рабочего самоуправления объективно получали возможность сыграть весомую роль в формировании нового правящего слоя. Но уже на начальных этапах послереволюционного развития вырисовывается иллюзорность открывшихся было здесь перспектив. Уже к середине 1918 г. можно было видеть, что рабочий класс в процессе образования новой элиты доминирующей силой не стал (199).

В работах одного из тех, кто первым попытался разобраться в происходящем в постреволюционной России и поставил увиденному диагноз “военного коммунизма”, А.А. Богданова утверждалась неизбежность именно такой эволюции большевистской революции, которую он считал не пролетарской, а солдатской. Пролетариат, следовательно, рано или поздно должен был утратить свои господствующие позиции (200). Для большей доктринальной определённости в ряде своих работ он противопоставил два родственных понятия: коллективизм и коммунизм. Под первым Богданов понимал форму проявления совместного труда, под вторым — совместного потребления. Будущий строй виделся Богданову как объединение этих двух элементов при приоритете коллективизма, вырастающего на базе развитых экономических отношений, чего, по его мнению, в России 1917 г. не наблюдалось. Как видим, взгляды Богданова вполне вписывались в общее русло представлений об отсталости России и её неподготовленности к социальной революции.

Однако, в отличие от сторонников экономического детерминизма, Богданов рассматривал происходившее с точки зрения теории о всеобщих организационных связях в обществе, разработку которой он как раз завершал в тот период (201). Это позволило ему, несмотря на механицизм его подходов, выдвинуть ряд важных, оригинальных предположений.

В частности, он выделил два возможных типа организационных форм обобщения: авторитарную и товарищескую. Богданов признавал, что в современных ему рабочих организациях одновременно присутствуют обе формы. Авторитарную тенденцию Богданов находил в характере взаимоотношений вождей и масс, или, если шире, верхов и низов. В условиях “осадного коммунизма” авторитарные, распреде-

лительные черты неизбежно должны были вытеснять элементы демократические, коллективистские (202).

Но даже Богданов, предсказывавший расползание армейских порядков на социальные отношения тыла, вряд ли предвидел всю глубину происходившего. В области рабочего самоуправления влияние казармы проявилось уже в первый период становления системы военного коммунизма. В 1918 г., в частности, лежит начало тенденции закрепощения рабочих путём их обязательного членства в профсоюзах. Так, с подобной инициативой в этот период выступило руководство Наркомата путей сообщения. 15 августа 1918 г. решение о принудительном членстве принял ЦК союза металлистов. В этот же период на принудительное членство и изымание взносов через бухгалтерию перешло несколько профсоюзов текстильщиков. Эта тенденция привела в конечном счёте к признанию необходимости и экономической целесообразности и принудительного труда, осуществлять которую в конце 1920 г. Н. Бухарин, к примеру, предлагал через фабзавкомы, что было уже совсем далеко от тех принципов, которые первоначально легли в основу их формирования (203).

Ослабление к середине 1918 г. позиций фабзавкомов само по себе, конечно, ещё не означало полной ликвидации рабочего самоуправления. Теперь рабочие отстаивали свои интересы через другие самостоятельные организации, прежде всего профсоюзы, к которым, по решению большевиков, должны были перейти функции, прежде осуществляемые фабзавкомами. Не приходится сбрасывать со счётов и то обстоятельство, что определённые возможности для сохранения самоуправленческих начал на производстве оставляли и решения съезда совнархозов, так как за рабочими коллективами оставалось право треть членов новых заводоуправлений избирать самостоятельно, на своих общих собраниях. Оставался в силе и такой важный элемент самоуправления, как принцип коллегиального руководства. И тем не менее именно фабрично-заводские комитеты стали тем звеном, взявшись за которое большевики смогли не только быстрее прийти к власти, но и, победив, с устранения которого начали осуществлять политику форсированного огосударствления рабочего самоуправления

Невольно возникает вопрос: могли ли фабзавкомы, рабочее самоуправление противостоять такому исходу? Да, *могли, и продолжительное время противостояли*, поскольку органы рабочего самоуправления, прежде всего фабзавкомы, стали несущей конструкцией для всей экономики России в самые напряженные месяцы революции. Но видимо, им пришлось отдать задачам строительства нового государства слишком много сил, чтобы потом ещё и противостоять ему на равных. Рабочее самоуправление, и это также следует учитывать, ориентировалось на традиционные формы самоорганизации, что особенно

чётко проявилось в деятельности фабзавкомов. Не успев модернизироваться в соответствии с серьёзно изменившимися внешними условиями, оно оказалось в проигрыше перед лицом наступившей эпохи индустриализма, в особенности государственного.

В этом смысле свою роль в свёртывании рабочего самоуправления сыграли и причины доктринального характера. Если проанализировать позицию, которую занимали Арский, Гросман, Трахтенберг, Вейнберг, Зиновьев, Троцкий, Рязанов, Ципирович, Лозовский, Энгель, Ларин, Гастев, Гольцман, Вейцман, Гарви и многие другие, станет ясно, что многие деятели, самым непосредственным образом определявшие политику по отношению к рабочему самоуправлению, не понимали специфики фабзавкомов как организаций, выросших на российских традициях трудовой демократии, не разбирались, в чём именно эти традиции состоят. Понятно, что неосознанная борьба с национальной спецификой революции должна была в конце концов сделать фикцией всякую демократию, в особенности рабочую демократию.

Кроме того, ответ на вопрос о причинах кризиса рабочего самоуправления нужно искать в той же плоскости, что и на вопрос о причинах его столь стремительного становления в тот период. Отсутствие механизмов социального партнёрства не могло сказаться только на взаимоотношениях рабочих и торгово-промышленного класса. Та же участь должна была так или иначе сказаться и на взаимоотношениях рабочих с государством.

И наконец, как мы видели, в основе развития рабочего самоуправления лежали вполне конкретные интересы выживания, в лучшем случае некоторые экономические и аксеологические (ценностные) интересы рабочих. И если задаться вопросом, какому именно классу тогдашнего российского общества было наиболее выгодно существование сильного, централизованного государства, не окажется ли, что таким классом можно будет назвать именно индустриальных рабочих? А если так, то был ли союз между большевиками и рабочими браком по любви или по расчёту или имелись элементы того и другого? Ведь не случайно, как мы видели, рабочие выступали не против государственного контроля как такового, а против бюрократического произвола со стороны власти, а антиправительственное движение 1918 г. совершенно явно идёт на убыль по сравнению с антиправительственным движением года 1917-го. То есть с усилением патронажного поведения государства по отношению к рабочим, с предоставлением им самых элементарных гарантий выживания государству удаётся более или менее стабилизировать свои взаимоотношения с «классом-гегемоном».

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Гарви П. Профсоюзы и кооперация после революции. С. 23.

2 Проблема прочности связки “большевики – рабочие” не так проста, как может показаться. На самом деле куда проще решаются вопросы о взаимоотношениях большевиков, к примеру, с крестьянством или интеллигенцией. Рабочих большевики считали своей классовой опорой. От того, насколько пролетариат одобрял или не одобрял их тактику, зависело политическое существование РСДРП(б). Уже это определяло противоречивость связей большевистской партии с рабочими. Явление, которое можно условно назвать “русский рабочий”, безвозвратно ушло в прошлое. Это — тема особого исследования. В своё время её касался Г.В. Плеханов, М. Горький (в художественной форме), А.А. Богданов. Плеханов, к примеру, попытался такими словами передать глубинный смысл, который он видел в экономической борьбе рабочих против всевластия капитала. “Можно статистически доказать, — писал он, — что чем выше заработная плата данного слоя рабочих, тем большая доля её идёт на удовлетворение *духовных* потребностей рабочего. Стало быть, для пролетария борьба за “копейку” уже сама по себе есть борьба за сохранение и развитие своего человеческого достоинства” (См. Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. Т. V. М., 1958. С. 524). Важно, что и современные историки подступают к этому сложному вопросу, причём, что особенно интересно, именно с точки зрения роли культурологического фактора в процессах модернизации. То есть вопрос формирования гражданского общества в России рисуется не с социальной, как в нашем исследовании, а несколько иной позиции, что позволит в будущем прийти к широким обобщающим выводам. Так, Т. Бойко в совсем недавно опубликованной монографии, о которой речь шла во Введении, приходит к заключению, что хотя пролетариат и не был самым образованным классом в России рубежа веков, но именно в его среде темпы роста образования и приобщения к культуре были существенно выше, чем в других слоях российского общества, в частности крестьянства и так называемых средних слоёв городского населения, т. е., говоря языком прежней науки, мелкой буржуазии (См. Бойко Т.В. Рабочие России и культура. Poleмика на страницах консервативной и либеральной периодики начала XX века. М., 1997 С 120) *Во всяком случае, всё, что мы выше выяснили о характере движения рабочих в 1917 г., показывает, как не просто было политикам оказывать на него влияние, как сложно было добиться поддержки в рабочей среде.*

3 Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). М., 1958. С. 88.

4 Кроме того, он не являлся таким уж нереалистичным, как может показаться на первый взгляд. О его сравнительной практической пригодности свидетельствует, в частности, опыт различного рода коалиций, существовавших между Советами и прежними демократическими органами власти в различных российских губерниях. Случалось, что создание таких коалиций было направлено на предотвращение гражданской войны. (См. о постановке этого вопроса: Щагин Э.М. Коалиции Советов с земствами и городскими думами в конце 1917 — начале 1918 г. и их освещение в современной советской литературе по истории Великого Октября // Великий Октябрь и непролетарские партии. М., 1992. С. 3–11.

5 На этот счёт см.: письмо М.П. Жакова к С.Ф. Васильченко // Пролетарская революция 1922. № 10. С. 88–92.

6. См., например: Иоффе Г. Семнадцатый год: Ленин. Керенский. Корнилов. М., 1995. С. 154–157, 164; Слассер Р. Сталин в 1917 году. М., 1989. С. 253–276 и др.

7. Киселёв А.Ф. Российские профсоюзы: от независимости к огосударствлению // Власть и общественные организации в России в первой трети XX столетия. М., 1993. С. 23.

8. Социал-демократ. 1917. 14 ноября.

9. См. Металлист. 1917. 30 ноября.

10 Ткач. 1917. 9 ноября.

11. Панкратова А М Политическая борьба в российском профдвижении. Л.,

1927. С. 111.

12. В советской историографии лозунг однородного социалистического правительства бескомпромиссно прописан как контрреволюционный (См., напр.: Городетский Е.Н. Рождение Советского государства. М., 1965; Спиридонов М.В. Политический крах меньшевиков и эсеров в профессиональном движении (1917—1920 гг.). Петрозаводск, 1965 и др.

13. Карр Э. История Советской России. Большеви́стская революция 1917—1923 Кн 1. Т. 1; Т. 2. М., Прогресс. 1990. С. 709.

14. Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. С. 11.

15. Морозов Б.М. Формирование органов центрального управления Советской России в 1917—1918 гг. М., 1995.

16. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 63

17. ГАРФ. Ф. 5498. Оп. 1. Д. 13. Л. 23

18. Фельштинский Ю. Крушение мировой революции. Брестский мир: Октябрь 1917 — ноябрь 1918. М., 1992. С.107.

19. ГАРФ. Ф. 5498. Оп 1. Д. 1. Л. 28 об.

20. Вомпе П. Три года революционного движения на железных дорогах Российской Советской Республики. 1917—1920. М., Лит. — издат. отд. Цектрана и Политуправления НКПС. 1920.

21. Рейли Д. Дж. Политические судьбы российской губернии: 1917 в Саратове. Саратов, 1995 С. 242

22. ГАРФ. Ф. 5498. Оп 1. Д. 54. Л. 2, 2 об.

23. ГАРФ. Ф. 5498. Оп. 1. Д. 69. Л. 7—8.

24. Киселёв А.Ф. Профсоюзы и советское государство (дискуссии 1917—1920 гг.) М., 1991. С. 11.

25. ГАРФ. Ф. 5498. Оп. 1. Д. 24. Л. 6, 9.

26. Рабочая газета. 1917. 1 ноября

27. Правда. 1917. 28 октября.

28. Гарви П. Профсоюзы и кооперация после революции (1917—1921). Newton. CHALIDZE PUBLICATIONS. 1989. С. 29—30.

29. Лаверычев В.Я. Военный государственно-монополистический капитализм в России М, 1988. С 253.

30. Известия Московского Военно-промышленного Комитета 1916 30 августа.

31. Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года Семнадцатый год Т 1 М., 1992. С 155

32. Галили З. Лидеры меньшевиков в Русской революции. М, 1993 С. 92.

33. См : Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 105—106.

34. Собрание узаконений. 1917—1918. № 182. С. 1015

35. Вестник Временного правительства. Пг., 1917. № 49

36. Галили З. Лидеры меньшевиков. С 251—253.

37. Торгово-промышленная газета. 1917 28 ноября; Промышленность и торговля. 1917 12 декабря.

38. Галили З. Лидеры меньшевиков. С. 126

39. Гарви П. Профсоюзы и кооперация С 21; Фин Я. Профдвижение СССР. От возникновения до наших дней. М., 1928. С. 44—45.

40. Городецкий Е.Н. Рождение Советского государства. М., 1987. С. 133; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 306.

41. Киселёв А.Ф. Профсоюзы и советское государство. С. 18; Лозовский С. Настоящее и будущее профессиональных союзов. // Партия и союзы. Пг., 1921. С. 156 и др.

42. Новый мир. 1917. 21 февраля.

43. Новый мир. 1917. 28 февраля.

44. Новый мир. 1917. 24 марта.

45. Там же.

46. Социал-демократ. 1917. 25 мая.
47. Бухарин Н.И. От крушения царизма до падения буржуазии. Харьков, 1923. С. 53–54; 54–55.
48. Новый мир. 1917. 27 марта.
49. В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 162–177.
50. Там же. С. 307–308.
51. Там же. С. 97, 101.
52. Павлюченков С.А. Крестьянский Брест, или Предыстория большевистского НЭПа. М., 1996. С. 12, 13, 14.
53. May В. Реформы и догмы. 1914—1929. М., 1993. С. 9.
54. Avrich P.H. The Bolshevik and Worker's Control in Russian Industry // Slavic Review. March 1963. vol XXII № 1 p 60–61; Он же. Russian Factory Committees in 1917 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas / Н. 2. Wiesbaden. 1963.
55. Воспоминания Н. Бухарина в журнале “Пролетарская революция” № 10. 1922. С. 316–322.
56. Степанов И. От рабочего контроля к рабочему управлению в промышленности и земледелии. М., 1918. С. 7–8; Рабочий контроль. 1918. № 4 и др.
57. Имени Владимира Ильича История Ордена Ленина и Трудового Красного Знамени электромеханического завода им. В.И. Ленина. М., Московский рабочий. 1970. С. 80; Уваров А.К. К Ленину за Советом. // За власть Советов. М., 1957. С. 27.
58. Лозовский С. Рабочий контроль. Пг., 1918. С. 19.
59. В.И. Ленин Полн. собр. соч. Т. 34. С. 306–307, 162–177.
60. В своём исследовании российской революции Э. Карр приходит даже к выводу, что некоторые ленинские высказывания вели к размыванию грани между рабочим и государственным контролем (См.: Карр Э. История Советской России. Большевистская революция 1917—1923. Кн. 1. Т. 1; Т. 2. М., Прогресс. 1990. С. 451, 452).
61. Новый мир. 1917. 27 марта; ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 12. Д. 90. Л. 2–9.
62. Социал-демократ. 1917. 27 мая; см. там же: Спартак. 1917. № 2. С. 1–4.
63. ГАРФ. Ф. 5469. Оп. 1. Д. 21. Л. 1, 2–11.
64. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 101.
65. Бухарин Н. Программа коммунистов-большевиков. Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1990. С. 39–80.
66. См.: Первый Всероссийский съезд профессиональных союзов. 7—14 января 1918 г. Стенографический отчет с предисловием М. Томского. М., ВЦСПС. 1918. С. 98; Лозовский С. Рабочий контроль. Пг., 1918. С. 3.
67. Новый путь. 1917. № 3–4. С. 21.
68. Скворцов-Степанов И. От рабочего контроля к рабочему управлению. М., 1918. С. 9.
69. Рабочий контроль. 1918. № 2. С. 7.
70. ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 2. Д. 8. Л. 37.
71. Рабочая жизнь. 1918. 8 апреля.
72. Киселёв А.Ф. Профсоюзы и Советское государство (Дискуссии 1917—1920 гг.) М., Прометей. 1991. С. 24.
73. ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 2. Д. 8. Л. 30.
74. Рабочая жизнь. 1918. 8 апреля.
75. Как считает А.Ф. Киселёв, такая трактовка задач рабочих объединений не прошла бесследно и в той или иной форме она внедрялась в практику. И это не могло не дать соответствующих результатов в недалёком будущем (См.: Киселёв А.Ф. Профсоюзы и Советское государство. С. 25–26).
76. Новый путь. 1918. № 1–2. С. 3, 4–5.
77. Рабочий контроль. 1918. № 1. С. 15.
78. ГАТО. Ф. 105. Оп. 1. Д. 2. Л. 148; там же. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 20. Л. 11; там же и др.
79. Установление Советской власти в Костроме и Костромской губернии. Кос-

трома, 1957. С. 366.

80. Дробижев В.З. Главный штаб социалистической промышленности: (Очерки истории ВСНХ. 1917—1932 гг.) М., 1966. С. 52—53.

81. Панкратова А.М. История развития фабрично-заводского представительства и фабрично-заводских комитетов в России. М., 1924. С. 81—82; Дробижев В.З. Главный штаб социалистической промышленности: (Очерки истории ВСНХ. 1917—1932 гг.) М., 1966. С. 49—54.

82. ГАТО. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 5. Л. 153, 153 Об, 154; там же. Ф. 220. Оп. 1. Д. 5. Л. 291, 391

83. Северный рабочий. 1918. 29 мая.

84. Протоколы делегатского собрания. Вязнечих, 1918 С. 3, 9—10.

85. ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 3. Д. 215. Л. 2—3; ГАИО. Ф. 506. Оп. 1. Д. 2. Л. 32

86. ГАИО. Ф. Р-730. Оп. 1. Д. 36. Л. 15, 16—13 Об; там же. Д. 35 Л. 5 Об; Рабочий край. 1918. 20 марта.

87. ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 3. Д. 35. Л. 17.

88. Там же. Д. 215. Л. 10, 12.

89. Материалы по истории СССР. Т. 3. С. 163; ГАРФ. Ф. 382. Оп. 6. Д. 24. Л. 18 Об.; ГАИО. Ф. Р-730. Оп. 1. Д. 95. Л. 7—15.

90. ГАТО. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 39. Л. 129.

91. Национализация промышленности в СССР. С. 376—377.

92. Протоколы делегатского собрания. С. 3, 9—10; ГАТО. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 5. Л. 129—130; там же. Д. 39. Л. 147, 147 Об., 148; ГАРФ. Ф. 6860. Оп. 1. Д. 313. Л. 6., История Советского рабочего класса. Т. 1. С. 185.

93. ГАИО. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 1. Л. 1; ГАТО. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 23 Л. 48.

94. ГАРФ. Ф. 6864. Оп. 1. Д. 126. Л. 3—4.; Печатник. 1918. № 1, ГАТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 3. Л. 89; Баевский Д.А. Рабочий класс в первые годы Советской власти. (1917—1921 гг.) М., 1974. С. 213.

95. ГАТО. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 39. Л. 131—133; ГАИО. Ф. 730. Оп. 1. Д. 34. Л. 7—9 и др.

96. ГАИО. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2а. Л. 65, 93; там же. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 5. Л. 138; Новый путь. 1918. № 3; ГАИО. Ф. 641. Оп. 1. Д. 60. Л. 16—23.

97. ГАТО. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 39. Л. 56, 57, 59; там же. Д. 5. Л. 148, 148 Об.; там же. Ф. 444 Оп. 1. Д. 9. Л. 48; ГАИО. Ф. Р-730. Оп. 1. Д. 33. Л. 15.

98. Несмотря на то что мы совершенно целенаправленно искали следы такого влияния, в архивах их обнаружить не удалось, во всяком случае пока.

99. ГАТО. Ф. 444. Оп. 1. Д. 9 Л. 50; там же Ф. 207. Оп. 1. Д. 3. Л. 79, 85; ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 3. Д. 215. Л. 9—11 там же. Ф. 7. Оп. 7—1. Д. 4. Л. 17.

100. ГАТО. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 39. Л. 135—136, там же Ф. 220. Оп. 1. Д. 5. Л. 66.

101. См. об этом: ГАРФ. Ф. 472. Оп. 1. Д. 9. Л. 6; Иткин М.Л. Центры фабрично-заводских комитетов в России в 1917 году. // Вопросы истории. 1974. С. 21—35; Трукан Г.А. Октябрь в Центральной России. М., 1967. С. 334. Новый путь. 1918. № 3. С. 13; Новый путь. 1918. № 3. С. 13.

102. ГАРФ. Ф. 6860. Оп. 1. Д. 313. Л. 6.; История Советского рабочего класса. Т. 1. С. 185. и др. Новый путь. 1918. № 3. С. 13—14 и др.

103. ГАРФ. Ф. 472. Оп. 1. Д. 9. Л. 19.; Новый путь. 1918. № 3. С. 13—14

104. См. напр.: ГАИО. Ф. 641. Оп. 1. Д. 1 Л. 23.

105. там же. № 3.

106. Рабочий контроль в промышленности Петрограда в 1917—1918 гг. Л., 1947. С. 378; Очередные задачи профсоюзов М., 1918.

107. Подробн. см.: Дробижев В.З. Главный штаб социалистической промышленности: (Очерки истории ВСНХ. 1917—1932 гг.) М., 1966.

108. Дробижев В.З. Главный штаб социалистической промышленности. С. 58.

109. Рабочий контроль. 1918. № 2. С. 14—15.

110. Там же.

- 111 ГАЯО Ф Р-692. Оп. 1. Д. 1. Л. 94–103.
112. Там же. Ф. Р-162. Д. 178. Л. 21–22
113. Панкратова А. Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику. М., 1923. С. 241; Дробижев В.З. Главный штаб социалистической промышленности. С. 35; Новый путь. № 1–2; Рабочий контроль. 1918. № 3. С. 15.
- 114 Пайпс Р. Русская революция. М., 1994. Ч. 2. С. 396.
- 115 Сами крестьяне подчас называли декрет о Мире “святым декретом”, но это могло быть следствием не только радости крестьян в связи с осуществлением их извечной мечты о земле, но и вполне определённым отношением к центральной власти. Не случайно после его принятия уже шедшая аграрная революция усилилась (См. напр.: Тюкавкин В Г, Щагин Э М Крестьянство России в период трех революций. М., 1987. С 189 и др
116. Карр Э. История Советской России. Кн. 1. С. 458; Иткин М.Л. Современная литература о рабочем контроле (1917—1918) // Вопросы истории. 1987. № 12; он же. Современная литература о рабочем контроле. 1917—1918 гг. // Вопросы истории. 1987. № 12
117. Красная летопись. 1927. № 2. С. 230–231; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 274; Кормчий октября 1925 С. 84.
118. Баевский Д.А. Рабочий класс в первые годы Советской власти (1917—1921 гг.) М., 1974 С. 18
119. Декреты Советской власти Т. 1. М., 1957. С. 83–85; Труды I Всероссийского съезда советов народного хозяйства. М., ВСНХ. 1918. С. 104.
120. Виноградов В.А. Рабочий контроль над производством: теория, история, современность. М, 1983 С. 92
- 121 Рабочий контроль в промышленности Петрограда в 1917—1918 гг. Л., 1947. С. 243–244.
122. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 30.
123. Карр Э. История Советской России. Кн. 1. С. 460.
124. Цит по: Лозовский С. Рабочий контроль. С. 85–88.
125. Крупская Н.К. Воспоминания о Ленине. М., 1989. С. 341.
- 126 См : Ленин В.И. Биографическая хроника. Т. 5. М., 1974. С. 7; Газета Временного Рабочего и Крестьянского правительства. 1917. 1 ноября; Декреты Советской власти Т. 1. С 77–82; Коваленко Д.А. В.И. Ленин и социалистические преобразования в промышленности Советской России. М., 1976. С 39; Правда. 1917. 3 ноября.
127. Коваленко Д А В.И Ленин и социалистические преобразования в промышленности Советской России. С 39; Правда. 1917. 15 ноября; Баевский Д.А. Рабочий класс в первые годы Советской власти. С. 19.
- 128 Коваленко Д.А. В И. Ленин и социалистические преобразования в промышленности Советской России. С. 39; Известия 1917. 18 ноября; Московский металлист. 1917 № 6 С. 20
129. Там же. С. 18–19.
130. Баевский Д.А Рабочий класс в первые годы Советской власти. С. 19.
131. Протоколы заседания ВЦИК II созыва. М., 1918. С. 61. Там же.
132. Протоколы заседаний ВЦИК 2-го созыва. М., 1918. С. 60–62.
133. Панкратова А.М. Фабзавкомы в борьбе за социалистическую фабрику, М, 1923. С. 238–241
134. Плетнёв В.Ф. О рабочем контроле. М., 1918. С. 6–7.
135. Лозовский С. Рабочий контроль. С. 85–88
- 136 ЦГАМО. Ф. 180 Оп. 1. Д. 28. Л 1–3.
137. Известия Московского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 25 ноября; Социал-демократ. 1917. 14 декабря.
138. Социал-демократ. 1917. 12 декабря.
- 139 ГАИО Ф. Р-730. Оп 1 Д. 73. Л. 22–22 Об
140. Киселев А.Ф. Профсоюзы и Советское государство. С. 32.

- 141 Декреты Советской власти. Т. 1. С. 83–85
142. Рабочий контроль и национализация промышленных предприятий Петрограда в 1917—1918 гг. Сборник документов. Т. 1. Л., 1947. С. 238.
143. Ленин в первые месяцы советской власти. М., 1933. С. 128.
- 144 Декреты Советской власти. Т. 1. С. 83–85.
- 145 По замечанию западного историка М. Бринтона, эти “туманные пункты” вскоре привели к тому, что весь декрет о рабочем контроле “не стоил бумаги, на которой он был написан”. По мнению же Р. Пайпса, эти два положения закона способствовали тому, что под прикрытием легитимности фабрично-заводские комитеты со временем “были поставлены под контроль бюрократии” и “полностью выхолощены”. Бюрократическая надстройка, делает он вывод, не давала фабзавкомам развить свою собственную, независимую от государства организацию (См.: Brinton M. The Bolsheviks and Worker’s Control 1917 to 1921 Lnd., 1970. P. 16; Пайпс Р. Русская революция М., 1994. Ч. 2. С. 396)
146. Известия Центрального исполнительного комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 13 декабря.
147. Известия Московского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 14 ноября; там же. 23 ноября; Баевский Д.А. Рабочий класс в первые годы Советской власти. С. 21.; ЦГАМО. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 481. Л. 4; Упрочение Советской власти в Москве и Московской губернии: Документы и материалы. М., 1958. С. 179; Дробижев В.З. Главный штаб Социалистической промышленности С. 35.
- 148 Металлист 1917. 16 декабря; Московский металлист. 1917. 29 ноября; Упрочение Советской власти в Москве и Московской губернии. С. 190; Социал-демократ 1918. 18 января.
149. См. Отчёт Всероссийского Центрального Совета профсоюзов за июль — декабрь 1917 г. Пг., 1918.
150. ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 1. Д. 215. Л. 6.
151. Новый путь. 1918. № 1–2. С. 6–7.
152. Являвшийся, по определению Э. Карра, “смертельным врагом фабрично-заводских комитетов”. (См.: Карр Э. История Советской России. Большевицкая революция 1917—1923. Кн. 1 Т. 1, Т. 2. М., Прогресс. 1990. С. 462).
153. Первый Всероссийский съезд профессиональных союзов. М., 1918. С. 234
- 154 См. подр.: Чураков Д. К чему привело противостояние фабзавкомов и профсоюзов // Профсоюзы и экономика. 1995. № 1 С. 55.
- 155 Новый путь. 1918. № 6–8.
- 156 Первый Всероссийский съезд профсоюзов М., Профиздат 1958. Там же С. 194–195, 221–222
157. Там же С. 204
158. Там же С. 215.
159. Новый путь. 1918. № 3 С. 1–2.
160. Как писала, оценивая это событие, А.М. Панкратова, фабрично-заводские комитеты Петрограда в мае 1917 г. на своей 1-й Конференции провозгласили рабочий контроль, а на 6-й Конференции “единодушно его похоронили”. И это замечание представляется чрезвычайно метким (См.: Панкратова А.М. Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику. М., 1923. С. 248).
- 161 Подр. см.: Киселёв А. Ф. Российские профсоюзы: от независимости к огосударствлению // Власть и общественные организации в России в первой трети XX столетия С. 19–47 М., 1993
- 162 Пайпс Р. Русская революция. М., 1994 Т. 2. С. 396–397.
- 163 Первый Всероссийский съезд профессиональных союзов. 7—14 января 1918 г. Полн. стеногр. отчет. М., 1918.
- 164 ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 3. Д. 100. Л. 77; Галили З. Лидеры меньшевиков. С. 397 и др.
- 165 Рабочее движение в 1917 г. С. 330; ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 3. Д. 36. Л. 15.

166. ЦГАМО. Ф. 186 Оп. 1. Д. 53. Л. 11; ГАИО. Ф Р-765. Оп. 1. Д. 123. Л. 18.
- 167 Галили З Лидеры меньшевиков в Русской революции. С 271.
- 168 Труды делегатских собраний Иваново-Кинешемского областного профессионального союза рабочих и работниц текстильной промышленности Изд. Ив.-Кинешемского обл. проф. союза рабочих и работниц текстил. пром-ти. 1918 С 23–24.
169. ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 3. Д. 168. Л. 82–83.
170. См: Новый путь. 1918. № 6–8. С. 21.
171. ГАТО. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 5. Л. 148.
172. Новый путь. 1918 № 6–8. С. 21.
173. Рабочий город 1918. 3 января.
- 174 ГАТО. Ф. 1012. Оп. 2 Д 1397. Л. 2, 3, 4, 4 Об; ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 3. Д. 215 Л 11, 18; Исторический Архив. 1949. № 1 С. 403; Северный рабочий. 1918. 29 мая; Дробижев В З Главный штаб социалистической промышленности С 38 и др.
- 175 Пайпе Р Русская революция С 367
- 176 Цит по Дробижев В.З. Главный штаб социалистической промышленности. С. 37.
- 177 Бухарин Н Избранные произведения М., 1990 С. 51–54.
178. Фин Я Фабрично-заводские комитеты в России. М., 1922. С. 64–72; Баевский Д.А. Рабочий класс в первые годы Советской власти. С. 23; Дробижев В.З. Главный штаб социалистической промышленности. С. 35 и д. р.
179. ГАРФ. Ф. 6935. Оп. 7. Д. 167а. Л. 4; Газета Рабочего и Крестьянского правительства. 1918. 31 января, Рабочий контроль. 1918. № 2. С. 10–11; Вестник Народного Комиссариата труда 1918. № 2–3. С 100–102, 106; ГАТО. Ф. Р-1012. Оп. 1. Д. 23. Л 25 и др.
180. Генкин Л Б. Становление дисциплины труда. М., 1967.
- 181 См.: История Советского рабочего класса. Т. , С. 183; Материалы по истории СССР. Т 3. С. 185, ГАТО. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 23. Л. 43, 73, 81–85; Там же. Д. 30. Л. 16 и др.
182. Протоколы Президиума Высшего Совета Народного Хозяйства. Декабрь 1917 г. — 1918 г. М., 1991. С. 14, 81–82; Ленинский сборник. Т. 37. С. 72.
183. Протоколы Президиума Высшего Совета Народного Хозяйства. С. 84; Ленин В.И Полн. собр. соч. Т. 35. С. 430
184. ГАИО Ф. 701 Оп 1. Д 1. Л 41 Об.
185. Романов Ф. Профсоюзы в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1954. С. 142.
- 186 Известия Тверского Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов. 1918 29 июня.
- 187 Дело народа. 1918 10 апреля; ГАРФ Ф. 6864. Оп. 1. Д. 122 Л. 339.
- 188 ГАТО. Ф. 1012 Оп 1 Д 5. Л. 2; там же Д. 39. Л. 129; там же Д. 30. Л 16; ГАРФ Ф 6935. Оп. 7. Д 61 Л 283–294; там же ГАРФ. Ф 5498. Оп. 1. Д. 24, Л 6–9, там же Д. 1. Л. 28 Об., Вомпе П. Три года революционного движения на железных дорогах Российской Советской республики 1917—1920. М., 1920; Алуф А Профсоюзы в Октябрьской революции. М., 1927.; Городецкий Е Н. Рождение Советского государства. М., 1987. Спиридонов М.В. Политический крах меньшевиков и эсеров в профессиональном движении (1917—1920 гг.). Петрозаводск, 1965; Морозов Б.М Формирование органов центрального управления Советской России в 1917—1918 гг. М. 1995 и др. Наиболее полно и непредвзято этот вопрос освещён в кн.: Киселёв А.Ф. Профсоюзы и Советское государство; Павлюченков С.А Военный коммунизм в России. Власть и массы. М , 1997.
- 189 Труды Первого Всероссийского съезда советов народного хозяйства. 25 мая — 4 июня 1918 г. Стенографический отчет. С. 256–257.
190. Баевский Д А. Рабочий класс в первые годы Советской власти. С 73.
- 191 Ленинский сборник. XXI. С. 130.
- 192 Народное хозяйство. 1918. № 4. С 18.

193 См.: Об общих тенденциях в развитии органов самоуправления в сб.: Институты самоуправления: историко-правовое исследование М., 1995.

194. Рабочий контроль в промышленности Петрограда в 1917—1919 гг. Т I Л., 1947 С 457—461.

195. Второй Всероссийский съезд профессиональных союзов. Стенографический отчёт. М., 1921. С. 22.

196. Томский М. Избранные речи и статьи. М., 1928. С. 144.

197. Рабочий контроль в промышленности Петрограда в 1917—1919 гг. С. 36—37.

198. В советской историографии, например, основное внимание уделялось влиянию партии большевиков в центральных ведомствах. См.: Трукан Г.А Рабочий класс в борьбе за победу и упрочение Советской власти. М., 1975. С. 179—180. Не смогли подобрать верного ключа к вопросу о формировании новой элиты и противники советской системы. Ярким примером здесь вполне может считаться концепция М Восленского Согласно ей, правящий в СССР класс, номенклатура, сложился на базе замкнутой социальной группы, касты, каковой до революции была в глазах Восленского большевистская партия. См. Восленский М Номенклатура М., 1991

199. В частности, о том, как шло формирование кадров отделов труда *местных Советов*, можно представить на основе анализа анкет делегатов II Всероссийского съезда комиссаров труда, состоявшегося примерно в одно время со съездом Совнархозов — в мае 1918 г. Материалы анкет не охватывают все регионы страны и весь контингент работников отделов и комиссариатов труда. Но данные проводившегося на съезде анкетирования достаточно репрезентативны. Имеются анкеты, заполненные работниками разных уровней руководящего состава местных органов труда от комиссаров труда и членов коллегий до заведующих подотделов по 3 областным, 19 губернским, а также по 49 городским и уездным отделам труда. Территориально анкетированием удалось охватить ключевые экономические районы страны с развитыми институтами рабочего самоуправления: Северо-Западный район, ЦПР, Урал, Поволжье, Сибирь Согласно результатам анкетирования, несмотря на то что речь идёт об органах труда, т. е. таких органах нового государства, которые действовали на “чисто пролетарском” направлении, рабочие изначально не занимали в них доминирующего положения В должностном составе уездных и городских комиссаров труда они составляли 57,68% (См.: Киселёв А.Ф. Отделы труда местных Советов: формирование взаимоотношений с профсоюзами (октябрь 1917 — лето 1918 гг.) // Советы и творчество масс. М., 1986 С. 42—43) Всего же в уездных городах в исполкомах число рабочих составляло 48,8% (См. Владимирский М.Ф. Советы, исполкомы и съезды Советов. Вып 1 М., 1920. С. 14)

200 См. Богданов А А. Письмо Луначарскому 19 ноября (2 декабря) 1917 г // Вопросы социализма. М., 1990. С 352—353.

201 См.: Богданов А А. Тектология. Всеобщая организационная наука В 2-х тт. М., 1989.

202. См.: Богданов А.А. (Малиновский). Статьи, доклады, письма и воспоминания. 1901 — 1928 гг. Кн. 1. М., 1995. С. 81—92.

203. В пылу полемики, предшествовавшей X съезду РКП(б), Н. Бухарин активно проповедовал идеи милитаризации труда. “Мы проводим линию огосударствления профессиональных союзов, — отвечал он на критику противников принудительного труда внутри партии, — которую мы, большевики наметили, и должны провести до конца”. В его понимании это заключалось “в том, что и профессиональные союзы, и другие рабочие организации, в своих фабрично-заводских комитетах, должны в своих методах действовать так, как действуют военные организации. РЦХИДНИ. Ф 95 Оп 1. Д 6 Л. 19.

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И СУДЬБЫ РАБОЧЕГО САМОУПРАВЛЕНИЯ. ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Так получилось, что, говоря о развитии фабзавкомовского движения и связанного с ним производственного самоуправления рабочих в 1917 г., нам не раз приходилось выходить и за хронологические рамки, и за рамки собственно рабочего движения. Это и понятно — рабочее самоуправление не было чем-то изолированным. Возникновение его так или иначе обуславливалось нараставшим процессом перехода России от традиционных институтов к общественным институтам современного типа. Сами эти институты вряд ли могут представляться однозначно: с одной стороны — это новейшее тотальное государство, с другой стороны — гражданское общество с его демократическими элементами. Развитие России требовало именно демократизации механизмов общественной регуляции. Ответом на этот вызов и становятся, в определённой мере, русская революция 1917 г. и рождённые ею органы самоуправления. Но революция завершилась, и централизованное государство вновь вернуло себе доминирующие позиции, а самоуправление оказалось неэффективно в противодействии растущим метастазам бюрократизма.

Человечество за свою долгую историю пережило множество бунтов, восстаний, мятежей, наконец, — революций. Русская революция лишь одна из них. И прежде и после неё социальные взрывы, нацеленные на решение извечных вопросов справедливости, оканчивались такими же результатами. Имеет ли в этих условиях демократия право на существование, или она заведомо слабее прочих существующих в обществе тенденций? Ставя вопрос о принципиальной возможности в России рабочего самоуправления и заостряя внимание на том внешнем воздействии на органы рабочего представительства в 1917 г., которое в конечном итоге и не дало реализоваться демократическому

потенциалу фабрично-заводских комитетов, мы как раз и стремились разобраться в этом. В этом смысле нам представляется удачной аллегория, заключённая в скульптуре И. Шадра, помещённой на обложке. С одной стороны, рабочий уже взял в руки булыжник — своё оружие. Но с другой — спина его ещё согнута. Ничего более точно передающего состояние, рождённое альтернативами русской революции 1917 г., в искусстве видеть не приходилось.

Громадный фактический материал, который дают события русской революции 1917 г., заставляет задуматься о самом характере взаимовлияний между органами локальной самоорганизации и обществом. Где та грань, за которой локализм становится разрушительным для общества и, с другой стороны, общественный контроль над местными интересами перерастает в диктатуру? Стоит ли искать её в уровне общественной организации, или речь идёт о более глубоких, типологических и даже аксиологических противоречиях? Во всяком случае, взаимодействие рабочих комитетов конкретных предприятий подчас складывалось гораздо более успешно с региональными и даже всероссийскими центрами фабзавкомовского движения, чем с действовавшими в их городе, на их же предприятии профсоюзными органами. Многовариантность происходившего в 1917 г. на разных предприятиях и в разных регионах затрудняет получение однозначных оценок.

Но что само по себе означало существование внутри рабочего движения нескольких, принципиально не схожих типов пролетарской самоорганизации? Не могло же это быть исключительно следствием конфликта внутри политической элиты, по-разному видевшей будущее рабочего движения в стране, или простым следствием неразберихи первых месяцев революции? Это ещё одна проблема, возникающая при изучении деятельности фабзавкомов в период русской революции и выходящая на целый комплекс других вопросов. Прежде всего, речь здесь может идти о характере революции, степени её зрелости и национальной природе.

В своё время, стремясь дать наиболее адекватный анализ западного общества, К. Маркс в качестве “его элементарной формы” назвал товар. По сути, все последующие политэкономические построения Маркса есть не что иное, как диалектическое развёртывание (почти по Гегелю!) из этой категории “товар” всей системы западного устройства, включая сюда политическую надстройку, культуру, мораль и другие сферы общества. Нам видится, что таким первичным звеном, матрицей, через анализ которой только и можно понять российское общество и русскую историю, является община. Такая постановка вопроса позволяет приблизиться и к пониманию ситуации вокруг множественности форм рабочего представительства в период революции 1917 г. в России.

На протяжении всего исследования выявлялись те факторы, которые позволяли бы говорить о влиянии на рабочее самоуправление (и в частности, на становление фабзавкомов) этих общинных традиций трудовой демократии и хозяйственного самоуправления. В этом смысле построенные по западноевропейскому образцу профсоюзы действительно могли показаться чужеродным явлением в русском рабочем движении. Отчасти так оно и было. Но что же с другой стороны? Шёл рост государственного индустриализма и помимо этого заимствованных форм новейшего капитализма — словом, элементов современной урбанистической цивилизации. Этот фактор также предъявлял свой вызов революционному движению рабочих, и ничуть не менее простой, чем потрясшее современников крушение тысячелетней российской монархии. Могла ли опора рабочего самоуправления лишь на традиционные институты способствовать их прочности, когда всё общество в целом было застигнуто революцией как раз на этапе трансформации традиционного уклада?

Дело, однако, в этом случае не только в стратегии борьбы и перспективах постреволюционного устройства. Существование и массовая база различных по типу пролетарских организаций говорят о неоднородности самого русского рабочего класса. Причём мы имеем в виду не пресловутое мелкобуржуазное или какое-либо ещё влияние и даже не воздействие на рабочий класс выходцев из деревни. Природа существовавших различий ещё должна быть выявлена. Но очевидно одно — подавление той или иной составляющей существовавшего тогда многообразия было чревато кризисами. Революция открывала возможности для постепенного решения существовавших противоречий, но она же создала почву для их насильственного подавления.

Развиваясь, рабочее самоуправление воздействовало на изменение фабричных порядков. Но условия острого гражданского противостояния, то спадавшего, то обострявшегося на протяжении всего 1917 г., обостряли автономистские настроения не только на уровне отдельных предприятий и производств. В рамках отдельных предприятий, помимо рабочего, в 1917 г. действовали и другие формы самоуправления. Речь идёт не только о разного рода формах самоорганизации торгово-промышленного класса, хотя и их нельзя сбрасывать со счёта. На многих предприятиях параллельно с рабочими фабрично-заводскими комитетами и рабочими профсоюзами существовали комитеты и союзы служащих. Таким образом, изучение проблематики рабочего самоуправления выводит нас ещё на одну задачу, не традиционную для историографии революции 1917 г., а именно на проблему **фабричного самоуправления**, которое бы включало рабочее самоуправление как одну из составляющих, но не единственную.

Понятно, что понимаемое таким образом фабричное самоуправление подразумевает определённый “гражданский мир” внутри

отдельных предприятий, механизмы поиска компромисса. Способствовало бы это укреплению позиций фабричных коллективов перед лицом государства? Очевидно, что там, где удалось наладить какой-то внутренний диалог между рабочими, служащими и даже предпринимателями, сопротивление процессам огосударствления было наиболее упорным и меры на его преодоление наиболее бескомпромиссными. Но идёт ли речь об устойчивой тенденции или перед нами всего лишь видимость и в основе отмеченного нами явления лежат другие процессы? Ответ на этот вопрос давать пока преждевременно, поскольку нами рассмотрено лишь самоуправление рабочих. За этим первым шагом должны последовать другие, и, как минимум, темой отдельного исследования должно стать самоуправление служащих в различных отраслях производства в период революции.

Многоступенчатая система самоуправления как условие свободы самоорганизации отдельных социальных групп. Эта проблема поднимается и в современных дискуссиях о рабочем самоуправлении. Пережив все прочие формы самоуправления, став основой нового государства — не попало ли рабочее самоуправление в ловушку? Вакуум, образовавшийся после затухания всех прочих форм земского и городского самоуправления, — не в этом ли следует искать причины разрастания бюрократизма? Ясно, что вопрос этот в рамках изучения рабочего самоуправления останется без ответа, поскольку он в большей мере касается тех слоёв, которые рабочим самоуправлением охвачены как раз-то и не были. Но столь же очевидна и его теснейшая связь с рассмотренными в исследовании процессами.

В таком развитии революции нам также видится проявление конфликта национальных традиций с идущими процессами модернизации. Модернизация, как таковая, не подразумевает каких-либо национальных, социальных или других различий. К их существованию она индифферентна. Но российское общество было именно многоструктурным и многослойным. Выбор представляется довольно прозрачным: либо сложная система самоуправления на всех уровнях социальной иерархии, либо единообразие и централизация. Представляется, что в условиях 1917 г. и даже начала 1918 г. ни один из вариантов predetermined не был. Поэтому было обращено такое внимание на вопросы революционной доктрины, поскольку в условиях неопределённости, даже равновесия тенденций развития общества доктринальные пристрастия элиты начинали жить своей собственной жизнью и становились одним из существенных факторов при выборе дальнейших сценариев общественного развития. Традиционное общество не смогло вписаться в рамки существовавших тогда идеологий, не успело подстроиться под возрастающие ритмы модернизации. Кризис базирующихся на его ценностях институтов, в частности фабзавкомов, важное, но не единственное проявление этого.

Возможность разрешить или хотя бы смягчить противоречия путём выстраивания системы органов самоуправления не была реализована. Нерешенные противоречия загонялись вглубь и, более того, накапливались, придавая историческому процессу самые причудливые очертания. Сами судьбы рабочего самоуправления в России в послереволюционные годы порождают множество вопросов. В частности, когда после Октября мы видим периоды наибольшей политической активности рабочих? Первый период её подъёма приходится на конец 1920 — начало 1921 г. Здесь всё кажется понятным: милитаризация труда, перебои со снабжением хлебом, идеи о “перетряхивании” профсоюзов. Именно к этому времени отмеченные в нашем исследовании тенденции на огосударствление и бюрократизацию выявляются в полной мере. Если в 1913 г. в промышленности на сто рабочих приходилось около восьми служащих, то в 1920 г. их было уже 16. Красноречив и пример роста аппарата экономических ведомств республики, призванных заменить в своё время производственное самоуправление рабочих. Так, с осени 1918 г., т. е. со времени, на рассмотрении которого завершено данное исследование, до начала 1920 г. аппарат, к примеру, ВСНХ увеличился почти в 10 раз — с 2,5 тыс. до 24 тыс. служащих. Помимо этого в губернских совнархозах было занято 93,6 тыс., а в уездных 106 тыс. человек. Таким образом, всего в системе совнархозов было задействовано 234 тыс. человек. Для наглядности скажем, это примерно совпадает с количеством работников всей текстильной промышленности, где в это время их было занято около 240 тысяч. Ярким примером искусственного раздувания штатов служащих, приводимым ещё Литвиновым в его статье в “Правде” за 21 ноября 1921 г., был Главанил (Бензиновый трест). В его штате числилось 50 человек, управлявших единственным предприятием со 150 работавшими на нём. Те же процессы протекали и в самих органах рабочего самоуправления. В частности, процессы бюрократизации привели к тому, что в годы Гражданской войны наиболее быстро рос профсоюз служащих. Если в первой половине 1918 г. в его рядах насчитывалось всего около 50 тыс., то к началу 1920 г. — 550 тыс., а к июлю 1921 г. — 1 млн. 67 тыс. человек. В сфере материального производства складывалась ненормальная обстановка, когда численность управленцев сравнилась и даже начала превышать численность управляемых.

Но вот парадокс — следующий пик недовольства рабочих оказался вызван не чем иным, как мерами, которые были призваны урегулировать все эти проблемы, а именно переходом к новой экономической политике. Оба кризиса, вновь заставившие вспомнить о существовании в России рабочего класса, опять-таки поражают многообразием и противоречивостью своих проявлений. В особенности это касается кризиса, связанного с переходом страны к новой

экономической политике, поскольку и по масштабам, и по продолжительности он существенно превзошёл кризис заключительного периода военного коммунизма. В выступлениях рабочих этого времени удивляет их антирыночная направленность. Известно ведь, что пик забастовочной активности рабочих в послереволюционный период приходится на 1923—1925 гг., т. е. на время наибольшего разворота государства к рыночным реформам в экономике, — факт, говорящий сам за себя. Потом забастовочная активность рабочих идёт на спад — и это время, когда централистские тенденции вновь обретают свою силу, несколько утраченную после отказа от военно-коммунистического радикализма.

Можно ли объяснить это явление тем, что переход к нэпу не стал возвратом к традициям рабочего самоуправления и оно по-прежнему переживало тяжёлые времена? Неслучайно лидер левого меньшевизма Мартов подверг первые шаги нэпа резкой критике, а в недрах профессиональных союзов вновь возникли оппозиционные настроения. Представляется, что В.И. Ленин при переходе к нэпу главную задачу видел все же не в экономике, а в том, чтобы реформировать госаппарат, “который ровно никуда” не годился и который большевики “переняли целиком от прежней эпохи”. Тем не менее именно эта задача в рамках нэпа так и не реализовалась. Соответствующие изменения отразили происходящую эволюцию режима и в области социальной структуры населения. Так, например, с примерно 9 млн. в 1923 г. численность населения городов увеличилось к 1926 г. до 11 млн., т. е. на 21%. Прирост же численности служащих был существенно выше и составил за те же годы 31%. Количество безработных к концу нэповского периода примерно совпадало с численностью управленцев. Рост бюрократизма напрямую отразился и на состоянии рабочего самоуправления, что выразилось в окончательном разгроме профсоюзных кадров, и на падении роли профсоюзов в политической советской системе.

Но наиболее противоречивыми в судьбах рабочего самоуправления становятся 30-е годы. Связь 30-х годов с событиями революции 1917 г. несомненна, но многим она видится совершенно по-разному. Неслучайно поворот к тому курсу, который стал господствующим в эти годы, называют революцией, но революцией сверху — значит, уже не совсем революцией. Причина множества столь полярных оценок, существующих на этот счёт, в сложности самой эпохи. Неоднозначность происшедшего тогда, как представляется, особенно ярко проявилась как раз в ситуации, складывающейся вокруг различных форм рабочего самоуправления.

Отмеченная для эпохи русской революции двойственность почвеннических и модернизационных тенденций становится в это время ещё более наглядной, сужается и круг возможных альтернатив даль-

нейшего общественного развития. Но тот вывод, который был сделан нами применительно к середине 1918 г. (о том, что, несмотря на кризис и ликвидацию одних форм самоуправления, оно продолжало существовать и развиваться в других), представляется нам применимым и к 30-м годам.

Разумеется, мы не собираемся оспаривать выводы Т. Клиффа и других специалистов по истории рабочего движения периода индустриализации, что сталинская группа вынуждена была нанести целый ряд ударов по рабочему движению с тем, чтобы суметь самой удержаться у власти. Так, в ходе борьбы за единоначалие на производстве был упразднён так называемый треугольник, когда в выработке и принятии решений помимо директора участвовали также руководители профсоюзной и партийных ячеек этого предприятия. По сути, речь шла об участии в управленческой деятельности рабочих, правда, в отчуждённой, опосредованной форме. Для понимания атмосферы 30-х годов характерно, что, несмотря на то что и профсоюзы, и партия давно стали составными частями политической системы, даже эта реликтовая форма рабочего контроля показалась теперь ненужной для правящей бюрократии.

Официально треугольники были похоронены в 1937 г., когда на Пленуме ЦК один из ближайших сподвижников И. Сталина — А. Жданов заявил: “Треугольник представляет из себя совершенно недопустимую форму... Треугольник представляет нечто вроде какого-то коллегиального органа управления, в то время как наше хозяйственное руководство совсем иным образом построено”.

Дальнейшему нажиму подверглись и сами профсоюзы, которые были лишены своего традиционного, фундаментального права регулирования оплаты труда. В 1934 г. умерла традиция заключения коллективных договоров. В 1940 г. председатель ВЦСПС Шверник прокомментировал это следующим образом: “...когда план является решающим началом в развитии народного хозяйства, вопросы зарплаты не могут решаться вне плана, вне связи с ним. Таким образом, коллективный договор как форма регулирования заработной платы изжил себя”. Ну и конечно, серьёзно ограничивали возможность самоорганизации рабочих рабочее законодательство конца 30-х годов. По сути, это было законодательство уже военного времени, и демократические процедуры в нём никак не предусматривалось.

Раз за разом институты традиционного общества на уровне рабочего самоуправления вступали в конфликт с новейшими тенденциями в развитии общества. В результате шло подавление и разрушение этих традиционных институтов при отсутствии чего-либо нового, идущего им на смену. Но в том-то и заключалась особенность самоуправления рабочих в России, что его почвеннические, общинные корни не давали ему полностью поглотиться курсом модернизации.

Возникает вопрос, можно ли в этой ситуации смотреть на постреволюционное развитие рабочего самоуправления в России только с точки зрения существования форм рабочей самоорганизации, тождественных западным?

Даже в самые трудные годы официальные рабочие организации продолжали нести немало черт, позволяющих говорить о существовании в СССР каких-то элементарных форм самоуправления рабочих. Элементы эти вряд ли возможно абсолютизировать, но с определённого уровня, пусть и очень низкого, государство, даже в лице администрации, уже не могло, а главное, не желало вмешиваться в деятельность этих низовых очагов рабочей самоорганизации. Подчас в каких-то передовых, скажем стахановских, бригадах элементы самоуправления приобретали даже производственный характер. Сегодня, как мы знаем, стахановское движение оценивается неоднозначно, но его роль в некоторой реанимации *производственного* самоуправления — разве не заслуживает самого заинтересованного внимания?

В этом смысле профсоюзы и другие официальные формы рабочей самоорганизации играли роль буфера между личностью и государством. Советское общество вообще состояло из множества таких автономных, часто самодостаточных ячеек, контроль за которыми постоянно ускользал из рук центрального правительства.

Говоря о судьбах рабочего самоуправления после революции 1917 г., нельзя, хотя бы коротко, не упомянуть и ещё об одном обстоятельстве, прямо выходящем на затронутую в книге тему связи рабочих с их деревенскими корнями. До революции связь эта была достаточно широкой. Но что происходит в 30-е годы? Широко известный факт: в течение 30-х годов из аграрного сектора высвобождается около 20 млн. человек. Частью они пополнили социальную группу управленцев, армию, интеллигенцию, но и уголовный мир. Понятно, что основная масса выходцев из деревни, а это в основном молодёжь, пополнила рабочий класс, численность которого в течение жизни одного поколения возросла с 9 до 23 млн. человек.

С точки зрения западного человека, ситуация, порождённая миграционными процессами 30-х годов представляется “обществом зыбучих песков”. На первое место в оценках выступают различия между поколением рабочих 30-х годов и рабочими, сформировавшимися в период, предшествующий индустриализации. Складывалось мнение, постепенно перекочевавшее и в нашу литературу, что длительное время они оставались сельскими жителями, вырванными из привычной им социальной среды. Адаптация к городу протекала мучительно и далеко не гладко. И. Дойчер, например, полагал, что именно этому поколению рабочих советские города обязаны своим нынешним серым, мрачноватым, полуварварским видом. Российский же обозреватель С. Кара-Мурза пишет в этой связи о чём-то подоб-

ном новому изданию крепостничества — крепостничества заводских цехов и институтских лабораторий.

С такими однозначными оценками согласиться вряд ли возможно. Но дело даже не в этом, а в том, что с миллионами выходцев из деревни в города хлынул поток демократических представлений русского крестьянства о счастливой доле и правильном общественном устройстве. Города же встретили их серыми, немытыми улицами, дымными цехами, бюрократическим произволом, надменностью интеллигенции. Кроме социальной мести, нашедшей своё отражение в массовой поддержке новыми рабочими расправ над “врагами народа”, их социальная энергия находила применение на уровне самоорганизации локальных коллективов. Каковы были формы этой локальной самоорганизации и можно ли говорить о его влиянии на всё советское общество? Здесь исследования только предстоят.

Применительно к этому времени с особой остротой возникает вопрос о том, что, собственно, следует понимать под самоуправлением: это форма политической деятельности или любая деятельность, направленная на защиту, выражение и отстаивание интересов автономных групп? При традиционном подходе к самоуправлению, действительно, кроме официальных структур сложно заметить структуры неформального часто стихийного самоуправления, охватившего все слои рабочего класса в 30-е годы. Неформальные, но социально значимые типы самоорганизации трудовых коллективов становятся важной чертой советского общества и не дают ему действительно уподобиться “обществу зыбучих песков”. Но особенно характерна способность к созданию таких неформальных самоорганизующихся коллективов была для социально более мобильной молодёжи, примеры чему часто встречаются в мемуарах и других источниках об “ударных комсомольских” стройках. Даже Троцкий, критиковавший отход советской молодёжи от политики, вынужден был признавать, что её активность не исчезла, а оказалась направленной на другие цели. В этом смысле представляет большой интерес изучение многочисленных молодёжных (и не только) субкультур, формировавших в 30-е годы. Процесс социализации молодежи, всегда сопровождающийся усвоением элементов прежней культуры и созданием элементов своей, не мог не носить в 30-е годы ряд специфических черт. Если эту специфику рассматривать с точки зрения самоуправленческих начал, когда под старой культурой будет пониматься сознание, привнесённое из среды русского крестьянства, а под новой культурой — тот тип мировосприятия, который начал складываться под воздействием процессов модернизации, то во многом могут измениться и более глобальные оценки 30-х годов.

Представляется, что именно в этот период окончательно успевают проявиться те тенденции, которые были заложены в русскую

историю революцией 1917 г. Альтернативы, борющиеся друг с другом перспективы развития к этому времени позволяют окончательно сформироваться советскому типу общества. Океан разбуженных возможностей постепенно к концу 30-х годов входит в берега. Происходит некоторая консервация и в вопросе рабочего самоуправления. Нельзя сказать, что развитие его форм завершается. Нет, просто окончательно складываются те рамки, в которых государство готово было терпеть (или не способно было предотвратить, или даже сознательно поощряло) общественную инициативу своих граждан, одетых в рабочие спецовки.

В дальнейшем, в годы войны и послевоенного развития, границы эти то расширялись, то снова сужались, но это не меняло характера взаимоотношений между властью и самоуправлением рабочих, как формальным, в рамках официальных структур, так и неформальным, существующим там, куда влияние государства не распространялось. Существовавшие в эти годы формы рабочей самоорганизации можно трактовать самым разным образом. В частности, в листовках Московской Хельсинкской группы заявлялось о неспособности советских профсоюзов защищать права трудящихся, отрицалось само значение профсоюзов как органов самоорганизации рабочих. Нам же эта оценка представляется по меньшей мере спорной, хотя большего внимания, на наш взгляд, заслуживают выступления МХГ в пользу создания в СССР независимых профсоюзов. Создание таковых, вполне вероятно, способствовало бы оживлению деятельности и других форм рабочей самоорганизации. Но с другой стороны, для создания независимых профсоюзов требовалась немалая активность самих рабочих. А этого-то как раз и не было. Во всяком случае, ни "Хроника текущих событий", ни такие исследователи советского оппозиционного движения, как В. Пономарёв и Л. Алексеева, не зафиксировали сколько-нибудь серьёзных выступлений рабочего класса в те годы. Исключением могут считаться лишь события в Новочеркасске, но исключения, как известно, лишь подтверждают правила. Для того чтобы рабочее самоуправление получило новые стимулы для своего развития, потребовались гораздо более мощные внешние воздействия, чем хрущевская "оттепель" или "косыгинская реформа".

Признаки подобных перемен появились только в начале 80-х годов. В мартовском номере журнала "Коммунист" за 1983 г. появилась большая программная статья нового советского лидера Ю.В. Андропова "Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР". По сегодняшним меркам в ней не было ничего публицистически сенсационного. Но в те годы автор подобной статьи, не будь он первым человеком в партии и государстве, мог бы легко пополнить список инакомыслящих. Не стоит, конечно, переоценивать произошедшее, но в андроповской статье прозвучал целый ряд

моментов, далеко выходящих за рамки предшествующей партийной идеологии. Среди них и признание несовершенства советской системы, и утверждения о необходимости демократии при социализме, но главное — упоминание о самоуправлении, причём в Марксовом его понимании, а также рассуждения о “более органичном включении трудовых коллективов в нашу общегосударственную работу”. Всему этому можно было бы и не придавать значения, если бы уже 12 апреля в печати для “всенародного обсуждения” не появился проект закона “О трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями”, вскоре одобренный Верховным Советом СССР и получивший силу закона.

Пока трудно сказать, результатом каких планов явилось принятие этого закона, но именно он открыл дорогу первым изменениям в области рабочей самоорганизации, начавшимся в годы перестройки и связанным с историей рождения и кризиса советов трудовых коллективов.

Во второй половине 80-х годов СТК создавались на большинстве советских предприятий, некоторые оптимисты готовы были сравнивать их с фабзавкомами. Вернулась практика выбора и контроля над руководством предприятий, цехов и участков. С периодом фабзавкомов действительно можно было найти общее. В частности, неопределённость в разграничении полномочий между официальными профсоюзами и СТК, когда каждый член трудового коллектива был одновременно и членом профсоюза. По свидетельству некоторых профсоюзных лидеров, этим обстоятельством подчас умело пользовалась администрация, стараясь противопоставить друг другу эти две формы рабочей самоорганизации. Негативная оценка со стороны профсоюзной бюрократии “конкурирующих” форм самоуправления тоже не кажется чем-то новым.

Часть наиболее активных СТК образовали уже действительно самостоятельную рабочую структуру самоуправления — “Совет трудовых коллективов”. В те же годы развиваются и другие формы рабочего самоуправления, старт чему дали выступления шахтёров ведущих угольных регионов, рабочих Белоруссии и Прибалтики, включая Ленинград. К ним могут быть отнесены многочисленные объединённые фронты трудящихся (до их перерождения в радикальные политические группировки), альтернативные профсоюзы, забасткомы, а также некоторые формы малых акционерных предприятий и подрядных бригад. Причём там, где рабочее самоуправление приобретает наиболее действенный характер, как это происходит сегодня в Кузбассе в случае с городскими рабочими комитетами спасения, в нём ярко проявляются черты, роднящие эти современные формы рабочей самоорганизации с Советами 1905 г. или забасткомы зимы 1917 г. Чем это явление вызвано и насколько оно устойчиво, пока говорить рано.

По разнообразию форм рабочей самоорганизации это время вполне сопоставимо с мартом — апрелем 1917 г., тогда рабочие организации также были охвачены организационной лихорадкой. Но нельзя не увидеть и серьёзного различия — если в 1917 г. постепенно происходила кристаллизация нескольких наиболее перспективных форм рабочей самоорганизации, то уже начиная с 1990—1991 гг. можно видеть, как многочисленные ветви рабочего движения, упираясь в тупик государственного курса и общеполитической ситуации, теряют своё лицо, силу и сходят со сцены.

Большие надежды относительно будущего расцвета рабочего самоуправления ещё сравнительно недавно связывались с начавшейся в стране приватизацией. Раньше у советских идеологов было понятие — “реальный социализм”. Оно было призвано объяснить, почему всем хотелось как лучше, а получалось как всегда. Очевидно, вскоре идеологам потребуются изобрести термин “реальная приватизация”. Применительно к рабочему самоуправлению идея приватизации трактовалась так, что рабочие, сделавшись акционерами своих предприятий, превратятся в их *хозяев*. Под этим предлогом администрация часто предлагала распустить существующие профсоюзы, поскольку работники сами стали владельцами предприятий и им не от кого защищаться. По словам одного из первых “перестроечных неформалов”, а ныне руководителя информационно-аналитического центра ФНПР, редактора газеты “Солидарность” А. Исаева, речь шла о второй, после компании по созданию СТК, номенклатурной попытке поиграть в экономическую демократию. Так ли это или нет, но для самоорганизации рабочих политика приватизации оказалась более чем сокрущительной. Реальными владельцами предприятий стали представители прежней администрации или новой финансовой элиты, перед которыми рабочие, без профсоюзов, оказались совершенно беззащитными. Возникающие же то тут, то там стачкомы, сталкиваясь с позицией государства, изменить что-либо не в состоянии.

Поэтому сегодня вопрос о возможности рабочего самоуправления в России столь же актуален, как и применительно к 1917 г., о чём мы уже упоминали во введении. И если материалы тех лет дают возможность дать на этот вопрос утвердительный ответ, но насколько эти выводы не устаревают сегодня, когда Россия уже вступила на порог нового постиндустриального, информационного общества?

Однако что кардинально нового появилось в мире со времени Великой русской революции? В главном общество осталось прежним. В чём же нам видится это главное? В его неоднородности, в необходимости поиска широкого компромисса в нём. Можно, конечно, раздавить, как это было в тоталитарных государствах, самостоятельность отдельных общественных групп, но даже современное тоталитарное государство, поставив себе на службу все средства современных ком-

муникаций и технологии манипулирования массами, вынуждено прибегать к созданию искусственных форм самоуправления, как это очень чётко показано в мемуарах нацистского преступника Шпеера.

Вероятно, индустриальный уклад сегодня уже не может считаться передовым. Во всяком случае, страны “первого эшелона”, пытаясь решить внутри себя проблему устойчивого развития, постепенно выводят его на периферию — в страны “второго” и даже “третьего эшелона” развития, оставляя себе лишь наукоёмкие отрасли с большим преобладанием белых воротничков. Но даже при подобном сценарии индустриальный уклад всё ещё не исчезает. Не исчезают и другие, доиндустриальные уклады. Более того, возникают автономные уклады, субкультуры и субэтноты, претендующие на большую или меньшую автономию, в противном случае угрожая остальному обществу нарушением его стабильности. И если даже тоталитарное государство не способно справиться с этой проблемой, что ещё, кроме самоуправления, может дать обществу возможность выйти из поджидающих его тупиков?

В своё время индустриальный уклад казался передовым. Рабочий класс или буржуазия воспринимались как передовые классы. Формы демократии, предложенные пролетариатом или буржуазией, воспринимались как панацея от всех бед прежнего государственного устройства. В России поочерёдно обе модели либеральной и социалистической демократии были апробированы. Либеральная демократия, с присущими ей формами самоуправления, почти сразу же оказалась в кризисе. Пролетарское самоуправление, составив в гордом одиночестве каркас нового государства, в образовавшемся вакууме также смогло сохранять свой демократический потенциал недолго. Не произойдёт ли сейчас нечто подобное, если в поисках “совершенства” общество заикнется на формах управления, рождаемых постиндустриальным этапом его развития? Тем более, что Россия-то принадлежит к странам не “первого эшелона” модернизации, а к странам “второго эшелона”, т. е. как раз к тем, в которые идёт вытеснение индустриального уклада из передовых стран. Таким образом, “устаревание” рабочего самоуправления для России пока не кажется злободневным вовсе.

К тому же пока ещё сложно с уверенностью говорить, какой будет социальная структура в постиндустриальном обществе. В частности, активно предлагает новые подходы к пониманию рабочих как особой социальной категории Р. Косолапов.

Если встать на его точку зрения, то пример Викжеля, когда в единую производственную корпорацию были объединены (с равным правом участия, если этот термин уместен применительно к 1917 г.) и служащие, и рабочие, покажется не чем-то исключительным, а как бы прообразом рабочего самоуправления нового века. Во всяком случае, проблема белых и синих воротничков — одна из ключевых

в новейших подходах к решению вопроса о будущих судьбах рабочего самоуправления.

В свете этого нам представляется не случайным, что немалое количество людей видят будущее России именно на путях развития самоуправления, в том числе рабочего. К сожалению, и этот факт следует отметить, в дискуссиях о судьбах рабочего самоуправления в России преобладает внимание к его политическим и экономическим формам. В то же время, как показывает опыт рабочего самоуправления в свете революции 1917 г. и последовавшего послереволюционного развития, экономические и политические формы самоорганизации отнюдь не исчерпывают всего существующего здесь многообразия. Впрочем, никто, разумеется, не станет возражать, что именно экономическое и политическое самоуправление имеет базовый характер для демократизации российского общества и что на их примере можно попытаться понять: что же, собственно, представляет собой самоуправление, рабочее самоуправление в частности? Придаток государства или более широкий принцип общественной самоорганизации?

Оставив этот вопрос открытым, отметим, что многие участники обсуждения вопросов современного рабочего самоуправления склонны именно к расширенной его трактовке. Именно с этих позиций идут поиски “третьего пути” для России, которые, по словам А. Бузгалина, сводятся к поискам альтернатив неолиберальному “концу истории” по Фрэнсису Фукияме и возрождению номенклатурного социализма. В частности, В. Белоцерковский, в прошлом участник правозащитного движения, а ныне сотрудник института Самоуправления во Франкфурте-на-Майне, в своих работах предлагает целый комплекс мер, способных, по его представлениям, привести к созданию в России общества, в котором самоуправление было бы основным принципом управления на всех этажах социальной лестницы.

Меры, предлагаемые участниками обсуждения современного рабочего движения России для его оживления, сводятся к расширению прав работников, в том числе путём передачи большинства хозяйственных объектов трудовым коллективам. За такое решение вопроса в разное время выступали такие разные деятели, как Святослав Фёдоров, С. Алексеев, Л. Пияшева, А. Исаев, В. Селюнин, Жиденский и др.

К сожалению, большинство высказываемых сегодня мнений опирается на западный опыт (впрочем, есть и исключения, причём речь идёт не только о таких почвенниках, как В.Ю. Троицкий, но и о некоторых профсоюзных лидерах). Прогрессивные тенденции в развитии западного общества предлагается привить здесь. В этом сегодняшние левые недалеко ушли от радикальных либералов и социалистов 1917 г. Так, уже упомянутый Белоцерковский в своей программной книге “Общество самоуправления — спасение и расцвет России” так прямо и говорит, что идеалом общественного устройства

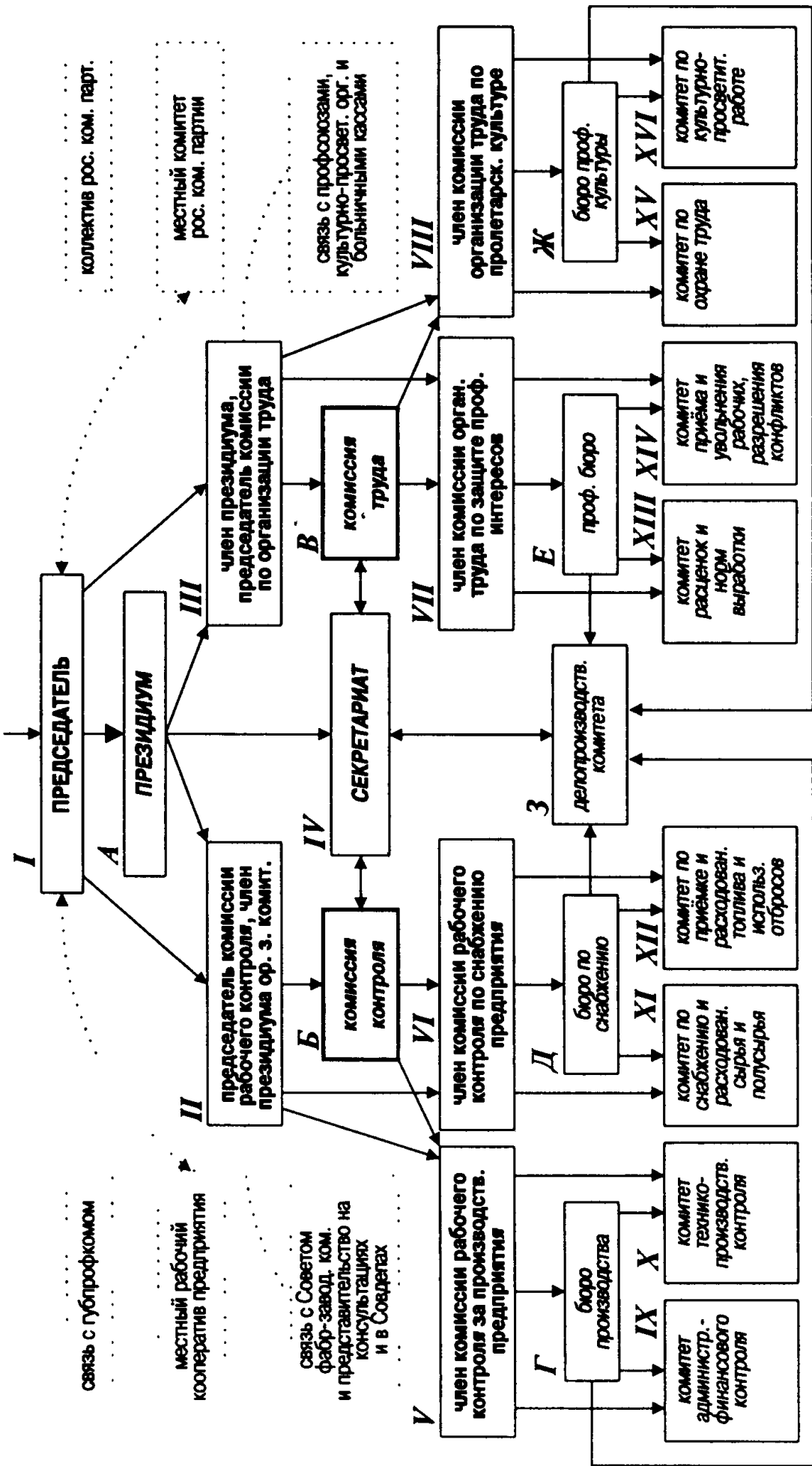
для него являются Соединённые Штаты Америки. “И это неслучайно, — подчёркивает он, — США — страна сильно развитого самоуправления”. Впрочем, такой подход отчасти оправдан. В то время как современная Россия может дать слишком узкий спектр материалов для анализа (и здесь мы полностью солидаризуемся с А. Колгановым), США действительно накопили немалый опыт не только территориального, но и рабочего самоуправления. По данным, которые приводят Д. Джонс и Дж. Плицин, в этой стране уже в 1974 г. было 300 корпораций, где некоторая доля акций принадлежала работникам, в 1977 г. их стало около 1 000, в 1986 г. — 7 500, а 1990 г. их насчитывалось уже около десяти тысяч. В 26 странах мира, вслед за Америкой, принят пакет законов (программа ЭСОП), регулирующих и облегчающих выкуп фирм их работниками. Но в том-то и дело, что у России есть не менее яркий опыт — опыт 1917 г. Он гораздо масштабнее и показательнее, чем опыт остальных государств в другие исторические периоды, что и призвано подчеркнуть данное исследование. Учёт этого опыта позволит более предметно обсуждать судьбы рабочего самоуправления не только в России, но и повсеместно.

Об этом свидетельствуют и более широкие обсуждения и исследования судеб рабочего самоуправления, ведущиеся в мире. В частности, Д. Сцелл, вводящий в круг имеющихся здесь подходов, по сути, признаёт недостаточность наших представлений об этом опыте и его неизученности. А между тем практически все вопросы, волнующие сегодня исследователей: и об участии рабочих в управлении предприятиями, и о контроле со стороны их организаций за прибылью предприятий и наймом рабочей силы, и о методах информирования рабочих относительно состояния дел на производстве, и о механизмах принятия рабочими управленческих решений и т. п., — всё это решалось и апробировалось в революционной России 1917 г. на очень обширном историческом поле.

Возможно ли в *будущей* России рабочее самоуправление? Человек должен быть хозяином своей судьбы — вот, говоря словами историка и публициста А. Фролова, *аксиома, принимаемая нашим сознанием без доказательств, интуитивно*. Но именно в этом и заключён *основной парадокс* всей истории человечества: с одной стороны, человек всё время стремился стать свободным от окружающих его обстоятельств (по П. Сорокину и Жану Полю Сартру), с другой стороны, он становился всё более не свободен от самого себя (по Э. Фромму и Н.А. Бердяеву). Над разрешением этого парадокса бились не только “узкие эмпирики” историки, не говоря уже о “приземлённых” политиках, но и “крутолобые мечтатели” философы. Но как он будет разрешён на самом деле — сможет показать только время

СХЕМА ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОГО КОМИТЕТА КРУПНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

ПЛЕНУМ ЗАВОДСКОГО КОМИТЕТА

УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН

А

Абендон В., 60
Абрамович Р., 17
Авилов Б., 105
Алексеев С., 14; 188
Алексеев Л., 184
Алуф А., 173
Аманжолова Д.А., 19
Амосов П.Н., 91
Андронов, 160
Антипов Н.К., 140
Арский, 161; 166
Астров Н., 105
Аузан А.А., 19
Ахиезер А.С., 62

Б

Баевский Д.А., 170; 171; 172; 173
Батышев И., 26; 27; 44; 47; 60; 76
Бекренев, 88
Белоцерковский В., 16; 188
Бердяев Н.А., 189
Биггарт Дж., 21
Богданов А.А., 20; 21; 126; 164; 165;
167; 174
Богданов Б., 108
Богданович, 49
Бойко Т.В., 20; 167
Бордюгов Г.А., 15; 18; 21
Борьян В., 17
Боуман Э., 16
Бринтон М., 172
Бубнов А.С., 100
Бузгалин А., 16; 188
Булдаков В.П., 14; 65; 91; 95
Бухарин Н.И., 14; 17; 20; 42; 63; 81; 82;
94; 109; 110; 112; 115; 116; 165; 169;
173; 174

В

Вада Х., 15
Васильченко С.Ф., 167
Вейнберг Г.Д., 161; 166
Вейцман С., 142; 145; 166
Виноградов, 119
Виноградов В.А., 18; 171
Виноградов Н.Н., 14
Владимирский М.Ф., 23; 29; 30; 41; 61;
125; 174
Войтинский С., 17
Волобуев П.В., 11; 18; 62; 91
Вомпе П., 168; 173
Воробьёв, 74
Восленский М., 174
Вранички Предраг, 16
Выренков, 33

Г

Галили З., 20; 62; 63; 93-95; 168; 172; 173
Гапоненко Л.С., 11; 18; 59
Гарви П., 9; 17; 25; 59; 74; 92; 94-96; 108;
166-168
Гастев А.К., 117; 140; 166
Гегель Г., 176
Герасименко Г., 14; 19; 59; 92
Герцен А.И., 32
Гольцман А., 117; 140; 166
Гончаров Н.К., 59
Горелкин Г., 24
Городецкий Е.Н., 168; 173
Горский В.В., 21
Горцка Габриэла, 21
Горький М., 167
Горячев Е., 73
Громан В., 108; 112
Грузинов А.Е., 22

Д

Давыдов, 154
Далин Д., 17; 125
Дан Ф.И., 17; 21; 55; 64
Дементьев Е.М., 29; 61
Демидов, 23
Дойчер И., 182
Дробижев В.З., 11; 18; 61; 62; 66; 132;
170; 171; 172; 173
Дюжова, 32

Е

Евсеев, 88
Егорова А.Г., 11; 18; 60; 64, 92
Емельянов Н.А., 19

Ж

Жаков М.П., 167
Жданов А., 181
Жиденский А., 188

З

Зарецкий З., 73; 89
Зиновьев Г., 17, 97; 150; 166

И

Иванов, 32
Иванов А., 89
Иванов В., 146
Иванов Н.Я., 113
Иванова Н.А., 16; 17
Игнатенко Т.А., 18; 63
Ингерфлом К., 21
Иоффе Г., 167
Исаев А.К., 16; 186; 188
Иткин М.Л., 18; 57; 65, 66, 92; 170, 171

К

Каблуков Н.А., 29; 61
Кактин А., 118
Кактынь А., 144
Каменев Л., 73; 97
Кан И., 128
Кара-Мурза С., 182
Карпов Ф.Г., 39
Карр Э., 18, 100; 138; 168; 169; 171; 172
Каутский К., 17
Керенский А. Ф., 93; 101; 108; 132; 167
Кёнкер Д., 20; 62
Кирова К.Э., 61
Киселёв А.Ф., 15; 19; 167-169; 171-174
Кисляков, 127

Кислякова Ф.И., 32
Кишкин Н., 23
Климохин С., 93; 122
Клифф Т., 181
Коваленко Д.А., 93; 171
Козлов В.А., 18
Козьмин-Лапин, 61
Колганов А., 16; 189
Коновалов А.И., 19; 40; 105; 106; 112
Корнилов Л.Г., 108; 167
Косолапов Р.И., 187
Кофенгауз Л., 105
Коэн С., 20
Краснов, 101
Крейзель Ю.Б., 94
Крупская Н.К., 138; 171
Крушницкий, 109
Кукушкин С., 63
Кульбакин, 83
Кун М., 20; 94

Л

Лаверычев В.Я., 168
Лавров В.М., 19; 20
Ларин Ю., 73; 90; 113; 116; 128, 139; 144;
166
Лебединский, 127
Левшин В.Е., 30
Лейман, 131; 132; 133
Ленин В.И., 15; 19; 30; 34; 41; 61-63; 65;
72; 85; 88; 95-98; 100; 102; 106; 108;
110-114; 116; 117; 136-139; 142; 144;
157; 158; 160; 161; 167-169; 171-173;
180; 185
Ливен И.К., 47
Литвинов М.М., 179
Лозовский С.А., 17; 92; 95; 114; 116; 118;
138, 140; 147; 148; 150; 166, 168; 169;
171
Лубков А.В., 14; 58
Львов Г.Е., 22

М

Максимов, 148
Мандель Д., 20; 42; 60; 63
Маниковский А., 105
Марин, 32
Маркс К., 29; 61; 67; 68; 74; 91; 176; 184
Мартов Ю.О., 17; 180
Мартынов А., 17
Мау В., 112; 169
Мещеряков Ю., 20
Милюков П.Н., 75
Милютин В.П., 88; 136; 139; 141

Морозов Б.М., 168; 173

Н

Нарожницкий М.А., 22

Ненароков А., 20

Николаев П.А., 11; 18; 62; 65; 92; 93

Николаева Л.С., 21

Николай II Романов, 58; 60; 93

О

Оборин В., 117

Ознобишен Д.В., 93

Осинский Н., 113; 114

П

Павлюченков С.А., 19; 169; 173

Пайпс Р., 150; 171; 172; 173

Панкратова А.М., 10; 18; 58; 62; 63; 65;
94; 95; 167; 170; 171; 172

Пахомов, 161

Пияшева Л., 188

Платонов О., 62; 92

Плетнёв, 171

Плетнёв В.Ф., 141

Плеханов Г.В., 167

Плицин Дж., 189

Погожев А.В., 61

Покровский М.Н., 10; 64; 119

Полонский Г., 105

Полушин, 94; 123; 158

Пономарёв В., 184

Прокопович С.Н., 17

Пузырёва Е., 33

Р

Рабинович А., 18, 93

Разумова, 90

Рашин А., 61

Рейли Д., 19; 36; 62; 101, 168

Рид Дж., 16

Риттих А.А., 105

Родзянко М.В., 22

Розенберг В., 20

Розенблум Д., 17

Романов Ф.А., 173

Рубин Е., 128

Рыбаков А., 20

Рыков А.И., 18; 38; 62; 65

Рябушинский П.П., 23, 54; 104

Рязанов Д., 17; 137; 147, 149; 161, 166

С

Самари К., 16

Сапронов Т., 53

Сартр Жан Поль, 189

Селицкий В.И., 18; 59; 62; 65; 66; 92

Селонин В., 188

Семенникова Л.И., 19

Семёнов Н.И., 75

Симонян М.Н., 64; 65

Скворцов-Степанов И., 116; 117; 169

Скобелев М.И., 106

Скрыпник Н.А., 52; 79; 91; 117; 140

Слассер Р., 167

Смидович П., 78

Смирнов В.М., 161

Смирнов С.А., 64

Соколов А., 105

Соколов А.К., 61; 62

Сорокин П., 125; 189

Спиридонов М.В., 168; 173

Спиридонова М., 20

Сталин И.В., 17; 97; 167; 181

Степанов А., 9; 17; 105; 113

Сторожев, 104

Стоун Р., 16

Строганов, 38

Суханов Н.Н., 17

Сцелл Д., 16; 60; 189

Т

Таптыгина, 153

Терентьев И.М., 33

Томский М., 17; 138; 142; 163; 169; 174

Торчинский Г., 128

Трахтенберг, 161; 166

Третьяков С.Н., 23

Троицкий В.Ю., 188

Троцкий Л.Д., 23; 73; 97; 166; 183

Трубецкой Е.Н., 75

Трукан Г.А., 58; 170; 174

Тюкавкин В.Г., 14; 171

У

Уваров А.К., 65; 169

Устинов В.А., 61; 62

Ушаков А.И., 15; 19

Ф

Фатуева Н.В., 19

Федюк В.П., 19

Фельштинский Ю., 168

Ферро М., 58; 60; 93

Фёдоров Св., 188

Фин Я., 10; 17; 59; 64; 65; 95; 168; 173

Фрейдлин Б.М., 92; 93

Фролов А., 189

Фромм Э., 189

Фрумкин Б., 17; 128
Фукияма Френсис, 188

Х

Хеймсон Л., 20
Хинчук Л., 38; 39
Холмс Л., 19

Ц

Цакунов С., 20
Церетели И.Г., 82; 94
Ципирович Г.В., 136; 138; 166

Ч

Чаадаев О.Н., 10
Челноков М.В., 22
Череванин Ф., 108; 148
Чернов М.В., 22; 109
Черномаз И.Ш., 18
Чубарь В.Я., 91

Ш

Шаблинский Ф.М., 119
Шадр И., 176
Шарапов, 32
Шатилова Т., 17
Шверник, 181
Шевников Н., 119
Шингарёв А.И., 106
Ширяев, 83
Шлихтер А., 145
Шляпников А.Г., 104; 138; 168
Шмидт В., 17
Шпеер А., 187
Шубин А., 16

Щ

Щагин Э.М., 14; 167; 171
Щукин, 88

Э

Энгель, 147; 166
Энгельгардт А.Н., 32
Энгельс Ф., 61; 91
Эссен, 119

Ю

Юзенкова, 45

А

Abendon W., 60
Adams M., 20
Addison Ch., 61
Avrich P.H., 169

В

Biggart J., 21
Brinton M., 172
Bünger, 61

Н

Husband W., 20; 94

К

Koenker D., 63
Kotkin S., 19

М

Mally L., 20
Mood D., 19

С

Shkliarevsky G., 20
Steila D., 20

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

ИССЛЕДОВАНИЯ И ОПУБЛИКОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

1. Богданов А.А. Вопросы социализма. М., 1990.
2. Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1988
3. Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989.
4. Великий Октябрь. История. Историография. Источниковедение. М., 1978.
5. Волобуев П.В. Пролетариат и буржуазия России в 1917 г. М., 1964.
6. Вопросы историографии рабочего класса СССР М., 1970.
7. Всесоюзный союз рабочих металлистов в резолюциях и постановлениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1907 - 1925. Часть 1-ая. М., ЦК ВСРМ 1927
8. Галили З. Лидеры меньшевиков в Русской революции. М., 1993.
9. Герасименко Г. Народ и власть (1917 год). М., 1995.
10. Грациози А. Большевики и крестьяне на Украине, 1918–1919 годы. Очерк о большевизмах, национал-социализмах и крестьянских движениях. М., 1997.
11. Дробижев В.З. Главный штаб социалистической промышленности. (Очерки истории ВСНХ. 1917–1932гг.). М., 1966.
12. Ивановцы в борьбе за Октябрь и социалистическую Родину. Иваново, 1942.
13. Игнатенко Т.А. Советская историография рабочего контроля и национализации промышленности в СССР. М., 1978.
14. Ингерфлом К. Несостоявшийся гражданин. Русские корни Ленинизма. М., 1993.
15. Карр Э. История Советской России. Большевицкая революция 1917–1923. Кн. 1. Т. 1; Т. 2. М., 1990.
16. Киселёв А.Ф. Профсоюзы и Советское государство (Дискуссии 1917–1920гг.) М., 1991.
17. Климохин С.К. Краткая история текстильщиков Иваново-кинешемской промышленной области. Кинешма, 1918.
18. Колычевский И. Забастовочное движение в Москве с февраля по октябрь 1917 г. // Пролетарская революция. 1926. №8. С. 55–177.
19. Кондратьева Т. Большевики-якобинцы и призрак термидора. М., 1993.
20. Коэн С. Бухарин. Политическая биография: 1888–1938 гг. М., 1988.
21. Крицман Л. Героический период русской революции (Опыт анализа т.н. военного коммунизма). М.-Л., 1926.
22. Кукушкин С. Московский Совет в 1917 году. М., 1957.
23. Лаверычев В.Я. Военный государственно-монополистический капитализм в России. М., 1988
24. Лозовский А. Рабочий контроль. Изд. "Социалист". 1918.
25. Мандель Д. Рабочий контроль на заводах Петрограда // Альтернативы, 1995. № 2 С. 112 – 135; № 3. С 116 – 137.
26. Мау В. Реформы и догмы 1914–1929. М., 1993.
27. Московский Совет профсоюзов в 1917 году. Протоколы. М., Труд и книга. 1927
28. На баррикадах за власть Советов. Сб. док. и восп. М., 1934.
29. Николаев П.А. Рабочие-металлисты Центрально-промышленного района России в борьбе за победу Октябрьской революции (март – ноябрь 1917 г.) М., 1960.
30. Октябрь в Хамовниках 1917. М., 1927.

31. Октябрьская революция и фабзавкомы: Материалы по истории фабрично-заводских комитетов. М., Изд-во ВЦСПС. 1927. Ч. 1–3.
32. Октябрьские дни в Москве и районах. М., 1923.
33. Организация и строительство Советов рабочих депутатов в 1917 г. М., 1928.
34. Очередные задачи профсоюзов. М., 1918.
35. Пайпс Р. Русская революция. Т. 2. 1994.
36. Панкратова А.М. Фабзавкомы в Германской революции (1918–1923 гг.). М., 1924.
37. Панкратова А.М. Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику. М., 1923.
38. Первый Всероссийский съезд профессиональных союзов. 7–14 января 1918 г. Стенографический отчет с предисловием. М. Томского. М., ВЦСПС. 1918.
39. Пионтовский С.А. Октябрьская революция в России. Её предпосылки и ход. М., 1923.
40. Платонов О. Русский труд. М., 1991.
41. Попова Е. Московская провинция в 1917 году. М., 1927.
42. Протоколы II Всероссийского съезда комиссаров труда, представителей бирж труда и страховых касс. 18–25 мая 1918 г. М., Вторая гос. тип. 1918.
43. Протоколы Всероссийского учредительного съезда союза рабочих металлистов (15–19 января 1918 г.) М., ВЦСПС. 1919.
44. Протоколы пленарных собраний Московского областного бюро Советов Рабочих и Крестьянских депутатов. Владимир, 1917.
45. Протоколы Президиума Высшего Совета Народного Хозяйства. Декабрь 1917 г. — 1918. М., 1991.
46. Профсоюзы в Октябрьской революции. М., ВЦСПС. 1927.
47. Рашин А.Г. Формирование промышленного пролетариата в России. Стат-экон. очерки. М., Соцэкгиз. 1940.
48. Рашин А.Г. Формирование рабочего класса России. Ист.-эконом. очерки. М., 1958.
49. Рыков А.И. Избранные произведения. М., 1990.
50. Рабочая интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 — февраль 1917. СПб., 1997.
51. Слассер Р. Сталин в 1917 году. М., 1989.
52. Степанов И. От рабочего контроля к рабочему управлению в промышленности и земледелии. М., ВЦСПС. 1918.
53. Струмилин С.Г. Заработная плата и производительность труда в русской промышленности в 1913–1922 гг. М., Вопросы труда. 1923.
54. Струмилин С.Г. Очерки советской экономики. М.-Л., 1928.
55. Третья Всероссийская конференция профессиональных союзов. Стенографический отчет. М., 1927.
56. Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1989.
57. Труды I Всероссийского съезда советов народного хозяйства. М., ВСНХ. 1918.
58. Труды Всероссийского Чрезвычайного съезда железнодорожных служащих, мастеровых и рабочих, состоявшегося в Петрограде с 5 до 30 января 1918 г. Пг., 1918.
59. Труды делегатских собраний Иваново-Кинешемского областного союза рабочих и работниц текстильной промышленности. Изд. Ив.-К. обл. проф. союза рабочих и работниц текстильных предприятий. 1918
60. Устав о промышленном труде. Св. Законов. Т. XI, Ч. 2. Пг., 1913.
61. Файдыш В. Октябрь в Замоскворечье. М., 1935.
62. Фин Я. Фабрично-заводские комитеты в России. М., 1922.
63. Церетели И.Г. Кризис власти. М., 1992.
64. Чернов В. Конструктивный социализм. М., 1997.
65. Шатилова Т.И. Фабзавкомы и профсоюзы в 1917 г. Л., Ленгубпросвет 1927.
66. Шляпников А.Г. Канун Семнадцатого года. Семнадцатый год. Т. 1. М., 1992.
67. 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997

68. Abendon W A Shot History of European Working Class © NBL&C S London 1972
69. Addison Ch Four and Half Years. A Personal Dianry from June 1914 to January 1919 / Vol. II. L. 1934
70. Bünger S. Die socialistische Antikriegsbewegung in Grossbritannien 1914–1917 B 1967
71. Gerschenkron A Wirtschaftliche Rückständigkeit in historischer Perspektive // Geschechte und Okonomie / Hrsg. H.-U Wehler/ Köln 1973
72. Hill Ch. Lenin and the Russian Revolution Cox & Wyman Ltd London 1971
73. Husband William B Revolution in the Factory/ The Birth of Soviet Textile Industry 1917–1920. New York — Oxford Oxford University press 1990 p 53.
74. Keep J. L. H The Russian Revolution: A Study in Mass Mobilization. New York 1976
75. Koenker D Moscow Workers and the 1917 Revolution. Pristoen/ 1981 p 107.
76. Koenker D P., Rosenberg W. G Strikes in Revolution: Russia, 1917 Paper presented at the Conference on Russian Labor History. New York 1983.
77. Liebman M. The Russian Revolution / New York, 1970.
78. Wright. A W Guild Socializm Revisited // Journal of Contemporary History. L/1974 Vol 9 N 1

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории.

1. Фонд 2 Ленин (наст. Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924).
2. Фонд 17. Центральный комитет КПСС.
3. Фонд 95. Фракция РКП(б) во Всероссийском Центральном Исполнительном Совете Профессиональных Союзов (ВЦСПС). 1919–1924.

Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ).

1. Фонд 6935. Комиссия по изучению российского профдвижения (Истпроф)
2. Фонд Р-5472. Центральный комитет профессионального союза рабочих бумажной промышленности СССР. (ЦК бумажников)
3. Фонд. 5451 Всероссийский Центральный совет профессиональных союзов
4. Фонд. 6860 Комиссия по изучению истории профессионального движения при Центральном комитете Всесоюзного союза рабочих металлистов (Истпроф ЦК металлистов)
5. Фонд 6864 Комиссия по изучению истории профессионального движения при ЦК профсоюза печатников (Истпроф при ЦК союза печатников).
6. Фонд. 6866 Комиссия по изучению истории профессионального движения ЦК профсоюза рабочих кожевников СССР (Истпроф ЦК кожевников)
7. Фонд. 6868 Комиссия по изучению истории профессионального движения при ЦК профсоюза текстильщиков (Истпроф при ЦК текстильщиков).
8. Фонд. Р-1244 Редакция газеты “Известия” Советов депутатов т трудящихся СССР
9. Фонд. Р-472 Центральный совет фабрично-заводских комитетов (ЦС ФЗК).
10. Фонд. Р-5469. Центральные комитеты проф. союзов рабочих металлистов СССР
11. Фонд. Р-5471. Центральные комитеты проф. союзов работников пищевой промышленности.
12. Фонд. Р-5498. Исполнительный комитет железнодорожного союза (Викжель).
13. Фонд. Р-5500. Всероссийский совет рабочих железнодорожного транспорта (Все-профжель)
14. Фонд. Р-7952. Государственное издательство “История фабрик и заводов”.

Центральный Архив Общественных Движений Москвы (ЦАОДМ).

1. Фонд 3. Московский комитет Коммунистической партии Советского Союза
2. Фонд 412. Парторганизация машиностроительного завода “Красный пролетарий” (Бывший бр. Бромлей)

Центральный Государственный Архив Московской Области (ЦГАМО).

1. Фонд 66 Московский Совет Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов
2. Фонд. 180. Московский губернский Совет профессиональных союзов
3. Фонд 186. Московский районный комитет союза рабочих металлистов

4. Фонд. 3973. Фабрично-заводской комитет союза текстильщиков при фабриках товарищества Прохоровской Трехгорной мануфактуры.

Центральный Муниципальный Архив Москвы. (ЦМАМ).

- 1 Фонд. 2795. Заводской рабочий комитет союза металлистов при заводе инженера Пэлка ("Металлотехник").
- 2 Фонд. Р-100. Московский электромашиностроительный завод "Динамо" им. С. М. Кирова
- 3 Фонд. Р-220. Фабричный комитет профсоюза рабочих и служащих, занятых по выработке пищевых продуктов при кондитерской фабрике "Большевик"

Государственный архив Ивановской Области (ГАИО).

- 1 Фабрично-заводские комитеты профессионального союза текстильщиков при фабриках Иваново-Вознесенской губернии
2. Фонд Р-1578. Большой Красной мануфактуры (б. фабрики С. Посылина).
3. Фонд Р-636. Бывшей фабрики И.П. Кокушкина.
- 4 Фонд Р-704. "Красный профинтерн" (б. т-во м. Г. Разорёнова и И. Королева)
5. Фонд Р-708. Большой Шуйской мануфактуры (б. т-ва Шуйской мануфактуры)
6. Фонд Р-711. Петрищевской мануфактуры (б. фабрики П. Витовой).
7. Фонд. Д-1122. Иваново-вознесенский городской комитет обществ. безопасности.
8. Фонд. Д-1581. Яковлевский временный исполнительный комитет Нерехтского уезда Костромской губернии.
9. Фонд. Д-163. Кинешемский уездный комитет общественной безопасности.
10. Фонд. Д-165. Кинешемский уездный комиссар Временного правительства (переписка о революционном движении).
11. Фонд Д-622. Стачечный комитет при фабричном комитете ситцепечатной и бумаготкацкой фабрики товарищества мануфактур И. Гарелина, Иваново-Вознесенск.
12. Фонд Д-641. Шуйское общество фабрикантов и заводчиков
13. Фонд Р- 712. Лежнёвской мануфактуры (б. фабрики И.П. Кокушкина)
14. Фонд. Р-1274. Шуйско-Егорьевской мануфактуры
15. Фонд. Р-1293 Им. Г.К. Королёва (б. фабрики Ямской мануфактуры бр Н и Л Гандуриных).
16. Фонд. Р-2149. Нижне-Уводской мануфактуры (б. фабрики П.Н. Грязнова).
- 17 Фонд. Р-2153. Товарищество Волжской мануфактуры (б фабрики П. Миндовского и И. Бакакина).
18. Фонд. Р-442. Зарядье-Вознесенской мануфактуры (б. фабрики т-ва м. И. Гарелина)
19. Фонд Р-506. Кохомской мануфактуры (б. фабрики В.Е. и А. Ясюнинских)
- 20 Фонд Р-608. Старо Дмитриевской мануфактуры (б. фабрики Н.П. Зубкова)
21. Фонд. Р-688. Подгорно-катонинной фабрики (б. т-ва м. Н.П. и Я.Н. Фокиных).
22. Фонд. Р-701. Мало-Дмитровской мануфактуры (б. фабрики Н.М., Полушина).
23. Фонд. Р-702. Писцовской мануфактуры (б. фабрики И. Скворцова).
24. Фонд. Р-703. Большой Иваново-Вознесенской мануфактуры (б. фабрики т-ва Куваевской ситценабивной мануфактуры).
25. Фонд. Р-705. Тейковской фабрики (б. т-ва м. А. Каретникова).
26. Фонд. Р-709. Им. В. П. Ногина (б. т-ва м. И. Коновалова)
27. Фонд. Р-710. Родниковской мануфактуры (б. фабрики А. Красильщиковой).
28. Фонд. Р-713. "Красная Ветка" (б. т-ва м. бр. Ф. и А. Разорёновых)
29. Фонд. Р-730. Иваново-Вознесенский губернский отдел всесоюзного профессионального союза текстильщиков.
- 30 Фонд. Р-757. Иваново-Вознесенское городское отделение всероссийского профессионального союза текстильщиков
31. Фонды Д-621 (Иваново-Вознесенский); Д-668 (Родниковский). Районные стачечные комитеты Иваново-Кинешемской области проф. союза текстильщиков

32. Фонды Р-613 (Кинешемское); Р-679 (Середское); Р-616 (Тейковское); Р-412 (Шуйское); Р-760 (Юрьевское). Уездные отделения Иваново-Вознесенского губернского отдела всесоюзного профессионального союза текстильщиков.

Государственный архив Тульской Области (ГАТО).

1. Фонд 1140. Тульский губернский Совет профессиональных союзов.
2. Фонд 207. Тульский государственный сахарорафинадный завод.
3. Фонд 444. Судаковский цементный (позже чугуноплавильный) завод
4. Фонд 98. Совет Народных Комиссаров Тульской губернии.
5. Фонд. 1012. Тульский губернский союз металлистов.
6. Фонд. 220. Первые Тульские оружейные заводы. Приказы по заводам и протоколы заседаний центрального заводского и технического комитетов.
7. Фонд. 324. Тульский государственный патронный завод.
8. Фонд. 7. Оружейная фабрика и магазин "Интернационал"
9. Фонд. Р-105. Лапотковский волостной Исполнительный комитет Совета Крестьянских депутатов Крапивинского уезда Тульской губернии.

ПЕРИОДИКА

1. Большевик.	27. Листовка Исполнительного бюро конференции С.Р. и С.Д. Иваново-Кинешемского района.
2. Вестник Временного правительства.	28. Металлист.
3. Вестник всероссийского общества кожевенных заводчиков.	29. Московский металлист.
4. Вечернее время	30. Наша Звезда.
5. Вечерние огни.	31. Наше слово.
6. Вечерний час.	32. Новая жизнь.
7. Власть народа. Газета демократическая и социалистическая.	33. Новый день.
8. Вперёд.	34. Новый мир.
9. Газета Временного Рабочего и Крестьянского правительства.	35. Новый путь.
10. Голос Кожевника.	36. Печатник.
11. Дело Народа.	37. Печатное дело.
12. День.	38. Правда
13. Живое слово	39. Рабочая газета
14. Журналы заседаний Особого совещание по обороне государства.	40. Рабочий город. Орган Иваново-Вознесенского городского Общественного самоуправления и Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.
15. Известия Московского Военно-Промышленного Комитета.	41. Рабочий Контроль.
16. Известия Московского Совета Рабочих Депутатов.	42. Рабочий край.
17. Известия Смоленского Совета Рабочих и Крестьянских депутатов.	43. Речь.
18. Известия Совета Рабочих и Военных Депутатов.	44. Русские ведомости.
19. Известия Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.	45. Русский Манчестер.
20. Известия Тверского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов.	46. Советские профсоюзы.
21. Историк-марксист.	47. Социал-демократ.
22. Исторический Архив.	48. Статистика труда.
23. Коммунист.	49. Текстильный рабочий.
24. Красная летопись.	50. Ткач.
25. Красная новь.	51. Торгово-промышленная газета.
26. Красный Архив.	52. Труд.
	53. Экономическая жизнь. Орган Высшего Совета Народного Хозяйства и Народных Комиссариатов — Финансов, Продовольствия, Торговли и промышленности.

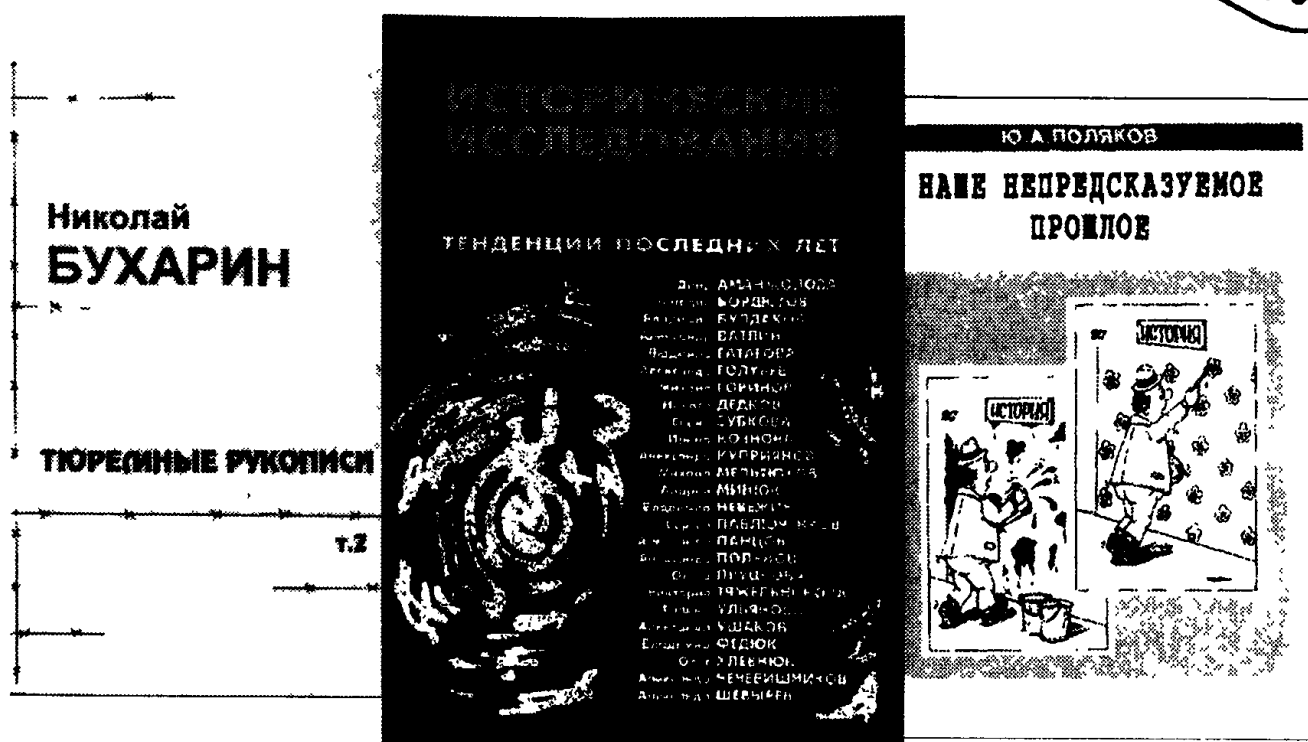
СЕРИЙНЫЕ ИЗДАНИЯ (1993–1997 гг.)

Ассоциация исследователей
российского общества XX века
представляет серийные издания
(по итогам 1993 – 1997 гг.)

«АИРО – ПЕРВАЯ МОНОГРАФИЯ»
под редакцией Г. А. Бордюгова

- С. А. А л е к с а н д р о в. Лидер российских кдетов
П. Н. Милюков в эмиграции
/ Послесловие М. Г. Вандалковской. М., 1996.
- Д. А. А м а н ж о л о в а. Казахский автономизм и Россия.
История движения Алаш
/ Послесловие Ю. А. Полякова. М., 1994.
- Д. Л. Б а б и ч е н к о. Писатели и цензоры. Советская литература
1940-х годов под политическим контролем ЦК.
/ Послесловие Л. И. Лазарева. М., 1994.
- А. Ю. В а т л и н. Коминтерн: первые десять лет.
/ Послесловие Ф. И. Фирсова. М., 1993.
- Э. В и ш н е в с к и. Либеральная оппозиция в России
накануне первой мировой войны.
/ Послесловие К. Ф. Шацилло. М., 1994.
- Л. С. Г а т а г о в а. Правительственная политика и народное
образование на Кавказе в XIX веке.
/ Послесловие Н. М. Пирумовой. М., 1993.
- Е. Ю. З у б к о в а. Общество и реформы. 1945 – 1964 гг.
/ Послесловие П. В. Волубуева. М., 1993.
- Н. А. К р и в о в а. Власть и церковь в 1922 – 1925 гг.
/ Предисловие Р. Г. Пихоя. М., 1997.
- А. И. К у п р и я н о в. Русский город в первой половине
XIX века: общественный быт и культура горожан
Западной Сибири. М., 1995.
- Е. С. Л е в и н а. Вавилов, Лысенко, Тимофеев-Ресовский...
М., 1995.
- В. А. Н е в е ж и н. Синдром наступательной войны. Советская
пропаганда в преддверии "священных боев". 1939–1941 гг.
/ Послесловие Б. Бонвеча. М., 1997.
- А. Ю. П о л у н о в. Под властью обер-прокурора.
Государство и церковь в эпоху Александра III.
/ Послесловие Л. Г. Захаровой. М., 1996.
- Ю. В. С о к о л о в. Красная звезда или крест?
Жизнь и судьба генерала Брусилова. М., 1994.

- А. И. У ш а к о в. История гражданской войны в литературе русского зарубежья. Опыт изучения. / Послесловие. А. П. Ненарокова. М., 1993.
- С. В. Ц а к у н о в. В лабиринте доктрины. Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е годы. / Послесловие Р. У. Дэвиса. М., 1994.
- С. А. Э к ш т у т. В поиске исторической альтернативы. Александр I, его сподвижники и декабристы. М., 1994.

«АИРО – ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ»
под редакцией Г. А. Бордюгова

- Советская Военная Администрация в Германии (СВАГ).*
Управление пропаганды (информации)
и С. И. Тюльпанов. 1945 – 1949 гг. Сборник документов. М., 1994.
- Литературный фронт.* История политической цензуры 1932–1946 гг.
Сборник документов. М., 1994.
- Неизвестный Богданов.* В 3-х книгах,
Книга I: Письма, статьи, доклады и воспоминания
А. А. Богданова (Малиновского). 1901 – 1928 гг. М., 1994.
Книга II: А. А. Богданов и группа “Вперед”. М., 1995.
Книга III: А. А. Богданов. Десятилетие отлучения от марксизма.
М., 1995.
- СССР – Польша.* Механизмы подчинения. 1944 – 1949.
Сборник документов. М., 1995.

Тюремные рукописи Н. И. Бухарина. В 2-х книгах.

Книга I: Н. И. Бухарин. Социализм и его культура. М., 1996.

Книга II: Н. И. Бухарин. Философские арабески.

Диалектические очерки. М., 1996.

Правый уклон" в КПГ и сталинизация Коминтерна.

Стенограмма заседания Президиума ИККИ

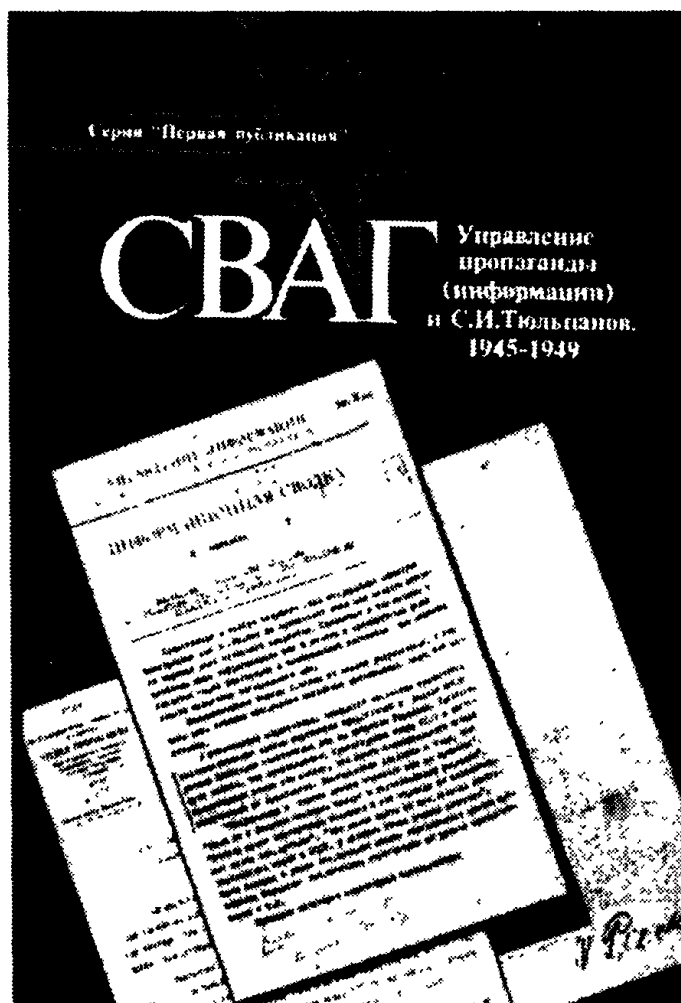
по германскому вопросу 19 декабря 1928 г. М., 1996.

«ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ В РОССИИ»

М. Б у б е р - Н е й м а н. Мировая революция и сталинский режим.
М., 1995.

А. Г р а ц и о з и. Большевики и крестьяне на Украине, 1918–1919 годы.
Очерк о большевизмах, национал-социализмах и крестьянских
движениях. М., 1997.

Д. К р е ч м а р. Политика и культура при Брежнев, Андропове и Чер-
ненко. 1970–1985 годы. М., 1997.

С. А. Александров

Лидер
российских кадетов
П. Н. Милюков
в эмиграции

СЕРИЯ
«ПЕРВАЯ МОНОГРАФИЯ»

«АИРО-МОНОГРАФИЯ»

- Г. М. А д и б е к о в. Коминформ и послевоенная Европа. М., 1994.
Н. Ф. Б у г а й. Л. Берия – И. Сталину: “Согласно вашему указанию...”
М., 1995.
М. А. П е р с и ц. Застенчивая интервенция. О советском вторжении
в Иран. 1920 – 1921 гг. М., 1996.
Ю. А. П о л я к о в. Наше непредсказуемое прошлое.
Полемические заметки. М., 1995.
В. П. Ф е д ю к. Белые. Антибольшевистское движение на юге России
1917–1918 гг. М., 1996.
О. В. Х л е в н ю к. Сталин и Орджоникидзе.
Конфликты в Политбюро в 1930-е гг. М., 1993.
Ю. П. Ш а р а п о в. Лицей в Сокольниках. Очерк истории ИФЛИ –
Московского института истории, философии и литературы
им. Н. Г. Чернышевского (1931 – 1945 гг.). М., 1995.

а также КНИГИ И СБОРНИКИ:

- Российская империя, СССР, Российская Федерация: история одной страны?*
Прерывность и непрерывность в отечественной истории XX века.
В. П. Булдаков, В. А. Мау, А. С. Ципко. Сборник статей. М., 1993.
Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера?
Незапланированная дискуссия. Сборник статей. М., 1995.
Сталинское Политбюро в 1930-е годы. Сборник документов. М., 1995.
Межнациональные отношения в России и СНГ.
Семинар Московского центра Карнеги.
Выпуск I: доклады 1993 – 1994 гг. М., 1994.
Выпуск II: доклады 1994 – 1995 гг. М., 1995.
Среда и культура в условиях общественных трансформаций.
Сборник статей. М., 1995.
Кто есть кто в изучении народов и национальных проблем России.
Биобиблиографический справочник. М., 1995.
И. А. Д е д к о в. Любить? Ненавидеть? Что еще?..
Заметки о литературе, истории и нашей быстротекущей
абсурдной жизни. М., 1995.
Архивы звука и образа Статьи и методические материалы, М., 1996.
Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы.
Вып. 2. М., 1996.
Исторические исследования в России. Тенденции последних лет.
Сборник статей. М., 1996.
И. И. Л и с о в. Секунды, равные жизни. М., 1997.
Изюмцы в боях за Россию.
Воспоминания офицеров 11-го гусарского Изюмского генерала До-
рохова полка. Составитель В.И. Алявдин. М., 1997.

ЧУРАКОВ ДИМИТРИЙ ОЛЕГОВИЧ

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И РАБОЧЕЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ.
1917

В оформлении четвёртой страницы обложки использован эскиз панно
“Заводы трудящимся” художника Н.И. Альтмана.

Ответственный за выпуск – А.И. Ушаков
Компьютерная верстка и техническое редактирование – С.П. Щербина

ЛР № 030620 от 11.11.1994
Подписано в печать с оригинал-макета 21.01.1998
Формат 60×80 1/16. Бумага офс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12,75. Усл. кр.-отг. 13,63 Тираж 1000 экз.

«АИРО – ХХ»
E-mail: airo@glasnet.ru

ABO

PLAY

ISBN 5-88735-039-3